

сентябрь – октябрь
5 (85) 2018 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

10 КАЛИНИНА Г. Н., ТИКУНОВА С. В.

ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

18 ИГНАТОВ М. А.

СЕТЕВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И НЕТ-МЫШЛЕНИЕ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

27 БЕЛОВИНСКИЙ Л. В.

К МЕТОДИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ
ИСТОЧНИКОВ В МУЗЕЙНОЙ РАБОТЕ

35 БЕЛОБРОВ К. В.

КУЛЬТУРНЫЙ ИНТЕРЕС В СОВРЕМЕННОЙ
БЛОГОВОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

44 ПАРЕНЧУК Т. Н.

СОВРЕМЕННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

**ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ**   **54 ЖУБАРА А.**

БЕРЛИНСКАЯ ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ КАК
ОСОБОЕ «МЕСТО ПАМЯТИ» В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ

62 СИНЯВИНА Н. В., МАХОВИЧ Е. В.

МОДИФИКАЦИЯ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ
1860–1930-х годов

**БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

74 ЛОПАТИНА Н. В., НЕРЕТИН О. П.

СОХРАНЕНИЕ ЦИФРОВОГО КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ В ЕДИНОМ ЭЛЕКТРОННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЗНАНИЙ

81 КУЗНЕЦОВА Т. Я.

МОДЕРНИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕК И ИХ
ИННОВАЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ:
ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

93 АСКАРОВА В. Я., ЗУБАНОВА Л. Б.

ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ
В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ:
АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ
И ПРОЕКТНЫЕ СТРАТЕГИИ

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

104 ШАРКОВСКАЯ Н. В.

КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПАРКА
КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
АКТИВНОГО ДОСУГА

- 111 ШАМСУТДИНОВА Д. В.**
МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- 121 КАЛИМУЛЛИНА О. А., ГРЕБЕНКИНА Н. Н.**
ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
- 129 ГЕКМАН Н. А.**
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ МОЛОДЁЖИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОЛЕВЫХ ИГР
- 135 ДЕДЮШИНА Е. В.**
ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИГРОВОГО ДОСУГА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА
- ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ**
- 142 АЛЬБОВ А. П., СЛУЦКАЯ И. И.**
КОМПЛЕКСНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО)
- 152 СЕРЕГИН Н. В.**
ПСИХОДИДАКТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ САМОПОДГОТОВКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

166 ГИНКЕВИЧ И. В.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

НОВЫЕ КНИГИ 180 ЯРОШЕНКО Н. Н.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ТЕНДЕНЦИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ
– НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА ОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

September – October
5 (85) 2018
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THE THEORY OF CULTURE

10 KALININA G. N., TIKUNOVA S. V.

THE CONCEPT AND METHODOLOGY
OF THE STUDY OF CULTURAL LANDSCAPE

18 IGNATOV M. A.

NETWORK MENTALITY AND NET-THINKING
IN POST-INDUSTRIAL CULTURE

27 BELOVINSKY L. V.

TO THE METHOD OF USING GRAPHIC SOURCES
IN MUSEUM WORK

35 BELOBROV K. V.

CULTURAL INTEREST IN CONTEMPORARY
THEATRE BLOG CULTURE

44 PARENCHUK T. N.

MODERN FESTIVE CULTURE IN THE CONTEXT
OF THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA

**THE HISTORY
OF CULTURE**

54 JUBARA A.

BERLIN PALACE SQUARE AS A SPECIAL
“PLACE OF MEMORY” IN GERMAN HISTORY

62 SINYAVINA N. V., MAKHOVICH E. V.

MODIFICATION OF THE REALISTIC IDEAL
IN THE ARTISTIC CULTURE OF RUSSIA
FROM THE 1860s THROUGH THE 1930s

**LIBRARY AND
INFORMATION
ACTIVITY**

74 LOPATINA N. V., NERETIN O. P.

THE PRESERVATION OF DIGITAL CULTURAL
HERITAGE IN UNIFORM ELECTRONIC SPACE
OF KNOWLEDGE

81 KUZNETSOVA T. YA.

MODERNIZATION OF LIBRARIES AND
THEIR INNOVATIVE SOCIAL PRACTICES:
THE EXPERIENCE OF SYSTEM ANALYSIS

93 ASKAROVA V. YA., ZUBANOVA L. B.

THE STUDY OF CHILDREN AND YOUTH READ
IN THE AGE OF DIGITAL REALITY:
RELEVANT RESEARCH AND DESIGN STRATEGIES

**SOCIAL AND CULTURAL
ACTIVITY**

104 SHARKOVSKAYA N. V.

CULTURAL SENSE OF THE PARK AS A PUBLIC SPACE
OF ACTIVE LEISURE

- 111 SHAMSUTDINOVA D. V.**
MODEL OF FORMATION OF CIVIL LEGAL CULTURE
OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT
OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY
- 121 KALIMULLINA O. A., GREBENKINA N. N.**
FORMATION OF ANTI-CORRUPTION COMPETENCE
OF STUDENTS BY MEANS OF SOCIAL
AND CULTURAL ACTIVITY
- 129 HECKMANN N. A.**
PEDAGOGICAL SUPPORT OF LEADERSHIP
DEVELOPMENT OF YOUNG PEOPLE IN VARIOUS
TYPES OF ASSOCIATIONS OF FANS
OF ROLE-PLAYING GAMES
- 135 DEDYUSHINA E. V.**
INNOVATIVE FORMS OF GAMING ENTERTAINMENT
ORGANIZATION OF YOUNG FAMILIES
IN THE URBAN ENVIRONMENT
- EDUCATION
IN THE FIELD
OF CULTURE**
- 142 ALBOV A. P., SLUTSKAYA I. I.**
COMPREHENSIVE TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS
IN THE FIELD OF CULTURE AND ART
(ON THE EXAMPLE OF THE TCHAIKOVSKY
MOSCOW STATE CONSERVATORY)
- 152 SEREGIN N. V.**
PSYCHODIDACTIC FACTORS
OF SELF-TRAINING IN ART ACTIVITY

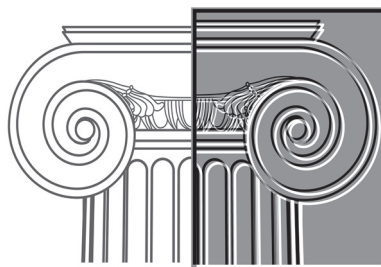

166 GINKEVICH I. V.

CURRENT STATE OF CHOREOGRAPHIC
EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION:
NORMATIVE ASPECTS

NEW BOOKS 180 YAROSHENKO N. N.

SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY: TRENDS AND
DEVELOPMENT MODELS IN THE 21st CENTURY
– THE NEW BOOK OF THE PUBLISHING HOUSE
OF THE OMSK STATE UNIVERSITY

ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ

ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

УДК 130.2:911.53

Г. Н. Калинина, С. В. Тикунова

Белгородский государственный институт искусств и культуры

В статье исследуются понятие и методология «культурного ландшафта», выявляется культурно-пространственная специфика природно-антропогенных и геоэкологических факторов генезиса культурных ландшафтов, позволившая осуществить геоэкологическую концептуализацию культурного ландшафта как природно-антропогенной геосистемы, в том числе в горизонтах аксиологического измерения геокультурного пространства в ноосферных моделях проектирования будущего. С позиции семиотического подхода к культуре даётся авторское понимание культурного ландшафта как сферы пространственных представлений и кодов культуры, в процессе чего осуществляется репрезентация данного феномена в качестве универсальной семиотической системы и целостного знаково-символического пространства культуры. Интегральное понимание культурного ландшафта позволило нам дать его интерпретацию как синтетического и пограничного феномена, охватывающего собой человеческий и природный миры, а шире – как результата сотворчества (своего рода обоюдного «произведения») человека и природы, то есть как целостного, потенциально непрерывного, наличествующего повсюду, телесно выраженного, «морфологичного» культурного феномена.

Ключевые слова: методология, культурный ландшафт, семиотический подход, культурное пространство, социокод, семиоз, природно-антропогенная геосистема, интегральное понимание, аксиология геокультурного пространства, человеческий и природный миры, синтетический и пограничный феномен, ноосферные модели будущего, культурные коды.

G. N. Kalinina, S. V. Tikunova

Belgorod State Institute of Arts and Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

THE CONCEPT AND METHODOLOGY OF THE STUDY OF CULTURAL LANDSCAPE

This article takes a look at the concept and methodology of “cultural landscape”, cultural and spatial specifics of natural and anthropogenic genesis percent cultural landscapes, allowing implementing geo-

---

¹КАЛИНИНА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры

KALININA GALINA NIKOLAEVNA – Full Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, the Belgorod State Institute of Arts and Culture

²ТИКУНОВА СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры

TIKUNOVA SVETLANA VLADIMIROVNA – doctoral student of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, the Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: galakalinina@inbox.ru¹, svetlanatikunova@yandex.ru²

© Калинина Г. Н., Тикунова С. В., 2018

ecological conceptualization of the cultural landscape as natural and anthropogenic geo-system, including in the horizons of axiological dimension geo-ecological space in designing future models noosphere. From the position of the semiotic approach to culture is given copyright understanding cultural landscape as the area of spatial representations and cultural codes, in which it is the representation of this phenomenon as a universal semiotic systems and holistic sign-symbolic space of culture. Integral understanding cultural landscape has allowed us to give his interpretation of both synthetic and border phenomenon, containing a human and natural worlds, and wider-as a result of co-creation (a kind of mutual “work”) man and nature. As a holistic, potentially continuous, available everywhere, the body expressed “morphological” cultural phenomenon.

Keywords: methodology, cultural landscape, semiotic approach, cultural space, socio-code, semioz, natural and anthropogenic geo-system, integral understanding axiology geo-ecological space, the human and natural worlds, synthetic and borderline phenomenon, noosphere model future cultural codes.

Для цитирования: Калинина Г. Н., Тикунова С. В. Понятие и методология исследования культурного ландшафта // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 10–18.

Парадигма «человек – природа» стара как мир, а хрестоматийный тезис о том, что «природу надо охранять», известен, наверное, не меньше, чем «категорический императив» немецкого классика И. Канта. Тем не менее мы вынуждены признать: в орбите деструктивных издержек современной цивилизации и «антигуманных научно-познавательных стратегий третьего тысячелетия [1, с. 4]» вольно или невольно оказывается сфера культурного ландшафта, представляющая собой в равной мере как социоприродное, так и знаково-символическое формообразование.

Сказанное нами актуализирует философскую рефлексию проблемы взаимодействия культуры и пространства, его геоэкологической концептуализации как природно-антропогенной геосистемы и одновременно как сферы пространственных представлений и кодов культуры. Мы имеем в виду семиотическую трактовку, согласно которой культура – «пучок семиотических систем, складывающихся в определённую иерархию, систему текстов [3, с. 398]». Сразу же уточним, что теоретико-методологическими основами исследования заяв-

ленной в статье проблемы выступают труды классиков и видных представителей философской, социологической, культурологической, историко-научной мысли, в которых ставились и решались проблемы взаимодействия общества и природного мира, культуры и пространства (в том числе и с позиции семиотического анализа), в то время как методологическим «каркасом» является семиотическая концепция *культуры*, так как она позволяет исследовать ландшафтное пространство именно как знаково-символическую систему культуры.

Надо сказать, что собственно научная разработка феномена культурного ландшафта (шире – ландшафтной сферы) связана со значительными наработками в отечественной и зарубежной литературе. Рассмотрение истории культуры как универсального процесса с приматом разума восходит к гегелевской рационально-логической теории культурно-исторической динамики, из которой, по сути, «выросли» все прочие теории исторического развития (либо как отклонение от неё, либо как противоположение ей). Философско-культурологическая концепция И. Канта центрируется

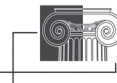
понятиями «духа» и «морали», продолжаясь в аксиологическом ключе в неокантианстве (М. Вебер, В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Кассирер, Р. Карнап и другие) и сопрягаясь с герменевтико-феноменологической моделью интерпретации культуры (от раннего немецкого романтизма до В. Дильтея, Л. Ранке, Ф. Шлейермахера и других), утверждавших идею историчности природы и общества, самоцельности всех национальных и исторических форм культуры, каждого из их исторических состояний. Этим моделям культуры противостоит интерпретация культуры, заложенная классиками марксистской философии (К. Маркс, Ф. Энгельс). Модель культуры с уклоном в иррационализм развивалась А. Шопенгауэром, С. Кьеркегором, Ф. Ницше, О. Шпенглером, М. Хайдеггером, Х. Ортегой-и-Гассетом, Х.-Г. Гадамером и другими. Однако проблема семиотизации природы в культурно-исторических типах культурного ландшафта, имея междисциплинарный характер и широкий спектр концептуального освещения, сравнительно недавно получила своё развитие в специальной литературе и гуманитаристике (шире она представлена в естествознании и правоведении).

В ряде наших работ мы, касаясь генезиса термина «культурный ландшафт» [9], отмечали, что он связан с именами О. Шлютера («материальное единство природных и культурных объектов, доступных восприятию человека») и К. Зауэра. У истоков отечественных концептуальных разработок в области взаимодействия культуры и пространства стоял А. фон Гумбольдт, идеи которого получили развитие в исследованиях Л. С. Берга, А. И. Воейкова, В. В. Докучаева, С. С. Неуструева, В. П. Семёнова-Тян-Шанского, Б. Б. Родомана и других. Продуктивную попытку систематизации основных

концептуальных подходов к исследованию культурного ландшафта предпринял видный отечественный географ В. Л. Каганский.

О востребованности тематики культурного ландшафта свидетельствуют работы многих авторов, разрабатывающих представления о культурном ландшафте и/или применяющих его для решения разных научных и практических задач: Ю. А. Веденин, Д. А. Дирин, М. Е. Кулешова, А. Г. Исаченко, В. Н. Калуцков, Е. Ю. Колбовский, М. Е. Кулешова, Ф. Н. Мильков – один из основоположников современного антропогенного ландшафтоведения, даёт классификацию антропогенных ландшафтов, в основание которой кладет ряд признаков: по содержанию и генезису, целенаправленности возникновения и длительности существования, мере воздействия антропогенного фактора на природу, по степени саморегулирования, хозяйственной ценности и другие [4; 10]. При этом главная роль отводится вопросам оптимизации использования, культурно-историческому генезису, современной динамике отдельных типов ландшафтной сферы, мониторингу его трансформаций в связи с антропогенным фактором.

В современной исследовательской сфере проблемы места и роли ландшафта в системе экологических отношений, его «экологическая» сущность рассматриваются в трудах В. И. Андрейцева, И. А. Бриньке, В. М. Ермоленко, И. И. Каракаша, П. Ф. Кулинича, А. Н. Мирошниченко, В. Л. Мунтяна, В. В. Носика, А. И. Рипенко, Д. М. Гродзинского, А. М. Маринича и некоторых других. Сущность и генезис юридического понятия «ландшафт», в том числе в ракурсе европейской экологической политики, исследует Е. В. Лозо; В. Н. Калуцков, Т. М. Красовская и другие рассматривают культур-

ный ландшафт как наложение сети культурных объектов на сплошную природную основу. К ним примыкают исследования по рефлексии этических аспектов биотехнологии (о человеке, его природе и будущем) как российских учёных и философов (Б. Г. Юдин, П. Д. Тищенко, Е. И. Кириленко и другие), так и зарубежных (Ю. Хабермас, П. Сингер, Я. Хартман, М. Клиновски, Е. Ветулани, Т. Щипко и другие). Е. А. Кожемякин касается этой проблемы в контексте концептуально-методологического обоснования дискурсивной формы бытия культуры, предметной реальности от мира знаков, а не предметов, которые они обозначают; Г. В. Драч – с позиции когерентности разума и культуры, где разум объединяет человеческий мир в единый мир культуры; В. П. Римский, О. Н. Римская – в контексте мифологии и субкультурных религий; А. А. Герасимов работает в русле социально-философского анализа технизированного общества; геоэкологические проблемы и ландшафтное планирование исследуют А. А. Ямашкин, И. Е. Тимашев, В. Б. Махачев и другие. В контексте структурной семантики об «онтологии сада» пишут А. Лефевр, М. Н. Соколов, А. П. Вергунов, В. А. Горохов и другие. Помимо этого, проблема культурного ландшафта всё активнее изучается в контексте ландшафтной регионалистики в сопряжении с понятиями «культурная традиция» и «культура жизнеобеспечения», проблематизируясь с позиции сохранения природного и исторического наследия.

Разумеется, рассмотренные аспекты не исчерпывают всей полноты и сложности данной тематики. При этом мы видим, что, с одной стороны, с позиции культурно-исторической типологии ландшафтного пространства, процессы семиотизации природы обнаруживают себя в самых раз-

ных контекстах и смысловых значениях, по мере чего вполне закономерно выявляются новые проблемные, в том числе малоизученные, ракурсы взаимодействия культуры и пространства. С другой же стороны, нельзя не отметить не вполне позитивную, на наш взгляд, тенденцию: при всей солидности источниковедческой базы основная часть работ имеет дискретный, или же «узкий» (скажем, ландшафтно-географический), или же нарративный характер. Некоторые специалисты-исследователи более склонны к констатации, нежели к целостной аналитике проблемы. Поэтому мы попробуем отрефлексировать качественную специфику концептов «природный», «антропогенный» и «культурный» ландшафт(ы), показать сопряжённость этих культурных феноменов. И скажем сразу, что, по нашему мнению, универсальность процессов семиотизации природной среды отражает социокультурную «генетику» конкретной эпохи (её мировоззренческий и интеллектуальный климат, эстетические доминанты и пр.). Именно они воплощаются и предстают в знаково-символических образах природы, источники которых, соотносясь с фундаментальным человеческим опытом, образуют собой «эстетику», «поэзию ландшафта». Отсюда, собственно, и вытекает семиотическая роль, назначение всех компонентов (в том числе утилитарных) культурного ландшафта как универсальной формы бытия культуры, его семантика.

В основе конструкции и концепции природного ландшафта лежит особая «природная» интерпретация антропогенного ландшафта. В самом сжатом виде природный ландшафт может быть сформулирован так. Это пространственная неокультурная среда, целостная система, в границах которой основные ландшафтные ком-

поненты (рельеф и почва) сформировались и функционируют помимо внешнего вмешательства человека. Геоморфологическая структура природного ландшафта определяет размещение и движение вод, непосредственно влияя на качество и движение воздушных потоков. Его основные три компонента обеспечивают процессы качественной эволюции живой природы – совокупности биогенных компонентов. Литогенная основа природного ландшафта отличается статикой и устойчивостью, в то время как «живая природа», напротив, подвержена динамике. При том, однако, что именно последняя служит «гарантом» саморегуляции и самообеспечения ландшафта, поддержания его стабильного нерискогенного развития. Иначе говоря, благодаря протекающим в ландшафте как целостной системе процессам биогеоценоза природный ландшафт предстаёт единым, снабжённым механизмами самозащиты и самовосстановления и репродуктивности. Основной цементирующей конструкцией в таком организме, так сказать его скелетом, выступает рельеф: его изменения с неизбежностью тянут за собой цепочку трансформации всех образующих его частей – компонентов.

В том случае, когда природный ландшафт как целостный живой организм подпадает под преобразовательную деятельность человека, по мере чего его основные природные компоненты (водный режим, растительность, фауна, рельеф и почва) в той или иной степени и форме претерпевают изменения, можно говорить о возникновении такого (синтетического) феномена как антропогенный ландшафт. Если говорить предельно сжато, то на настоящее время антропогенным называют особый тип географического комплекса, который начал формироваться на Земле в историческое время. Основной

массив определений, касающихся антропогенного ландшафтоведения, рассматривает антропогенный ландшафт в качестве комплексов, формирующихся под влиянием хозяйственной деятельности человека. И здесь, пожалуй, нет ничего удивительного. В самом деле: масштабы и территориальное распространение «вольного» или «невольного» вмешательства человека в природу сегодня ни у кого сомнений не вызывают. Пожалуй, наши современники больше удивляются тому обстоятельству, что в XXI столетии ещё остаются островки «воды и суши», куда не шагнула нога человека, и там нашему удивлённо-восхищённому взору открываются уголки «первозданной природы». Примечательно, что, как правило, антропогенные, изменённые ландшафты градируются по трём большим направлениям: во-первых, по степени изменения природного комплекса (неизменённые, слабоизменённые, сильноизменённые); во-вторых, по уклону (или специфике) технологического воздействия населения на природу (в широком диапазоне от сельскохозяйственных до промышленных); в-третьих, по сопряжённости природных и антропогенных процессов, взаимовлияющих на строение ландшафтов. При этом культурный ландшафт во многом сопряжён «квазиприродному», отражающему эмоциональную сферу человека, погружающегося в ландшафтное пространство [2, с. 57].

В нашем понимании антропогенный ландшафт предстаёт пространственной средой, характеризующейся изменёнными в ходе человеческой деятельности природными компонентами, специфика которой состоит в сочетании природной самоорганизации, с одной стороны, и управления со стороны человека – с другой. Поскольку же «человеческий фактор» сегодня весьма зримо обнаруживает себя буквально во всех

культурно-исторических системах природы, постольку большинство современных ландшафтов носит антропогенный характер, открывая широкий ряд культурных ландшафтов в качестве процесса трансформации природного ландшафта.

Далее мы введём и обоснуем тезис, касающийся генезиса понятия «культурный ландшафт», указав на качественное эволюционирование его множественных трактовок. Систематизация наиболее распространённых концептуальных подходов и трактовок культурного ландшафта, представленных в современной специальной (прежде всего в географической науке) и справочно-энциклопедической литературе, показывает, что пальма первенства принадлежит традиционному пониманию культурного ландшафта как «хорошего» антропогенного ландшафта, целенаправленно изменённого человеком по определённой программе и, что важно, обладающего высокими эстетическими и функциональными качествами.

В этом плане можно сказать, что в идеале каждый человек стремится устроить мир, так сказать, «по-человечески». Разумеется, данное обстоятельство усиливает необходимость выделения концепта «культурный ландшафт» из общепринятой системы географических ландшафтов. Это – во-первых. Во-вторых, столь же значительны, как мы выяснили, трактовки культурного ландшафта, «увязывающие» его понимание с тем или иным местом (местностью) обитания исторически сложившихся локальных общностей, коллективов людей – носителей культурных ценностей, на протяжении достаточно длительного исторического периода. В-третьих, названный подход сближается с трактовками, развивающими тему наследования культурным ландшафтом своей природной основы. Речь идёт о взаимодей-

полнении антропогенных (они же – культурные) и сугубо природных компонентов при доминировании последних, а точнее, о наложении отдельных высокостатусных сетевых элементов культуры на сплошную природную основу. То есть перед нами понимание культурного ландшафта как элемента культуры на природной основе, как закономерное продолжение, пролонгирование природного ландшафта и его знаково-символическое бытие в культуре. В понятии культурного ландшафта здесь, на наш взгляд, акцентируется смысл, вносимый культурными элементами в природный ландшафт, сакрализация природных элементов.

Наконец, выделяют актуальный сегодня подход, контекстуально рассматривающий специфичность культурного ландшафта сквозь призму категории природно-культурного наследия (в России он особо развивается под эгидой Института природного и культурного наследия). Заметим, данная концепция оказывается достаточно широкой на российской почве именно в силу специфики своей практической направленности, что, конечно же, вполне объяснимо и справедливо, с учётом актуальности самой проблематики культурного наследия и национального достояния. Поэтому в русле обозначенных позиций понятие культурного ландшафта максимально наполнено духовными и интеллектуальными ценностными характеристиками (сами же ценности, понимаемые как генетический компонент ландшафта, транслируются будущим поколениям в виде информации).

С учётом изложенного уместно подчеркнуть, что данное понятие прошло путь от своего «нематериального», «узкоспециализированного» понимания (как изображение местности, результата композиционно-

художественного упорядочения) до широкой репрезентации ландшафтной сферы в культуре, а именно – как исторически обусловленной геосистемы (генетически единой, целостно однородной и антропогенно-окультуренной). В связи с этим напрашивается выработка интегрального понимания культурного ландшафта как синтетического и пограничного феномена, объемлющего собой человеческий и природный миры, как результата сотворчества («произведения») человека и природы. Такая интерпретация, как нам кажется, позволяет осмыслить данный феномен в качестве целостного, потенциально непрерывного, наличествующего повсюду, телесно выраженного, «морфологичного» явления, погруженного в культурно-исторический контекст. При этом с позиции семиотического подхода к культуре, из которого мы преимущественно исходим, культурный ландшафт предстаёт универсальной семиотической системой, сферой пространственных представлений и кодов культуры на всех стадиях её формообразования, формируя специфику семиотического дискурса.

Кроме того, пространственная специфика природно-антропогенных и геоэкологических факторов генезиса ландшафтной сферы позволяет осуществить геоэкологическую концептуализацию культурного ландшафта как континуальной природно-антропогенной геосистемы, в том числе в ноосферных моделях проектирования будущего. И поскольку культурный ландшафт одновременно предстаёт социоприродным и знаково-символическим формообразованием, постольку в контексте его генезиса правомерно говорить о синтезе и сопряжении обоих, обладающих специфической факторов, при нецелесообразности их вычленения в «чистом» виде.

В тематическом поле статьи, выходя на широкие философские обобщения о феномене культурного ландшафта, человека и природы, мы с тревогой констатируем очевидный парадокс. Суть его состоит в накале противоречия между темпами наращивания научных и инженерных стратегий, в орбиту которых вовлекается культурная и природная среда, с одной стороны, и совершенно недопустимым в этой ситуации уровнем нравственного самосознания человечества – с другой. Увы, надо сказать: первое опережает второе. А широко известный тезис о том, что «природа не храм, а мастерская», утвердившийся в качестве ведущей новоевропейской парадигмы взаимодействия культуры и природного мира, продолжает доминировать в культурно-цивилизационных системах современного миропорядка.

Разве есть причины отрицать очевидное: в безудержной погоне (а то и гонке) за удовлетворением своих утилитарно потребительских ценностей техногенное общество и «человек интеллектуальный», наш современник, безмерно наращивает интенсивность эксплуатации геосистем, словно «не замечая» деструктивного антропогенного воздействия на ландшафтную сферу. И разве ни парадоксально, что оберегать природный мир всё в большей мере приходится от самого человека, жителя XXI столетия? Полагаем, что ответы на эти вопросы очевидны каждому мыслящему человеку.

В целом же мы находим достаточно оснований для того, чтобы заключить: в существе своём проблема семиотизации природы в культуре, решаемая с позиции разных концепций культуры, так или иначе опосредована парадигмой взаимоотношений «человек – природа» и мерой их гармоничного и паритетного сосуществования.

Примечания

1. Калинина Г. Н. Культурно-историческая феноменология паранауки : автореферат дис. на соиск. учён. степ. доктора философских наук : 24.00.01 / Калинина Галина Николаевна. Белгород, 2015. 45 с.
2. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю. А. Веденина, М. Е. Кулешовой. Москва : Институт Наследия ; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.
3. Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры // Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
4. Мильков Ф. Н. Общее землеведение. Москва : Высшая школа, 1990. 336 с.
5. Римский В., Римская О. Феномен субкультурных религий. Саарбрюкен : Palmarium Academic Publishing, 2012. 129 с.
6. Руднев В. П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. II. Москва : Аграф, 2000. 432 с.
7. Руднев В. П. Реальность // Энциклопедический словарь культуры XX века. Москва : Аграф, 2001. 608 с.
8. Степин В. С. Философия науки: общие проблемы. Москва : Гардарики, 2006. 348 с.
9. Тикунова С. В. Культурный ландшафт как форма ценностного отношения к миру // Культура. Искусство: актуальные проблемы теории и практики : сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции (Белгород, 25–26 февраля 2016 года) : в 4 томах. Белгород : ИПК БГИИК, 2016. Том 1. С. 361–364.
10. Эколого-географические районы Воронежской области / Ф. Н. Мильков, В. И. Федотов, А. Б. Ахтырцев и др. ; под ред. Ф. Н. Милькова. Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1996. 214 с.

References

1. Kalinina G. N. *Kul'turno-istoricheskaya fenomenologiya paranauki. Avtoreferat diss. dok. filos. nauk [Cultural-historical phenomenology of para-science. Synopsis dr. philos. sci. diss.]*. Belgorod, 2015. 45 p.
2. Vedenin Yu. A., Kuleshova M. E., eds. *Kul'turnyy landshaft kak ob'yekt naslediya [Cultural landscape as a heritage site]*. Moscow, Published by Institute of Heritage, St. Petersburg, Publishing house of Dmitry Bulanin, 2004. 620 p.
3. Lotman Yu. M. Stat'i po tipologii kul'tury [Articles on the typology of culture]. In: Lotman Yu. M. *Semiosfera [Semiosphere]*. St. Petersburg, Art Publishing House, 2000. 704 p.
4. Milkov F. N. *Obshchee zemlevedenie [General geography]*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 1990 p. 336 p.
5. Rimsky V., Rimskaya O. *Fenomen subkul'turnykh religiy [The phenomenon of subcultural religions]*. Saarbrücken, Palmarium Academic Publishing, 2012. 129 p.
6. Rudnev V. P. *Proch' ot real'nosti: Issledovaniya po filosofii teksta. II [Away from reality: Studies in text philosophy. II]*. Moscow, Publishing house "Agraf", 2000. 424 p.
7. Rudnev V. P. Real'nost' [Reality]. In: Rudnev V. P. *Entsiklopedicheskiy slovar' kul'tury 20 veka [Encyclopedic dictionary of culture of the twentieth century]*. Moscow, Publishing house "Agraf", 2001. 608 p.
8. Stepin V. S. *Filosofiya nauki: obshchie problemy [Philosophy of science: general problems]*. Moscow, Publishing house "Gardariki", 348 p.
9. Tikunova S. V. Kul'turnyy landshaft kak forma tsennostnogo otnosheniya k miru [Cultural landscape as a form of value attitude to the world]. *Kul'tura. Iskusstvo: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Sbornik докладов Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Belgorod, 25–26 fevralya 2016 goda). V 4 tomakh, tom 1 [Culture. Art: actual problems of theory and practice. A collection of reports of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Belgorod, February 25–26, 2016). In 4 volumes, volume 1]*. Belgorod, 2016. Pp. 361–364.
10. Milkov F. N., Fedotov V. I., Akhtyrsev A. B. and others *Ekologo-geograficheskie rayony Voronezhskoy oblasti [Ecological and geographical areas of the Voronezh region]*. Voronezh, Publishing house of the Voronezh State University, 1996. 214 p.

СЕТЕВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И NET-МЫШЛЕНИЕ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 130.2:004.738.5

М. А. Игнатов

Белгородский государственный институт искусств и культуры

В проблемном поле данной статьи реализуется анализ сетевой ментальности и net-мышления, имеющих определяющее влияние на все сетевые процессы, активно заявившие о себе в системах и дискурсах информационной культуры; раскрывается дискурсный и знаково-символический характер интернет-пространства. Автор стремится обосновать специфическую сетевую ментальность как психосоциальный личностный статус, в основе которого лежит иллюзия суверенности и аутентичной индивидуальности, в то время как логика net-мышления реализует так называемую протеическую модель мыследеятельности, культивируя новый стиль самопрезентации и самополагания индивидуумов в границах виртуализованной свободы. Высказывается допущение, что информационные и медийные Сети постиндустриализма как глобальные сетевые феномены мировой цивилизации должны определяться аксиологическими границами сетевого мышления.

Ключевые слова: Сеть, сетевая парадигма, сетевой порядок, процессы сетиализации, сетевая ментальность, net-мышление, медиапространство, Интернет, самопрезентация, идентификация, индивидуум, виртуализованная свобода.

M. A. Ignatov

Belgorod State Institute of Arts and Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Koroleva str., 7, 308033, Belgorod, Belgorod region, Russian Federation

NETWORK MENTALITY AND NET-THINKING IN POST-INDUSTRIAL CULTURE

The issues in this article implements a field analysis of network mentality and “net thinking”, having a decisive influence on all network processes, who actively in in systems and discourses of information culture; the discourse and symbolic character of the Internet space is revealed. The author seeks to justify specific network mentality as psychosocial personal status, which is based on the illusion of sovereignty and authentic identity, while the logic of net-thinking implements the so-called proteic model of mental activity, cultivating a new style of self-presentation and self-positioning of individuals within the limits of virtualized freedom. It is assumed that the information and media networks of post-industrialism as global network phenomena of world civilization should be determined by the axiological boundaries of “network thinking”.

ИГНАТОВ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат философских наук, профессор, доцент кафедры философии, культурологии, науковедения Белгородского государственного института искусств и культуры

IGNATOV MIKHAIL ALEKSANDROVICH – Ph.D. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies, Science, the Belgorod State Institute of Arts and Culture

e-mail: ignatovmikle@gmail.com

© Игнатов М. А., 2018

Keywords: network, network, network paradigm order, networking processes, network, net-mentality, mindset media, Internet, self-presentation, identification, individual virtualized freedom.

Для цитирования: Игнатов М. А. Сетевая ментальность и net-мышление в постиндустриальной культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 18–26.

В рамках реализации задачи, поставленной в статье, мы изначально должны сделать небольшое уточнение. Оно касается «сетевого» аппарата как важной составной части сетевого дискурса, в связи с чем нужно отметить, что, во-первых, терминологическая база представлена достаточно скромно: её вхождение в научный оборот находится в начале пути. Особенно это касается словарных тезаурусов (в таком дискурсе научные работы практически отсутствуют). Сказанное относится к Интернету и медиaprостранству, феноменологическая кодификация которых ещё не реализована в полной мере в специализированных дискурсах. В ряду становящихся терминов и концептов – сетевая ментальность и net-мышление.

Во-вторых, целесообразно дать пояснения относительно сетевого мышления как концепта и феномена. Одно из них связано с истоками употребления ряда терминов, близких по значению к тому, что мы понимаем сегодня под сетевым мышлением. Так, в тезаурусе современной западной исследовательской мысли этот термин, не являясь новым, представлен достаточно давно. Что касается отечественной философской традиции, то родоначальником здесь можно считать В. И. Аршинова [1; 2]. Другое пояснение напрямую связано с философско-культурологической интерпретацией и пониманием ключевых понятий данной статьи – сетевая ментальность и net-мышление. Одновременно следует иметь в виду процессы подмены «сетями» общественных и экономических структур, что

заставляет всерьёз задуматься о фактической противоречивости процессов сетевизации, о поиске оптимальных механизмов их регулирования.

Примечательно, что теоретическое и методологическое осмысление сетевая феноменология первоначально получила в работах одного из основателей «сетевой аналитики» Джаджа Энтони (в контексте исследования глобальных проблем современности и перенаселения планеты), а затем в радикальных работах Г. Бэйтсона, М. Кастельса, К. Келли, Б. Латура, Э. Морена, Л. Болтански и других учёных и философов этого круга. В отечественной науке и философии сетевые феномены начали изучаться под влиянием этих западных авторов, и пока, по нашему мнению, собственный взгляд на данное сложное тематическое поле и соответствующий самостоятельный философско-методологический дискурс не выработан. Но следует назвать имена таких авторов, как В. И. Аршинов, Ю. Д. Апресян, В. А. Белавин, Ю. А. Данилов, Ю. Л. Клемантович, В. Н. Кузнецов, Н. Н. Князева, С. П. Курдюмов, С. Н. Мареев, Э. Н. Мирозян, А. В. Олескин, А. П. Огурцов, М. К. Петров, Е. В. Петрухин, И. Р. Пригожин, Ю. В. Сачкова, В. В. Тарасенко, Т. В. Цивьян, О. Н. Яницкий и другие.

Обратим внимание, что в общем пространстве глубинных идей о специфике net-мышления и феномене сетей в культуре наш интерес привлекают рассуждения, не столько посвящённые поиску подходов к регулированию различных Сетей, сколько акцентирующие внимание на сетевой куль-

турной и социальной антропологии, отчасти потому, что только при условии постижения метаморфоз и перипетий генезиса того или иного явления можно добиться продуктивного приближения к целостной и адекватной экспликации конкретного культурного феномена. Равно как и попытаться понять его качественную специфику, представленную в ценностных доминантах, этических нормах и нравственных императивах. Представляется, что такой подход в совокупности с культурным контекстом эпохи даёт возможность уловить характер ментальности, настроиться на камертон мироощущения людей, которые это явление представляют и олицетворяют.

Заметим, что менталитет (от лат. *mens* – ‘ум, мышление, образ мыслей, душевный склад’) представляет собой глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное; относительно устойчивая совокупность установок и предрасположенностей индивида или социальной группы воспринимать мир определённым образом.

В полной мере такое понимание относится к вопросу изучения природы сетевой ментальности и *нет-мышления* субъектов сетевого общества, которое само переживает перестроечный этап со всеми перипетиями и сложностями становления, сопровождающимися переходными, аструктурными периодами в истории культуры. И потому вполне логично, что ментальность в такие периоды во многом отличается не просто стихийностью, принимая форму приспособительной и защитной реакции «в ответ на катастрофу, перемены или социальный шок [9]», но и в какой-то степени субкультурностью. Преломляя эти феномены в отношении «тела» постиндустриальной культуры, подчеркнём, что в её анали-

зе мы придерживаемся системного понимания, то есть её трактовки как вмещающей в себя множество самодостаточных «подкультурных» формообразований. Л. А. Колесова отмечает: «Сеть, в своём переходном качестве, обычно принимает вид кризисного и даже революционного состояния общества. Общинный, квазисоциалистический, эгалитарный и меритократический строй этой ментальности вдохновляется требованиями свободы воли, которые, однако, не означают претензии Сети на власть. Сеть нуждается не во власти, а в постоянном горизонтальном децентрализованном обмене, взаимности, непрерывной взаимосвязи, её жизненное кредо – стабильность и обновление, подвижность, гибкость, пластичность, в том числе пластичность властных структур в их отношениях с обществом (общиной) [9]».

Сетевая ментальность – это стихийная кризисно-переходная ментальность, отличающаяся оптимально эффективной приспособительной и защитной реакцией-протестом на кризисные катаклизмы, социальный шок-хаос и другие переходные потрясения в обществе и культуре. Вероятно, можно принять мнение исследователей относительно того, что такой «протестантский дух» сетевой ментальности, оборачиваясь против всех структур в культуре, центрируется категорией справедливости как непреходящей ценности Сети, всех её ответвлений и слоев. Становится очевидным понимание того, что сетевая ментальность имеет под собой выраженную идеологическую основу, из которой, собственно, и вытекает её самополагание, строится магистральная поведенческая стратегия, получившая название «борьба-бегство» (в частности, в комплексной «теории культур» В. Тёрнера). При углубленном рассмотрении можно вычленить типические параметры,

свойственные сетевой идеологии с чертами специфически окрашенной лиминально-переходной морали: склонность к сакрализации состояния переходности, маргинальности, что прослеживается во всех сетевых явлениях, в том числе в явлениях современных Сетей; экзистенциальный протест и неприятие любого устойчивого статуса, что придаёт сетевой ментальности иррациональный оттенок, вызывает отторжение разума как неприемлемой идейной основы неподвижной структуры; склонность к сочетанию героики и карнавальности, податливости признаваемым авторитетам такого же типа и т.д.

В той или иной форме названные (и другие) специфические характеристики проявляют себя в «поведенческой» и ментальной моделях сетевых сообществ, особенно маргинализирующегося их типа. В этом плане, на наш взгляд, они подпадают под определение специфических субкультурных формообразований с их типическими подсистемными признаками. Сетевые организации, вначале как «малые сетевые сообщества», обретают внутри социокультурного перехода некоторую общинную форму, являясь «коммунитас открытого типа» (согласно терминологии «теории культур») и, как мы отметили, вырабатывают свою идейную основу с такими признаками, как экзистенциальная подвижность, жертвенность, сакральный импульс.

Однако, как пишет В. А. Курдюмов, «надо помнить, что не любые простые структуры можно объединить в сложную. Попытки искусственно установить состояние, несвойственное данной системе, нелинейной среде, приведёт к неминуемому распаду его или потребует колоссальных затрат энергии и ресурсов для поддержания этого состояния. Диссипативные процес-

сы разрушат всё, что не отвечает потребностям системы, перераспределив энергию, вложенные средства и т.д. в соответствии с внутренними тенденциями среды, а если эти тенденции не активизированы, сведут систему к максимально неупорядоченному состоянию, хаосу или нескольким изолированным простым структурам [3]». Это означает, что ключевым моментом в современном информационно-поглощающем мире становится согласованность темпов развития. То есть начинает действовать «принцип подчинения», когда согласование взаимодополняющих процессов и использование критических объёмов информации порождает специфические механизмы саморегуляции, самопреодоления, отчуждения.

Вопрос здесь в том, что различительный уровень, позволяющий провести чёткую демаркацию между феноменами «оригинал – слепок», «факт – фантазия» и пр., зависит от множества факторов, куда включён буквально весь опытный, в том числе психический, багаж конкретного человека – от перцептивных практических знаний до контекста культуры. Мир виртуальных объектов раскрывается как важнейший управляющий фактор, необходимый атрибут и условие существования Сети. Таким образом, под виртуальностью в широком смысле следует понимать некоторую особую «сферу психических моделей реальности разного уровня и сложности как продукт творчества индивида [подробнее см.: 8]». Познание всегда функционирует в подвижной культурно-языковой среде. В этом смысле разум как бы «ангажируется» в познавательную ситуацию, организуя наше познание мира.

Отметим, что современные исследователи описывают ряд парадигм, обладающих системными космогоническими и космоло-

гическими представлениями, включая ценностные. На эту тему весьма обстоятельно рассуждает В. И. Самохвалова в работе «Полиmodalность восприятия и истолкования мира», в которой аналитике подвергается когнитивный диссонанс мышления человека в сопряжении с толерантностью нашего мышления [см.: 10]. Мы, в свою очередь осмысливая кажущиеся парадоксальности человеческой ментальности и психики, связанные с феноменом полиmodalности, приходим к выводу относительно наличия объясняющих факторов и причин достаточно комфортного существования человека сразу в нескольких парадигмах, представляющих собой разные модели мироустройства, в которых мир и человек в нём истолковываются в каждой по-своему. Сюда же относится весь спектр «фэнтези-проектов», специфика которых в том, что они, как правило, на фоне описательских путешествий в «другие» миры основываются на парадигме, которая не укладывается в общепринятые представления о феноменах пространства и времени (здесь работают иные критерии) [10, с. 48].

При объяснении специфики «непарадигмального» мышления, на наш взгляд, вполне правомерна апелляция к началам культуры, на заре которой человек сам творит не только свой мир, но и целые вселенские системы. Всё это, конечно, понятно, равно как и то, что такое ментально-человеческое качество, как «толерантность к инакому», отчасти объясняет (но не исчерпывает тем самым ответ) явление когнитивного, психологического и экзистенциального «мирного» сосуществования, «уживаемости» столь, казалось бы, разных картин многомерной реальности и нетрадиционных, подчас экзотических, форм, вариантов и моделей миропонимания.

Следуя логике наших рассуждений, имеет смысл предположить, что для современного человека, деятельного субъекта информационно-сетевой культуры и интернет-пользователя, достаточно очевидны две вещи. Первая связана с тем, что в своей сущностной основе общество как культурный феномен и институт развивается в направлении роста сложности. Вторая, вытекающая из этой констатации, связана с признанием обстоятельства усложнения форм и темпов, по сути, необратимой тенденции к эволюции: будь то космологическая, биосоциальная или же личностно-психологическая её аспектизация. В таком случае рост различий, их множественность, автопоэтичность, вместе с их сетевой взаимозависимостью, ставят перед каждым институтом общественного развития (включая и государственные институты) первоочередную задачу поддержки этой тенденции в такой парадигме, чтобы собственно человеческое (личностное) измерение не растворилось и не свелось на нет в новом киберфизическом квантовоподобном мире. Здесь нам кажется уместным привести развёрнутый афоризм Ф. Бэкона о беспокойном человеческом уме, стремящемся к овладению вечностью. Он, в частности, писал: «Жаден разум человеческий. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается всё дальше. Но тщетно! Поэтому мысль не в состоянии охватить предел и конец мира, но всегда как бы по необходимости представляет что-либо существующим ещё далее [4, с. 23]». То есть если мы ходим доискиваться до начал, истоков чего-то, дойти в нашем пытливым познании до конечных причин, то мы должны понимать, что они «имеют своим источником скорее природу человека, нежели природу Вселенной ... и невежественно философствует тот, кто ищет при-

чины для всеобщего [4, с. 23]». Какие же параметры в связи с этим образуют характерную структуру сетевой ментальности?

Отвечая на этот вопрос можно, со ссылкой на наработки отечественных исследователей, выстроить определённый «ментальный ряд». Сетевая ментальность имеет яркий вид квазирелигии по типу архаической, утопической веры, опирающейся на переходную «мораль слабых» и отчасти замещающей собой мотивационный вакуум. Сетевая ментальность обнаруживает себя через пуэрилизм, инфантилизм, максимализм (свойственный подростковому сегменту); через культивирование мифологии обиды, бегства (некоторые специалисты данный ряд дополняют такими феноменами сознания, как безыдейность, бесцельность, стихийность чувств); через потребность информационного пропитывания (как правило, подростковая аудитория); через процесс «заземления» общества, который начинается на почве духовного и душевного вакуума, в результате чего ракурс целеполагания «сетевого сознания» смещается к позиции «жить здесь и сейчас» и не подкрепляется ценностными принципами.

Мы склонны согласиться с Л. А. Колесовой, которая очень точно отметила ментальный сдвиг и определила сетевую ментальность как особое «социальное зеркало», чётко отражающее истинное, часто скрытое, состояние общества [9]. Понимание качественной специфики сетевой ментальности и сетевого мышления достигается через понятие личностного и группового матрикса – каркасного ценностного кода, особенно актуального, в сущности, для любых переходно-пограничных состояний социума и крайне необходимого для его самообновления. Приходит осознание той очевидности, что общий культурный уровень сете-

вого сообщества определяется не только совокупностью ресурсов, имеющих художественную, образовательную, научную, игровую, развлекательную и досуговую ценность, но и степенью развития сетевого мышления (или net-мышления) как способа интеллектуального и ценностного освоения информационно-виртуальной реальности.

В попытках объяснить сетевые ментальные феномены в системах и дискурсах информационной культуры мы приходим, во-первых, к выводу о том, что net-мышление можно идентифицировать как свободу воли во Всемирной паутине коммуникаций и возможность анонимного самовыражения, позволяющих человеку посредством погружения в «ролевые игры» быть любимым и «другим», а главное – собой (!), на общем фоне утраты базисных убеждений привычного существования, тотального отчуждения, одиночества и «ухода в себя». В нашем понимании это мышление, пронизанное идеей «тотальной театральности», где актёр-пользователь играет двуединую роль-игру, выступает одновременно модератором и исполнителем того или иного произвольно избранного виртуального сюжета.

Во-вторых, на наш взгляд, притягательная, волнующая и влекущая сила (точнее, мощь) Интернета состоит в том, что здесь каждый ощущает себя «Великим администратором», «руководящим менеджером» собственной судьбы, Великим конструктором своего Я, равным среди равных, а возможно, и первым в этом потоке равноценных пользователей. Мы бы сказали – именно в потоках Всемирной паутины «здесь и сейчас» (а не где-то в заоблачных горизонтах) работает и реализуется принцип, понятный всем и каждому: «Я пришёл в этот мир не для того, чтобы соответствовать чьим-то ожиданиям», когда человек пребы-

вает в свободном (с его точки зрения) полёте грёз и фантазий, столь же свободно и добровольно, без давления и принуждения (школа, семья, общество и пр.) отдавая в себя в руки лишь тем «гениям», лидерам и авторитетам, кто заслуживает этого статуса в его собственных глазах, и общаясь с такими же суверенно свободными индивидами, радикально отрицающими институализацию давления в любом его качестве и форме воплощения.

В-третьих, в хаосе и бурлящем сетевом потоке массовых информационных идей и мнений, поколений «проб и ошибок» обретает своё второе дыхание, а проще сказать, получает своё оформление, сетевая поведенческая культура с присущей ей спецификой «сетевых ценностей», предпочтений и идеалов. Разумеется, таковые имеют место быть, но уже в ракурсе нетипических смысловых значений понятия «идеал», расходящихся с его широко известными классическими трактовками.

Так постепенно закрепляется специфическая сетевая ментальность, под которой мы понимаем оптимальный психосоциальный личностный статус, в основании которого лежит ощущение суверенности. Именно оно даёт субъекту-пользователю исковую и столь желанную аутентичную индивидуальность, в ходе чего раскрывается «истинное Я» индивидуума. Тем самым интернет-пространство открывает массовому потребителю широчайшие возможности и горизонты: от самокоррекции и психологической адаптации личности до перспектив её интеллектуального и культурного роста.

Наконец, логика net-мышления стимулирует так называемый протеический стиль поведения, который культивирует чувство собственной уникальности и значимости, что облегчает личностную трансформацию,

подобно мифологическому многоликому Протею, образ которого применён в бэконовском осознании человеческого разума. В предельно широком смысле тема сетевых феноменов центрируется не новой, но «вечной» проблемой – онтологией человека и человечества, в связи с чем представляется, что именно этот болевой нерв, собственно, и должен ориентировать все сетевые стратегии в направлении их реальной связи с интересами человека и человечества, рождения новых гуманистических систем ценностей и поддерживающих их социокультурных институтов и общественного мнения.

В целом правомерно говорить о том, что в качественных своих характеристиках net-мышление представляет собой способ интеллектуального и ценностного освоения индивидуальным субъектом информационно-виртуальной реальности и возможность анонимного самовыражения «человека виртуального». Мы, со своей стороны, убеждены: объективные процессы освоения «человеком Сетей» своего нового образа, сетевых форм самопрезентации, с необходимостью должны дополняться и сопрягаться с процессами осмысления границ виртуализованной свободы, в рамках которой протекает его «сетевая» мыследеятельность.

Всё это свидетельствует о том, что, во-первых, сетевая ментальность и net-мышление, сущность которых мы попытались частично рассмотреть в рамках нашей статьи, имеют определяющее влияние на все сетевые процессы сегодняшнего миропорядка. Во-вторых, проблема интерпретации сетевой феноменологии в природе и культуре всё ещё остаётся в известной мере «ничейной землей» (выражение М. К. Петрова) в смысле необходимости последующей углубленной и целостной рефлексии новой сетевой реальности третьего тысячелетия.

Примечания

1. Аршинов В. И., Данилов Ю. А., Тарасенко В. В. Методология сетевого мышления: феномен самоорганизации // *Онтология и эпистемология синергетики / Российская академия наук, Институт философии*; [отв. ред. В. И. Аршинов, Л. П. Киященко]. Москва : ИФ РАН, 1997. С. 101–119.
2. Аршинов В. И. Инновации, традиции, архаика как ценностные компоненты системы культуры в её синергетическом измерении // *Проблемы российского самосознания: архаическое, традиционное и инновационное начала : материалы 4-й Всероссийской конференции, Москва – Белгород, 27–29 мая 2009 года / Российская академия наук, Институт философии, Белгородский государственный университет, Белгородский университет потребительской кооперации*; под общ. ред. С. А. Никольского. Москва : ИФ РАН, 2010. С. 17–26.
3. Белавин В. А., Курдюмов С. П., Князева Е. Н. Режимы обострения и законы коэволюции сложных систем [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/zakony-koevolucii-slozhnykh-sistem/>
4. Бэкон Ф. Новый органон (афоризмы об истолковании природы и царстве человека // *Сочинения* : в 2 томах : [перевод] / сост., общ. ред. и вступ. статья, с. 5–53, А. Л. Субботина ; АН СССР, Институт философии. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Мысль, 1977. Том 2. С. 18–33 (аф. 38–64, 68).
5. Игнатов М. А. Дискурс информационно-сетевой культуры // *Наука. Искусство. Культура*. 2015. № 2 (6). С. 70–80.
6. Игнатов М. А. Контroversы отчуждения в информационно-сетевой культуре // *Наука. Культура. Искусство*. 2012. № 1. С. 26–33.
7. Игнатов М. А. Сетевая парадигма (философская рефлексия) // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*. 2017. № 17 (266). С. 49–55.
8. Игнатов М. А. Феномен отчуждения человека в дискурсе информационно-сетевой культуры : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата философских наук : 09.00.13 / Игнатов Михаил Александрович. Белгород, 2011. 22 с.
9. Колесова Л. А. Антропология сети. Проблемы и перспективы [Электронный ресурс] // Сайт С. П. Курдюмова : [веб-сайт]. Электрон. дан. 29.04.2017. URL: <http://spkurdyumov.ru/networks/antropologiya-seti-problemy-i-perspektivy>
10. Самохвалова В. И. Полиmodalность восприятия и истолкования мира. О когнитивном диссонансе и толерантности [Электронный ресурс]. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/orientiry/Or_5/2.pdf
11. Сагатовский В. Н. Мой враг антропоцентризм // *Вестник Российского философского общества*. 2007. № 4 (44). С. 116–120.

References

1. Arshinov V. I., Danilov Yu. A., Tarasenko V. V. Metodologiya setevogo myshleniya: fenomen samoorganizatsii [Methodology of network thinking: the phenomenon of self-organization]. In: Arshinov V. I., Kiyashchenko L. P., eds. *Ontologiya i epistemologiya sinergetiki [Ontology and epistemology of synergetics]*. Moscow, Published by Institute of Philosophy RAS, 1997. Pp. 101–119.
2. Arshinov V. I. Innovatsii, traditsii, arkhayka kak tsennostnyye komponenty sistemy kul'tury v ee sinergeticheskom izmerenii [Innovations, traditions, archaic as value components of the culture system in its synergetic dimension]. In: Nikolsky S. A., ed. *Problemy rossiyskogo samosoznaniya: arkhaycheskoe, traditsionnoe i innovatsionnoe nachala. Materialy 4 Vserossiyskoy konferentsii, Moskva – Belgorod, 27–29 maya 2009 goda [Problems of Russian self-consciousness: the archaic, traditional and innovative beginnings. Materials of the 4th All-Russian Conference, Moscow – Belgorod, May 27–29, 2009]*. Moscow, Published by Institute of Philosophy RAS, 2010. Pp. 17–26.
3. Belavin V. A., Kurdyumov S. P., Knyazeva E. N. *Rezhimy obostreniya i zakony koevolyuutsii slozhnykh sistem [Regimes of exacerbation and coevolution of complex systems]*. Available at: <http://spkurdyumov.ru/evolutionism/zakony-koevolucii-slozhnykh-sistem/>

4. Bekon F. [Bacon Francis] *Novyy organon (aforizmy ob istolkovanii prirody i tsarstve cheloveka* [The New Organon (aphorisms on the interpretation of nature and the kingdom of human)]. *Sochineniya, v 2 tomakh. Tom 2* [Works, in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publishers, 1977. Pp. 18–33 (Af. 38–64, 68).
5. Ignatov M. A. *Diskurs informatsionno-setevoy kul'tury* [Discourse of information network culture]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [Science. Art. Culture]. 2015, no. 2 (6), pp. 70–80.
6. Ignatov M. A. *Kontroverzy otchuzhdeniya v informatsionno-setevoy kul'ture* [The science of alienation in information network culture]. *Nauka. Iskusstvo. Kultura* [Science. Art. Culture]. 2012, no. 1, pp. 26–33.
7. Ignatov M. A. *Network paradigm (philosophical reflection)*. *Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy Sociology Law*. 2017, no. 17 (266), pp. 49–55. (In Russian)
8. Ignatov M. A. *Fenomen otchuzhdeniya cheloveka v diskurse informatsionno-setevoy kul'tury*. *Diss. kand. filos. nauk* [The phenomenon of human alienation in the information network culture. Cand. philos. sci. diss.]. Belgorod, 2011. 22 p.
9. Kolesova L. A. *Antropologiya seti. Problemy i perspektivy* [Anthropology of the network. Problems and prospects]. Available at: <http://spkurdyumov.ru/networks/antropologiya-seti-problemy-i-perspektivy>
10. Samokhvalova V. I. *Polimodal'nost' vospriyatiya i istolkovaniya mira. O kognitivnom dissonanse i tolerantnosti* [Polymodality of perception and interpretation of the world. About cognitive dissonance and tolerance]. Available at: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/orientiry/Or_5/2.pdf
11. Sagatovsky V. N. *Moy vrug antropotsentrizm* [My enemy anthropocentrism]. *Bulletin of the Russian Philosophical Society*. 2007, no. 4 (44), pp. 116–120.

*

К МЕТОДИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ В МУЗЕЙНОЙ РАБОТЕ

УДК 069.01

Л. В. Беловинский

Московский государственный институт культуры

Статья посвящена проблемам использования изобразительных источников (живописи, фотографии, документальных кинолент и пр.) в музейной работе, при реконструкции повседневной жизни прошлого музейными средствами. Отмечается необходимость критического анализа картины или фотографии с учётом характеристики автора (любитель, профессионал), назначения произведения (идейная тенденциозность, пропаганда и т.п.) и важности подготовительных материалов (эскизов, этюдов, негативов, пробных снимков). Обращается особое внимание на предметный фон произведения живописи или фотографии, куда могут попадать детали, в обычных обстоятельствах не привлекающие внимания. Отмечаются характерные случаи прямой фальсификации, ведущие к созданию исторического фотокиномифа.

Ключевые слова: исторический источник, изобразительный источник, предметный фон, детали повседневного быта, образ эпохи, постановочные кадры, инсценировка, фальсификация событий, мифологизация истории.

L. V. Belovinsky

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

TO THE METHOD OF USING GRAPHIC SOURCES IN MUSEUM WORK

The article is devoted to the problems of using pictorial sources (painting, photography, documentary films, etc.) in museum work, while reconstructing the daily life of the past by museum means. There is a need for a critical analysis of a picture or photo, taking into account the characteristics of the author (amateur, professional), the purpose of the work (ideological bias, propaganda, etc.) and the importance of preparatory materials (sketches, sketches, negatives, test shots). Particular attention is paid to the subject background of the painting or photo, where details can fall, under normal circumstances not attracting attention. There are characteristic cases of direct falsification, leading to the creation of a historical photo cytopharm.

Keywords: historical source, visual source, subject background, details of everyday life, image of the epoch, stage shots, dramatization, falsification of events, the mythologization of history.

БЕЛОВИНСКИЙ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры музейного дела и охраны культурного наследия факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

BELOVINSKY LEONID VASILYEVICH – Full Doctor of History, Professor of the Department of Museum Affairs and the Protection of Cultural Heritage, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: trofi-91@mail.ru
© Беловинский Л. В., 2018

Для цитирования: Беловинский Л. Я. К методике применения изобразительных источников в музейной работе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 27–34.

Изобразительные источники – произведения живописи и графики, в том числе чертежи, планы построек, авторские эскизы фасадов и прорисовки фрагментов и декоративных элементов интерьеров (лепнина, дверные ручки и т.п.), картины, а особенно документальная фото-, кино- и видеосъемка, – обычно слывут надёжными, чрезвычайно достоверными. Однако, как и любой другой источник, они нуждаются в критическом отношении и тщательной проверке если не путём сравнения с другими источниками, то, по крайней мере, путём привлечения житейской логики, опирающейся на широкое и детальное знание всей совокупности исторического материала.

Не будем касаться здесь архитектурных чертежей и рисунков – они в основном проходят по ведомству реставрации и реконструкции памятников архитектуры и истории. Поговорим об использовании изоисточников в музейном деле. Они могут иметь большое значение. Например, в ряде богатых усадеб их владельцами были созданы музеи (Поречье Уваровых, Остафьево Вяземских, затем Шереметевых, Архангельское Юсуповых и другие), впоследствии уничтоженные. Старые фотографии позволяют с большей или меньшей полнотой судить о составе коллекций, развеске картин, раскладке предметов, конструкции витрин, то есть о музее, истории музейного дела.

В экспозиционной работе изоисточники могут служить как источниками сведений при реконструкции прошлого музейными средствами, так и в качестве этих «музейных средств», будучи представленными в экспозиции. В музейном деле неопределимую роль

может играть так называемая интерьерная живопись 40–60-х годов XIX века (многочисленные изображения интерьеров усадебных домов, выполненные Г. Сорокой, и другие), а также произведения того направления, которое в советском искусствознании называлось «критическим реализмом», а в западноевропейском и постсоветском – «бидермейер». Возьмём для примера яркого представителя П. Федотова. В его известном «Свежем кавалере» мы до мельчайших деталей видим бытовую обстановку мелкого чиновника, обитающего где-то на чердаке: папильотки в волосах, одежду, мебель, бритвенный прибор, курительную трубку, гитару, песенник, бутылки из-под вина, кофейную мельницу, – то, мимо чего, воспринимая как обыденное, проходили собиратели и что давно исчезло. И здесь любые вербальные тексты абсолютно бессильны. Разумеется, и беллетристы, и очеркисты той поры описывали и костюмы, и интерьеры, но, так сказать, обобщённо. Ну кто в деталях описал бы щипцы для завивки или настольное зеркало? В мемуаристике мы имеем ряд очень детальных описаний интерьеров жилых комнат (Е. Андреева-Бальмонт, С. Дурылин, В. Харузина). Но как реально выглядели «два маленьких столика», которые «служили зыбкими пьедесталами для статуэток» или «курительный столик об одну ножку, с маленькой бронзовой гильотиной для обрубки сигар» (С. Дурылин), украшавшие гостиную купеческого дома? В этом смысле интерьерная живопись или более поздние интерьерные фотографии бесценны. Впрочем, это справедливо и для других жанров живописи. Так, в крупных библиотеках на выставках редкой книги или в литератур-

ных мемориальных музеях нередко видим птичье (даже не всегда гусиное) перо, воткнутое в чернильницу или лежащее рядом с ней, в том виде, как оно существует в природе. Между тем на известном, не раз репродуцировавшемся портрете купца Киселева работы В. Тропинина из Московского музея В. Тропинина и художников его времени мы видим два пера: одно в чернильнице, другое – в опущенной руке модели, и оба с обрезанной бородкой. Такие же перья с обрезанной бородкой запечатлены в известной интерьерной картине Г. Сороки, изображающей кабинет в имении Милюковых Островки, на всем с детства известной картине П. Федотова «Завтрак аристократа» и т.д. И музейные, и библиотечные работники видели всё это – и **не увидели**. Проблема заключается в том, как научить, как заставить будущих и практикующих музейщиков **увидеть** деталь. Конечно, можно разбить картину (репродукцию) или фотографию на квадраты и рассматривать её поквадратно. Но ведь нужно ещё и знать, **что** ты хочешь увидеть.

Портретная живопись и фотопортрет позволяют нам с той или иной степенью точности судить не только об истории костюма и причёски. Например, что даёт нам типичная групповая фотография участников Гражданской войны? По внешности – только характерные костюмы. Но позы персонажей, например демонстрация часов (особенно это заметно, когда часы наручные: делается характерный жест), оружия, взятого на изготовку, дают психологическую характеристику и персонажей, и, особенно, времени. Фотопортрет крестьянки или рабочего рубежа XIX–XX веков – в наилучшем «престижном» костюме, характеризует и уровень материального положения персонажей, и их психологию, и знаковую роль костюма и аксессуаров.

Однако, при всём значении изобразительного источника, к нему следует относиться чрезвычайно осторожно, как и к любому иному историческому источнику. Недаром в источниковедении существует такой раздел, как критика источника. Даже живопись так называемых художников-реалистов преследует определённые цели, и в соответствии с ними художник отбирает и использует одни детали, иногда вопреки реальной действительности и логике, и отбрасывает другие. Возьмём в качестве примера широко известную и всем знакомую картину А. Венецианова «Весна. На пашне»: молодая крестьянка, ведя под уздцы лошадь, боронит пашню. Венецианов посвятил своё творчество крестьянской тематике, и уже в силу этого историки искусства относят его творчество к реалистической живописи, так что репродукциями его картин нередко иллюстрируют даже серьёзные тексты, посвящённые русской деревне. Нельзя не исключить такого и в музейной работе, например, в экспозиции типа «Быт русской крестьянки». На деле же мы имеем дело с абсолютно идеализированной картиной труда. В средней полосе России боронование посевов яровых шло во второй половине мая – начале июня, в жаркую сухую погоду. Мухи докучают лошади, облепляя слезящиеся глаза, она мотает головой, так что повод нужно держать в руках крепко, а не так, буквально двумя пальцами, как это изображено на картине. Борона поднимает тучи пыли, и, разумеется, в праздничном наряде (кумачный сарафан с золотым позументом, белые батистовые рукава рубахи) никто в поле работать не выходил. Наконец, о сухие комья земли в кровь сбиваются ноги, черные от пыли, так что такую работу выполняли в лаптях. Но бесформенные лапти с онучами, разумеется, портили бы

всю картину, на которой крестьянка чуть ли не парит, едва касаясь земли белоснежными ножками. Репродукция или подлинник этой картины были бы уместны лишь в экспозиции «Идеализация крестьянского труда художниками-«протонародниками»».

Столь же необъективной может оказаться портретная живопись и кино-, фото-, видеосъёмка. Модель обычно стремится представить себя в наиболее выгодном виде (ракурс, поза, выражение лица, костюм), а живописец или фотограф-профессионал дополнительно может преследовать ещё и художественные (и не только) цели. Необходимо различать съёмки любительские, профессиональные студийные и профессиональные репортёрские. В каждом случае имеет место особая цель и, соответственно, особое «содержание» фотоснимка. Считается, что «... любители используют фотографию для того, чтобы «рассказать» другим о событиях своей жизни, поэтому, во-первых, главным героем любительских фотографий является человек, а во-вторых, они «рассказывают» обо всём необычном, выдающемся, из ряда вон выходящем ... Любители не снимают свои будни ... Зато всё, что не воспринимается как повседневное ... заставляет любителя взяться за фотоаппарат [3, с. 19–20]». Разумеется, снимок даёт нам представление о, так сказать, идеальном представлении о человеке определённого круга в определённую эпоху: снимавшийся стремился на фотоснимке приблизиться к этому идеалу. Мы можем понять, как человек себя видел и как он хотел выглядеть. Зато с точки зрения историка интерес представляет «периферия» кадра, фон, на котором совершена съёмка: сюда могут попасть совершенно случайные люди и детали, то есть жизнь «как она есть». Например, на фотографии 1940–1950-х годов, изображающей празд-

ничное застолье, можно обнаружить в жилой комнате холодильник (в «коммуналках» их не держали на кухне), на нём телевизор, покрытый салфеткой, а на телевизоре – комнатную антенну. Наш младший современник уже не знает, что телевизор той поры – семейный любимец, за ним ухаживали; к тому же, в тогдашних представлениях, телеэкран от света портился, и считалось, что его необходимо закрывать днём. Или любительское семейное фото на фоне самой ценной и красивой вещи – ковра, на который приколота белая дорожка с вышивкой ришелье – типичное явление этих лет, неизвестное сегодня. Оказываются зафиксированными «пошлые» детали давно ушедшего быта. С этой точки зрения наибольший интерес представляют снимки неопытного любителя, ещё не умеющего отобрать сам фон и его детали. А главное – это неретушированная фотография. Так что процитированное выше мнение исследователя любительской фотографии О. Ю. Бойцовой можно опровергнуть. Фотолюбитель, не умеющий отбирать и организовывать материал для съёмки, может фотографировать всё подряд, и среди таких материалов могут оказаться весьма любопытные и даже редкие сюжеты. А то, что оказывается на заднем плане, – жизнь, «как она есть».

Что касается фоторепортажа, то он представляет интерес лишь с точки зрения психологии или идеологии эпохи: фоторепортёр снимает то, что «нужно». Но к реальной жизни это, как правило, имеет очень отдалённое отношение. Например, в советское время, в частности в период освоения целины, очень характерны были кадры типа «первая борозда»: по бескрайнему полю уступом, один за другим, идут трактора с многолемешными плугами, либо так же, один за другим, идут комбайны, причём

в последнем случае, ввиду высоты хлебов и громоздкости агрегатов, кадры делаются сбоку сверху, очевидно, с вертолёта или низко летящего легкомоторного самолёта. Это постановочные кадры: так не работают. Во-первых, при остановке одной из первых машин (поломка и т.п.) сзади идущие также должны были простаивать. Во-вторых, учёт работы механизаторов вёлся с гектара «мягкой пахоты», а при огульной работе большой группой ни учёт, ни контроль качества невозможны. Это не что иное, как инсценировки, довольно обычные для фото- и кинорепортажей. Фото- или киножурналисты создавали героизированный, величественный образ советской эпохи, а на деле – фальшивку. Так, в многочисленных публикациях фотографий времён Великой Отечественной войны часто попадаются сцены кавалерийской сабельной атаки. По заснеженному полю в атаку, размахивая шашками, идёт компактная группа в несколько десятков человек. Нет упавших от огня противника лошадей и всадников, нет взрывов от самых распространённых тогда ротных минометов. Да и конная атака через проволочные заграждения и минные поля на позиции противника, сидящего в окопах и блиндажах с автоматическим оружием и миномётами, бессмысленна. Иногда на таких фотографиях плотные группы всадников скачут прямо на фотографа, вышедшего впереди атакующих, то есть в зону вражеского огня. Кроме иронии, такие снимки ничего не могут вызвать. Между тем очень соблазнительно поместить в музейной экспозиции, посвящённой войне, такого рода фотографию, демонстрирующую героизм советских воинов. Кавалерийские генералы времён войны в мемуарах прямо заявляли об отсутствии сабельных атак. Кавалерия XX века была просто ездящей пехотой, ло-

шад были лишь транспортным средством, обеспечивающим пехоте мобильность. Атаки совершались только в пешем строю. Но некоторые командиры кавчастей инсценировали для приезжих фотокорреспондентов такие атаки. А наш неосведомлённый современник искренне верит всему этому. Не было таких атак, а были лишь их инсценировки в пропагандистских целях. Откровенно постановочные фотографии событий Великой Отечественной войны используются очень часто (знаменитый «Политрук», сцены водружения Знамени Победы на куполе Рейхстага и пр.), но к реальности они отношения не имеют.

Подобного рода фотографии, интересные лишь с художественной точки зрения, чрезвычайно популярны и используются очень широко в музеях. Исследователь кинофотофонодокументалистики В. Магидов пишет: «Как и многие письменные источники, КФФД являются политически направленным источником, отражающим присущие данному обществу политические воззрения и способы интерпретации события. Они отличаются двойственностью, проявляющейся в сочетании объективного отражения действительности с субъективной деятельностью автора; публицистичностью, приближаясь ... к периодической печати; определённой фрагментарностью и ограниченностью в отражении событий, явлений, фактов ... [13, с. 219]».

Бывают и факты включения в документальную кинохронику фрагментов художественных кинофильмов. Так, в последние десятилетия советского периода в документальные ленты, повествующие о событиях октября 1917 года в Петрограде, непременно включалась сцена штурма Зимнего дворца: из под арки Главного штаба через площадь бегут атакующие, матрос лезет на решетку

ворот, они медленно отворяются и т.д. Но, во-первых, все современники отмечают, что никакого «штурма» не было: дворец практически никем уже не охранялся, и участники его взятия проникли через многочисленные двери и окна первого этажа. Во-вторых, в ту пору ещё не было средств ночной киносъёмки; к тому же съёмка ведётся с движущейся по рельсам тележки с камерой и оператором. Разумеется, никто бы не стал прокладывать такие рельсы и пускать вместе со штурмующими кинооператора. Это фрагмент художественного кинофильма М. Ромма «Ленин в Октябре», в 1960-х годах включённый кем-то из кинодеятелей в ленту вместе с документальными кадрами. А теперь этот фрагмент включают во все подобные «документальные» ленты как подлинный.

Но, помимо такой более или менее безвредной визуальной мифологизации истории, можно обнаружить и факты прямой фальсификации. В Интернете можно найти фото со сценами повешения немцами советских людей, в том числе и девушек-санитаров. Отрицать факты повешения нацистскими карателями людей бессмысленно; например, в соответствии с инструкциями, вешали партизан и подпольщиков, которые расценивались как бандиты. Но в данном случае мы сталкиваемся с фальсификацией: большие «законники», немцы пленный медперсонал противника использовали по прямому назначению, для лечения военнопленных. И тут же, рядом, в Интернете даются изначальные фотографии, без повешенных, которые «пристроены» позже.

Подобного рода разоблаченных фальсификаций можно найти немало. Термин «фотошоп» недавнего происхождения, а практика давняя. Среди профессиональных фотографов даже бытовал термин «пальмирование»: в эпоху политической нестабильности

в СССР 1930–1940-х годов с фотографий президиумов различных торжественных собраний удалялись лица, неожиданно оказавшиеся «врагами народа», а пустое место занимали развесистые пальмы, украшавшие сцену.

Рассуждая об этих чертах кинофотофонодокументалистики, В. Магидов пишет: «Фальсификация событий и фактов, отражённых в КФФД, довольно распространена. Она находит своё проявление с разными степенями интенсивности и размаха с момента возникновения фотографии, кинематографии и звукозаписи. Практически для всех периодов отечественной истории ... можно найти примеры искажённой трактовки исторических событий путём использования методов и средств кинофотодокументирования [13, с. 35]». Магидов по пунктам излагает методики фальсификации кинофотодокументов, а также характеризует особенности хранения, точнее, изъятия по идеологическим соображениям отдельных кадров и фрагментов, перемонтажа и даже физического уничтожения. В связи с этим интерес представляют не только отпечатки или репродукции, но и фотонегативы, пробы, варианты, подготовительные кадры – весь комплекс, который может сопровождать и негатив, и фотоотпечаток, и репродукцию, а также, при сохранении исходных материалов, люблпытна разница в оригиналах и отпечатках ввиду возможности ретуширования, в том числе неоднократного.

К сожалению, до сих пор приёмы и методы подлинно научного применения изобразительных источников в музейном деле не разработаны. Как правило, изобразительный ряд подаётся лишь в качестве иллюстраций. Задача разработки методик научного применения изобразительных источников – дело будущего.

Примечания

1. Арутюнов К. А. Научно-познавательное значение кинофотофонодокументов истории Великой Отечественной войны : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата исторических наук: 07.00.02 / Арутюнов Кимик Арменакович ; Московский государственный историко-архивный институт. Москва, 1978. 22 с.
2. Баталин В. Н., Малышева Г. Е. Проблемы внешней критики фотодокументов в процессе их источниковедческого анализа // Отечественные архивы. 1994. № 2. С. 15–19.
3. Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. Санкт-Петербург : Европейский Университет в Санкт-Петербурге, 2013. 265 с.
4. Евграфов Е. М. Кинофотодокументы как исторический источник : учебное пособие / Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР ; Московский государственный историко-архивный институт. Москва : [б. и.], 1973. 44 с.
5. Кардин В. Ветер вчерашнего дня // Искусство кино. 1988. № 4. С. 18–28.
6. Козлов В. П. Фальсификация исторических источников: источниковедческий, историографический археографический аспекты // Вестник архивиста. 1996. № 4. С. 6–20.
7. Кунтиков И. Н. Кинофотофонодокументы в научных исследованиях // Вопросы архивоведения. 1962. № 2. С. 55–59.
8. Левин Е. В тени «развесистых пальм» // Искусство кино. 1988. № 11. С. 31–33.
9. Листов В. С. О критике кинодокументальных источников (по материалам советских киносъёмки 1917–1920 гг.) // Археограф. Ежегодник за 1969 год. Москва, 1971. С. 54–69.
10. Магидов В. М. Зримая память истории : [О документальном кино в СССР]. Москва : Советская Россия, 1984. 140 с.
11. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы как исторический источник // Отечественная история. 1992. № 5.
12. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы // Профессионализм историка и идеологическая конъюнктура: проблемы источниковедения советской истории / А. К. Соколов, С. В. Журавлев, Л. В. Борисова и др. ; отв. ред. А. К. Соколов ; Российская академия наук, Институт российской истории. Москва : ИРИ, 1994. С. 321–381.
13. Магидов В. М. Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания / Российский государственный гуманитарный университет. Москва : Издательский центр РГГУ, 2005. 394 с.
14. Малькова Л. Ю. Современность как история : реализация мифа в документальном кино / Научно-исследовательский институт киноискусства Министерства культуры Российской Федерации. Москва : Материк, 2002. 188 с.
15. Рогаль Л. М. За кадрами правды. Поэзия факта и авторская точка зрения. Москва : Всесоюзное бюро пропаганды киноискусства, 1986. 88 с.

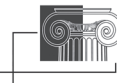
References

1. Arutyunov K. A. *Nauchno-poznavatel'noe znachenie kinofotofonodokumentov istorii Velikoy Otechestvennoy voyny. Avtoreferat diss. kand. istor. nauk [The scientific and educational value of cinema and photo documents of the history of the Great Patriotic War. Synopsis cand. histor. sci. diss.]*. Moscow, 1978. 22 p.
2. Batalin V. N., Malysheva G. E. Problemy vneshney kritiki fotodokumentov v protsesse ikh istochnikovedcheskogo analiza [Problems of external criticism of photodocuments in the process of their source study analysis]. *Otechestvennyye arkhivy [National archives]*. 1994, no. 2, pp. 15–19.
3. Boytsova O. Yu. *Lyubitel'skie foto: vizual'naya kul'tura povsednevnosti [Amateur photos: visual culture of everyday life]*. St. Petersburg, Publishing house of the European University at St. Petersburg, 2013.
4. Evgrafov E. M. *Kinofotodokumenty kak istoricheskiy istochnik [Cine and photo documents as a historical source]*. Moscow, 1973. 44 p.

5. Kardin V. Veter vcherashnego dnya [Wind of yesterday]. *Iskusstvo kino [Art of Cinema]*. 1988, no. 4, pp. 18–28.
6. Kozlov V. P. Fal'sifikatsiya istoricheskikh istochnikov: istochnikovedcheskiy, istoriograficheskiy arkhograficheskiy aspekty [Falsification of historical sources: source studies, historiographical archeographical aspects]. *Vestnik arkhivista [Herald of an archivist]*. 1996, no. 4, pp. 6–20.
7. Kuntikov I. N. Kinofotofonodokumenty v nauchnykh issledovaniyakh [Cine and photo documents in scientific research]. *Voprosy arkhivovedeniya [Questions of Archival Science]*. 1962, no. 2, pp. 55–59.
8. Levin E. V teni “razvesistykh pal'm” [In the shadow of “spreading palm trees”]. *Iskusstvo kino [Art of Cinema]*. 1988, no. 11, pp. 31–33.
9. Listov V. S. O kritike kinodokumental'nykh istochnikov (po materialam sovetskikh kinos'emok 1917–1920 gg.) [On the Criticism of Documentary Sources (by materials on Soviet Filming of 1917–1920)]. *Arkhograf. Ezhegodnik za 1969 god [Archeographer. Yearbook for 1969]*. Moscow, 1971. Pp. 54–69.
10. Magidov V. M. Zrimaya pamyat' istorii: O dokumental'nom kino v SSSR [Visible memory of history: About documentary films in the USSR]. Moscow, 1984. 140 p.
11. Magidov V. M. Kinofotofonodokumenty kak istoricheskiy istochnik [Cinema and photo documents as a historical source]. *Otechestvennaya istoriya [National history]*. 1992, no. 5.
12. Magidov V. M. Kinofotofonodokumenty [Cinema and photo documents]. In: Sokolov A. K., ed. *Professionalizm istorika i ideologicheskaya kon'yunktura: problemy istochnikovedeniya sovetskoy istorii [Professionalism of the historian and ideological conjuncture: problems of source study of Soviet history]*. Moscow, Published by Institute of Russian History RAS, 1994. Pp. 321–381.
13. Magidov V. M. *Kinofotodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya [Cinema and photo documents in the context of historical knowledge]*. Moscow, Publishing house of the Russian State University for the Humanities, 2005. 394 p.
14. Malkova L. Yu. *Sovremennost' kak istoriya: realizatsiya mifa o dokumental'nom kino [Modernity as a history: implementation of the myth of documentary films]*. Moscow, Publishing house “Materic”, 2002. 188 p.
15. Rogal L. M. *Za kadrami pravdy. Poeziya fakta i avtorskaya tochka zreniya [Behind the frames of truth. The poetry of fact and the author's point of view]*. Moscow. 1986. 88 p.

*

К

УЛЬТУРНЫЙ ИНТЕРЕС В СОВРЕМЕННОЙ БЛОГОВОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

УДК 130.2:004.738.5

К. В. Белобров

Московский государственный институт культуры

В статье уточняются понятия культурного интереса и блогосферы как пространства культурной коммуникации. Автор утверждает, что аналогично правилам для компьютерных программ культурные интересы определяют правила, организующие сами блоги. Понимание культурного интереса как организующего начала блогосферы рассматривается на материале блогов, посвящённых театру и театральной культуре. Отдельно анализируется внедрение современных цифровых технологий в театр и их влияние на динамику культурного интереса. Характеризуются взаимоотношения культурного и политического интересов на фоне развития блогосферы как культурного софта, сетевой культуры в целом. В работе рассмотрены теории, посвящённые динамике блоггового культурного интереса, его эволюции в российской культурной жизни в последние годы. Демонстрируются неоднозначные оценки данного культурного феномена деятелями науки и культуры.

Ключевые слова: блогосфера, сетевая культура, культурный софт, культурный интерес, культурная коммуникация, виртуальное сообщество, интернет-театр.

K. V. Belobrov

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CULTURAL INTEREST IN CONTEMPORARY THEATRE BLOG CULTURE

The article clarifies the concepts of cultural interest and the blogosphere as a space of cultural communication. The author argues that, similar to the rules for computer programs, cultural interests are the rules that organize the blogs themselves. Understanding cultural interest as the organizer of the beginning of the blogosphere is viewed on the material of blogs devoted to theater and theatrical culture. The introduction of modern digital technologies into the theater and their influence on the dynamics of cultural interest are analyzed separately. Characterized by the relationship of cultural and political interest against the background of the development of the blogosphere as a cultural software, network culture in general. The paper deals with theories devoted to the dynamics of blogging cultural interest, its evolution in Russian cultural life in recent years. Ambiguous assessments of this cultural phenomenon by scientists and cultural workers are demonstrated.

Keywords: blogosphere, network culture, cultural software, cultural interest, cultural communication, virtual community, Internet theater.

БЕЛОБРОВ КОНСТАНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

BELOBROV KONSTANTIN VASILYEVICH – doctoral student of the Department of Culturogy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: belobrov.kostya@yandex.ru

© Белобров К. В., 2018

Для цитирования: Белобров К. В. Культурный интерес в современной блоговой театральной культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 35–43.

Виртуальное киберпространство и коммуникативные процессы внутри него уже достаточно длительное время исследуются учёными разного профиля. Их изучению посвящены культурологические, политологические, философские, социологические и другие исследования. Одним же из самых обсуждаемых феноменов сетевой культуры является блог, дискуссии о котором ведутся не только в научной среде. При этом он рассматривается с разных ракурсов и точек зрения: и как модернистская форма личного дневника, и как новаторское средство массовой информации, что, на наш взгляд, создаёт трудности в понимании сущности этого явления.

Одним из важных аспектов данного феномена, который достоин научного исследования, является взаимосвязь культурного интереса и блогов, возможность формирования и развития культурного интереса посредством медиакоммуникации и блогосферы. Современная гипертехнологичная окружающая среда, рост коммуникативной глобализации не только видоизменили наше восприятие и организацию пространства и времени, модифицировали саму суть нашей культуры, но и послужили причиной появления множественных цепных реакций, сформировали конгломераты пользователей мобильных сетей, которые стали более активно транслировать своё мнение о новых произведениях искусства, в частности театрального, посредством Глобальной сети и блоговой коммуникации.

Невозможно свести критический анализ цифровой культуры к обсуждению узких понятий «кибер», «цифровой», «откры-

тый доступ», «Интернет» и т.д., поскольку это не позволит понять, что представляет собой блогосфера как новая коммуникационная среда и современные цифровые средства – как средства коммуникации, а также в чём суть их функционирования. Не сконцентрировавшись на изучении сущности блога и культурного интереса в нём, мы будем сосредоточены лишь на рассмотрении следствий, но не причин: например, будем иметь дело с «видимым» проявлением культурного интереса, не различая того, что стоит за производством данной реальности, а именно – каковы взаимодействия и взаимовлияния блогов и социальных структур современности.

Однако вне зависимости от того, как атрибутируется существование современных обществ, все выделяемые характеристики указывают на очевидное: наш современный мир сложно представить без культурной наполненности, культурных потребностей и культурного интереса, которые реализуются в том числе посредством блогов. Появление новых медиа непосредственно влечёт за собой и образование новых форм культурного интереса. В современных реалиях образовался так называемый культурный софт – разнообразные программы и базы данных, работающие на серверах компаний, позволяющие пользователям редактировать их: оставлять комментарии, комментировать между собой. Можно провести аналогию между написанием программ культурного софта и написанием «культурных программ» – блогов. Блоги пишутся по определённым правилам. Если формулы – правила для компьютерных программ, то

интересы – правила для блогов. Блоги пишут те, у кого есть культурный интерес, и, наоборот, кто не интересуется, тот не участвует ни в создании блогов, ни в блогговой коммуникации.

И при написании программ культурного софта, и при создании блогов действуют общие принципы: создают и пишут ровно столько, сколько даёт возможность сам блог или программа, пишут, предполагая, что реципиенты воспользуются и прочитают, примут участие в коммуникации. Пишут и создают, ожидая обратную связь. Блоги относятся непосредственно к культурному софту. Культурный софт в последние годы активно начинает взаимодействовать и с другими культурными феноменами, например, с театром и кинематографом, поскольку среди феноменов культуры, определяющих культурное развитие людей, они занимают одно из важнейших мест.

Своеобразие театрального искусства объясняется характером связи с аудиторией и обществом в целом, поэтому современный театр представляет собой сложную коммуникативную систему, где живой процесс культуры разворачивается непосредственно перед зрителем в противовес киноискусству, которое посредством уникальных приёмов, технологий, специалистов запечатлевает культурный феномен и впоследствии транслирует его зрителям. Но специфика настоящего момента в развитии театра и кино состоит в изменении жизненного цикла культурного интереса к ним, что обусловлено новыми возможностями коммуникации. Так, коммуникация реципиентов театрального и киноискусства приобретает черты нового культурного феномена вследствие развития блогговой сферы.

Блогосфера ведёт к трансформации всего процесса детерминируемого культур-

ными интересами восприятия произведения искусства. Участники блогов способны продлить жизнь своих культурных интересов, используя виртуальное пространство не только как коммуникацию, но и как перцепцию и герменевтику театрального искусства, создавая его новую культурно-феноменологическую определённость.

Ведь общение зрителей между собой и с другими пользователями может осуществляться в блогговой сфере задолго до показа самих произведений, непосредственно во время трансляции и длительное время после неё. Анализ таких блогов способствует выявлению различных состояний культурного интереса к театру, позволяет глубже проникнуть в их непосредственную структуру и одновременно фиксировать влияние, осуществляемое ими на культуру общества в целом.

Театр уникален среди других видов искусства своей географической локацией. Столичные театры отличаются географической привязанностью к выдающимся центрам художественных инноваций (Нью-Йорк, Сан-Франциско, Лос-Анджелес, Париж, Москва, Санкт-Петербург и т.д.). Поэтому люди, не живущие в этих мегаполисах, но желающие участвовать в театральной жизни общества, могут, наряду с эпизодическими посещениями спектаклей этих театров, приобщиться к ней, читая и создавая блоги в Глобальной сети.

Блоги имеют преимущество перед традиционными СМИ в том, что они могут быть более неформальными и, следовательно, более откровенными, чем статьи, опубликованные в газетах и журналах. Блоги позволяют читателям и зрителям из первых рук получать информацию о художественных и деловых практиках профессиональных театров по мере их появления.

Кроме того, культурный интерес человека, находя выражение в комментариях к блогам и в процессе создания своего блога, актуализирует различного рода дебаты и дискуссии, реализуется в сетевом обмене специализированными знаниями.

Обратим внимание на другую особенность блогерской культуры: культурные интересы в этой области умиротворяюще влияют на политические процессы. Те люди, которые выражают своё мнение в блоге, менее склонны делать это на улице, а постоянное участие в блоге для выражения своих культурных интересов делает их приоритетными над политическими. Так, Ж. Бодрийяр, анализируя предпосылки развития постмодернистского общества, то есть в том числе дающего людям возможность выражения своих интересов в блогерской сфере, утверждал, что политическая сфера в условиях массового общества значительно сокращается. Массы, по сути своей, все менее и менее могут быть реальными субъектами политики, являясь в большей степени объектом политических и социальных процессов.

Американский учёный Г. Рейнгольд, автор понятия «виртуальное сообщество», назвал его социальным объединением, вырастающим из Сети. Он, в частности, отмечает, что виртуальные сообщества в большинстве своём не носят политического характера по причине того, что коммуникация в них не концентрирует внимание на реальной политической сфере, а захватывает её лишь косвенно, тогда как влияние интернет-коммуникации на культурные интересы прослеживается очень чётко.

Столь же актуальны для нашей темы статьи воззрения немецкого философа и социолога, создателя концепций коммуникативного действия и этики дискурса Ю. Хабермаса, который неоднозначно оценива-

ет влияние Интернета на публичную сферу. С одной стороны, он отмечает подрывное воздействие Глобальной сети на авторитарные режимы, сопровождающееся выхолащиванием достижений традиционных публичных сфер, что связано с концентрированием внимания «анонимной и рассеянной аудитории на неких избранных сообщениях [12]». С другой стороны, его утверждение, что электронная революция в СМИ может «уничтожить сцену для элитарных выступлений тщеславных интеллектуалов [12]», также свидетельствует в пользу остужающего политические страсти влияния Сети. Политические интересы здесь также уступают место культурным интересам.

Применяя мысли выдающегося философа к анализу блогосферы, можно заключить, что в ней сохраняется площадка для интеллектуалов, поскольку присутствуют авторитетные пользователи, журналы которых становятся популярными и приобретают возрастающее влияние. Однако это влияние оказывается культурным, а не политическим. Поэтому в действительности, по крайней мере в российской действительности, блоги подпитываются культурными, а не политическими интересами.

Среди других особенностей блогосферы Ю. Хабермас называет более высокий средний возраст пользователей, преобладание среди них совершеннолетних профессионалов, высокую степень связности между дневниками и влияние ЖЖ на онлайн-овые и оффлайн-овые медиа. Однако стоит отметить, что эта характеристика относится к блогам сервиса LiveJournal.com, в то время как проводимые «Яндексом» исследования блогосферы русскоязычного сектора Интернета показывают, что по общему числу аккаунтов в России его превосходят такие блогостинги, как LiveInternet.ru и Blogs.Mail.ru.

Среди отечественных философов культуры, обращающихся к изучению интернет-пространства в связи с культурными интересами, также бытует мнение о том, что Интернет скорее благо, наполняющее общество культурной информацией, нежели зло, сталкивающее людей друг с другом [5]. При этом вышеприведённый анализ свидетельствует о том, что развитие блогосферы, к которому с осторожностью относится официальная российская элита, в меньшей степени, чем кажется, способствует росту политической активности, скорее способствуя культурной активности людей. Поэтому, по нашему мнению, вместо предложений по ограничению виртуальной реальности представителям власти следовало бы сосредоточиться на её развитии, по крайней мере там, где это касается театрального искусства.

Если обратиться к мнению не философов, а практиков культуры, то они как раз озабочены снижением качества культурных интересов в блоговой сфере. Так, редактор отдела культуры журнала «Огонёк», колумнист деловой газеты «Взгляд» Андрей Архангельский в статье «Театр и массовая культура» о Российском академическом молодёжном театре «РАМТограф» утверждает, что при анализе театральной культуры нельзя полностью полагаться ни на мнения профессиональных критиков, поскольку они в своих суждениях слишком «однобоки» и профессионально предвзяты, ни на мнения блогеров, которые, наоборот, в своих суждениях и оценках проявляют поверхностный и слишком узкий взгляд. «Негативные моменты ЖЖ уравниваются его положительными качествами. В социальном плане это положительное явление, в культурном, скорее, отрицательное. С социальной точки зрения ЖЖ сегодня исполняет исключительно важную роль: фактически

является единственной площадкой, где возможен бесцензурный разговор. Для демократического общества этот факт является весомым аргументом в его пользу [11]».

В межличностной коммуникации реализуется целый ряд информационных интересов, отражающих различные информационные потребности. Одним из них является интерес к верификации информации, полученной через средства массовой информации, а с развитием блогосферы на законодательном уровне принято постановление считать редактируемые веб-страницы, то есть блоги, с ежедневной аудиторией реципиентов свыше 3 000 человек в сутки, СМИ, соответственно, популярные блоги в большинстве своём являются СМИ, а «полнота реализации информационных интересов через СМИ не только технически, но и социально, экономически, идеологически и т.д. более чем обусловлена [6]».

Многочисленные обращения к Глобальной сети свидетельствуют о разнообразии интересов, лежащих в основе такого обращения, через которые представляется возможным характеризовать культуру их носителей. Применительно к конкретным интересам, к театру, это поможет охарактеризовать зрительскую аудиторию – как профессиональную, включённую в производство культурных продуктов, так и «сетевых странников», участвующих в данных площадках, и привлечённых сторонних коммуникантов.

Культурный интерес обуславливает возможность бинокулярного рассмотрения проблемы, то есть не только «изнутри» (с помощью изучения тенденций, примеров, непосредственного участия в интернет-коммуникации). Проявляясь в виде культурно-философского контент-анализа экспериментов и новаций в современном театральном

искусстве, он также продлевает жизнь театру «снаружи». Блоги выполняют функцию «ретранслятора», через который реципиенты удовлетворяют свои культурные запросы. Они (блоги) возникают и развиваются из необходимости доставить разнообразную информацию пространственно рассредоточенной массовой аудитории. Потребность в массовой трансляции эмоциональных смыслов также способствует появлению и популяризации блогов, ставших средой, в которой производятся, живут и исчезают культурные интересы.

Уже шла речь о том, что главной особенностью блогов является их публичность и возможность двусторонней коммуникации, что позволяет пользователям выражать своё мнение в режиме реального времени, а исследователям проводить актуальный анализ тех или иных проблем. Развитие блоговой коммуникации в свете медиатехнологий способствовало развитию виртуальной реальности из онтологически обоснованного стремления человека создавать альтернативный мир, проявляющийся здесь и сейчас, преимущественно знаково, и радикально меняющий пространственно-временной континуум. И немаловажным моментом в этом свете является участие в интернет-коммуникации самих театров и театральных площадок, которое осуществляется разнообразными путями и преследует различные цели: реклама, культурное просвещение, привлечение целевой аудитории, меценатство и т.д. При этом театр стремится охватывать обширный спектр технологий – от классических театральных до электронных, позволяющих воспринимать театр, в частности, как цифровой перформанс.

Вспомним, что как вид искусства театр – один из наиболее древних и сложных, и интересом к себе, своим рождением он обя-

зан выделению театрального действия из толпы путём создания реальной площадки. Сегодня его существование как предмета культурного интереса обеспечивается завоеванием им виртуальной площадки. Без представленности в интернет-пространстве театр рискует оказаться географически локализованным местом реализации культурных интересов немногих зрителей, связанных с местом расположения театра, или эпизодически реализующих свои культурные интересы туристов и паломников, в связи с чем его роль как медиума культуры будет уменьшаться.

Уже появился и успешно реализуется так называемый интернет-театр. Технология интернет-театра предполагает в своей работе систему многопоточкового вещания, то есть обеспечивает зрителю вовлечение и интерактивность. Конечный результат, созданный пользователем на материале многопоточкового вещания, переданного напрямую из театрального пространства к нему на экран компьютера, не может быть идентичен конечному результату другого человека, находящегося за компьютером в офисе и наблюдающего за тем же вещанием на экране. Запечатлеть всё действие целиком и создать наиболее объективную картину спектакля здесь не является единственной целью. Пользователь может временно покинуть трансляцию, отвлекаться, возвращаться обратно и улавливать интересные для себя моменты, фиксировать их тем способом, который покажется ему наиболее приемлемым.

Свои каналы в Глобальной сети имеют такие популярные театры, как Малый театр, который сначала демонстрировал многочисленные видеозаписи своих спектаклей, а затем создал собственный интернет-канал «Малый-ТВ», где в режиме реаль-

ного времени транслирует многочисленные программы о Малом театре и премьерные спектакли. В 2016 году собственным каналом в Интернете обзавёлся и знаменитый Большой театр, который использовал уникальную разработку компании ВСС – платформу MEDIASTAGE™, обладающую богатым набором современных интерактивных медиасервисов, которые предоставляют пользователям максимально удобные возможности просмотра и персонализации видеоконтента.

В Сети уже несколько лет работает уникальный интернет-театр под названием «Свободная площадка», где каждый может посмотреть самые модные спектакли с участием российских звезд. Отбор происходит после согласования с театром, где поставлена пьеса. Так театр выходит на уровень современных коммуникаций, создавая в Сети виртуальное место встречи театра и зрителей. При этом в интернет-театре можно не только посмотреть онлайн-трансляции спектаклей, но и побывать на репетициях, заглянуть за кулисы, посетить лекции известных театроведов, обсудить события театральной жизни и опубликовать свои отзывы.

***

Таким образом, Глобальная сеть, блогосфера, современные цифровые и сетевые технологии предоставляют театральному искусству уникальную возможность расширять сферу своего культурного влияния на

реципиентов, открывать новые сферы реализации культурного интереса и преумножать уже существующие, привлекая зрителя к коммуникации и продуктивному диалогу. «Шум», который создаёт блогосфера, передаётся и в профессиональные круги, формируя обратную связь зрителя с режиссёрами и актёрами. Культурный интерес к театру, перемещаясь в блогосферную сферу, продлевает жизнь спектаклям, дополняет их зрительской критикой и симпатиями, а в теоретико-культурологическом смысле позволяет привлечь «третью (виртуальную) реальность» для более полной характеристики театра (и кино) как «второй реальности», как реальности культуры.

Весьма ощутимо влияние интернет-коммуникации на смежные области. Появление новых понятий, таких, например, как «культурный софт» и другие, отражает развитие не только технологий, но и социальных медиа и культурных практик. Существование модернистских театральных идей в интернет-пространстве способствует формированию новых выразительных средств театрального представления. Культурные интересы театральных зрителей становятся интересами театральных блогеров и способствуют, в свою очередь, не только развитию технологий вовлечения в театральные проекты людей, разрозненных по географическому признаку, но и становлению креативной среды для формирования новых форм на стыке театра, индивидуального опыта и социальных сетей.

Примечания

1. Алексеева И. Ю. Возникновение идеологии информационного общества [Электронный ресурс] // Информационное общество. 1999. Вып. 1. URL: <http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>
2. Богданова Д. Блоги в системе сетевых коммуникаций [Электронный ресурс] // Релга : научно-культурологический журнал. 2006. № 13 (135). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D1093%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles>
3. Гаджиев К. С. Новая «Великая трансформация» // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 75–86.

4. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика. Москва : Юнити-Дана, 2005. 383 с.
5. Китов Ю. В. Культурные интересы: Сущность и структура: дис. на соиск. учён. степ. доктора философских наук : 24.00.01 / Китов Юрий Валентинович. Москва, 2001. 323 с.
6. Китов Ю. В. Человек интересующийся : монография. Москва : МГУКИ, 2001. 255 с.
7. Культурная политика и культурный менеджмент : коллективная монография / Санкт-Петербургская государственная академия театрального искусства ; [науч. ред. Н. К. Ваганова]. Санкт-Петербург : СПбГАТИ, 2003. 181 с.
8. Лавров О. А. Дистанционное обучение: устойчивые структуры учебного материала // Вопросы Интернет Образования : электронный научно-практический журнал. 2004. № 19. С. 59–64. URL: http://vio.uchim.info/Vio_19/cd_site/articles/art_1_11.htm
9. Родионова Л. Д. Блоги в Интернете. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 240 с.
10. Романов А. А., Панько А. В. Маркетинговые коммуникации : [современные подходы и методы, живые примеры из практики российских компаний]. Москва : Эксмо : Eksmo education, 2006. 426 с. : ил., табл.
11. Театр и массовая культура [Электронный ресурс] // РАМТограф. Газета о Российском академическом Молодёжном театре : [веб-сайт]. Электрон. дан. 2010. Вып. № 5, февраль. URL: <http://ramtograf.ru/february2010/tema.html>
12. Хабермас Ю. Первым почуть важное. Что отличает интеллектуала [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас : [веб-сайт]. Электрон. дан. 2006. 3 (47). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html>

References

1. Alekseeva I. Yu. Vozniknovenie ideologii informatsionnogo obshchestva [The emergence of the ideology of the information society]. *Information Society*. 1999, vol. 1. Available at: <http://www.iis.ru/events/19981130/alexeeva.ru.html>
2. Bogdanova Dina Bлоги v sisteme setevykh kommunikatsiy [Blogs in the network communications system]. *Scientific and cultural journal "Relga"*. 2006, no. 13 (135). Available at: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main%3Ftextid%3D1093%26level1%3Dmain%26level2%3Darticles>
3. Gadzhiev K. S. The New 'Great Transformation'? *Voprosy filosofii [Problems of Philosophy]*. 2017, no. 7, pp. 75–86. (In Russian)
4. Kalmykov A. A., Kokhanova L. A. *Internet-zhurnalistika [Internet journalism]*. Moscow, Unity-Dana Publishing House 2005 383 p.
5. Kitov Yu. V. *Kul'turnyye interesy: Sushchnost' i struktura. Diss. dok. filos. nauk [Cultural interests: Essence and structure. Dr. philos. sci. diss.]*. Moscow, 2001. 323 p.
6. Kitov Yu. V. *Chelovek interesuyushchisya [A human interested in]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2001. 255 p.
7. Vaganova N. K., ed. *Kul'turnaya politika i kul'turnyy menedzhment: kollektivnaya monografiya [Cultural policy and cultural management: A collective monograph]*. St. Petersburg, Publishing house of the St. Petersburg State Academy of Theatrical Arts, 2003. 181 p.
8. Lavrov O. A. Distantionnoe obuchenie: ustoychivye struktury uchebnogo materiala [Distance learning: sustainable structures of educational material]. *Voprosy Internet Obrazovaniya: elektronnyy nauchno-prakticheskiy zhurnal [Internet Education Questions]*. 2004, no. 19, pp. 59–64. Available at: http://vio.uchim.info/Vio_19/cd_site/articles/art_1_11.htm
9. Rodionova L. D. *Blogi v Internete [Blogs on the Internet]*. St. Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg State University, 2005. 240 p.

10. Romanov A. A., Panko A. V. *Marketingovye kommunikatsii: sovremennye podkhody i metody, zhivye primery iz praktiki rossiyskikh kompaniy* [Marketing communications: modern approaches and methods, living examples from the practice of Russian companies]. Moscow, Publishing House "Eksmo", 2006. 426 p.
11. Teatr i massovaya kul'tura [Theater and mass culture]. *Ramtograph. Newspaper about the Russian Academic Youth Theater*. 2010, issue 5, February.
12. Khabermas Yu. [Habermas Jürgen] Pervym pochuyat' vazhnoe. Chto otlichaet intellektuala [First to feel important. What distinguishes an intellectual]. *NZ*. 2006, no. 3 (47). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/47/ha2.html>

*

СОВРЕМЕННАЯ ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

УДК 130.2:304.4

Т. Н. Паренчук

Сибирский государственный университет физической культуры и спорта

В статье рассматривается значимость праздничной культуры как одного из специфических инструментов решения стратегических задач культурной политики России. Впервые сделана попытка осмысления феномена праздничной культуры как компонента «мягкой силы» в выстраивании диалога культур в современном информационном обществе. Обозначены основные проблемные аспекты системного кризиса духовно-нравственной составляющей современного общества с точки зрения возможного и более эффективного использования данного ресурса в их преодолении; выделены соответствующие факторы влияния России на международное социокультурное пространство. Сделан вывод о необходимости комплексного междисциплинарного исследования современной системы праздничной культуры как инструмента «мягкой силы», методов и форм её влияния в контексте задач культурной политики современной России.

Ключевые слова: праздничная культура, «мягкая сила», факторы культурного влияния, функциональная характеристика, культурная политика.

T. N. Parenchuk

Siberian State University of Physical Education and Sport, the Ministry of Sport of the Russian Federation, Maslennikova str., 144, 644009, Omsk, Omsk region, Russian Federation

MODERN FESTIVE CULTURE IN THE CONTEXT OF THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA

The article deals with the importance of festive culture as one of the specific tools in solving the strategic problems of cultural policy of Russia. For the first time, an attempt is made to understand the phenomenon of festive culture as a component of “soft power” in building a dialogue of cultures in the modern information society. The main problem aspects of the “systemic crisis of the spiritual – forming foundations of Russian civilization” are identified, from the point of view of the possible and more effective use of this resource in their overcoming; the corresponding factors of Russia’s influence on the international social and cultural space are highlighted. The conclusion is made about the need for an integrated interdisciplinary study of the modern system of festive culture as a tool of “soft power”, methods and forms of its influence in the context of the tasks of the cultural policy of modern Russia.

Keywords: festive culture, “soft power”, factors of cultural influence, functional characteristics, cultural policy.

ПАРЕНЧУК ТАМАРА НИКОЛАЕВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры теории и методики гимнастики и режиссуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, заслуженный работник культуры Российской Федерации

PARENCHUK TAMARA NIKOLAEVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Gymnastics and Directing, the Siberian State University of Physical Education and Sport, Honored worker of culture of the Russian Federation

e-mail: parenchuk_tn@mail.ru
© Паренчук Т. Н., 2018

Для цитирования: Паренчук Т. Н. Современная праздничная культура в контексте культурной политики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 44–52.

Современное глобальное социокультурное пространство заметно меняется, характерными чертами чего являются возможности новой информационной эры, активные интеграционные процессы в мире. Обострение международной геополитической обстановки, усиленная конкурентная борьба в сфере идеологического и культурного влияния, агрессивное «навязывание» чуждых для России идей и взглядов, направленных на разрушение её духовно-нравственных основ, диктуют необходимость усиления культурной политики внутри и вовне, в частности, с помощью особого инструмента, именуемого «мягкой силой».

Понятие «мягкая сила» как инструмент мировой политики уже достаточно широко используется в политическом, экономическом и культурологическом дискурсе (А. А. Казанцев [8], К. И. Косачев [10], Е. А. Пономарёва [15], Ф. В. Шелов-Коведяев [19], П. Паршин [14] и другие).

Однако политика «мягкой силы», по словам И. И. Горловой, «всё ещё используется Россией недостаточно эффективно. По “индексу мягкой силы”, по ряду показателей, определяющих международный рейтинг, Россия находится на 10-м месте, пропустив вперёд США, Францию, Германию, Великобританию, Канаду, Италию, Китай и Индию. Это сила не материальных факторов, а информации и образов. Использование “мягкой силы” – это использование силы ценностей [5]». Культура как компонент «мягкой силы» представлена рядом работ, освещающих некоторые стороны реализации данного ресурса в современном социокультурном пространстве (Д. Звягина [6], архиман-

дрит Симеон (Томачинский), В. И. Озюменко [см.: 20, с. 357] и другие).

По большому счёту роль культуры как «мягкой силы» в развитии современного «диалога цивилизаций» не требует доказательств. Тем не менее А. П. Марков в работе «Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования» отражает глубинные причины глобального кризиса современной цивилизации, подчёркивая тот факт, что «главным измерением и значимым результатом глобализации является мировая культура [12, с. 439]».

От силы влияния культуры России на мировые социокультурные процессы сегодня во многом зависит вектор её дальнейшего развития.

Всё вышесказанное касается и праздничной культуры, хотя, несмотря на активное внимание учёных разных отраслей науки к праздничной культуре, ресурс этого феномена как «мягкой силы» в решении задач культурной политики России, на взгляд автора, недостаточно изучен.

Отдельных научных исследований, посвящённых праздничной культуре как инструменту «мягкой силы», при исследовании данного вопроса не обнаружено.

Уникальность праздничной культуры заключается в том, что она вбирает в себя и способна отражать всё, что входит в понятие «культура» в принципе. Функциональная характеристика её широка. Она включает в себя все виды и жанры искусства, народного творчества, отражает ключевые моменты жизни и быта людей, жилище, одежду, культуру питания, поведения, труда и отдыха. Главное то, что она являет собой историко-

культурные скрепы развития общества. Ресурс праздничной культуры заключается в её полифункциональной сущности, безграничности сфер влияния, подвижности форм, многообразии выразительных средств и методов воздействия.

В последние годы именно демонстрация лучших произведений искусства и достижений спорта России на международной арене, проведение крупномасштабных праздничных акций, фестивалей, выставок, ярмарок, Дней российской культуры в разных странах мира стали проявлением той «мягкой силы», которая составляет предмет данной статьи. Всё это даёт возможность увидеть результативность влияния феномена праздничной культуры как инструмента «мягкой силы» в глобальном социокультурном пространстве.

Об изменении общественного мнения и отношения к нашей стране свидетельствуют и проводимые международные праздники и спортивно-художественные зрелища. Общеизвестна реакция иностранных гостей на культурно-массовые мероприятия Чемпионата мира по футболу – 2018. Очевиден эффект таких праздников, как XIX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов в Сочи, XXVII Всемирная летняя Универсиада – 2013 в Казани, Международный открытый конкурс-фестиваль многожанрового искусства «Большая сцена» в Санкт-Петербурге в 2018 году и многие другие.

В последнее время на международной арене активно заявляют о себе так называемые гастрономические фестивали. Они интересны тем, что не только популяризируют традиционную национальную кухню, но и сопровождаются, как правило, красочными художественными номерами, представляющими различные виды искусства. Эта тема находит своё отражение в научных работах авторов разных стран. Так, в 2016 году

в Гуанчжоу (Китай) был проведён Международный форум «Китай и русский мир: язык, культура и мягкая сила культуры» [см. 20]. Доклад А. В. Павловской «Национальная гастрономическая культура как фактор формирования позитивного образа страны» вызвал особый интерес. Общая оценка конференции была такова: «Данные мероприятия играют важную роль в создании позитивного имиджа как внутри страны, так и в мире. Не случайно правительства многих стран озаботились политикой создания положительного образа посредством их национальной кухни и весьма преуспели в этом вопросе. К тому же гастрономическая экспансия несёт с собой и культурное влияние, даёт первичное знакомство с чужой культурой, пробуждает интерес и к другим сторонам жизни [см.: 20]». Формат международных гастрономических фестивалей является важным ресурсом «мягкой силы» и должен более активно использоваться для трансляции отечественных традиций и искусства нашего народа.

То же самое касается и популярных в современной культуре театрализованных праздников. Примером использования театрализованных праздников как «мягкой силы» может служить грузинская культура гостеприимства, о чём говорит профессор И. И. Дзагани в сообщении на тему: «Грузинские застольные традиции в эпоху глобализации» [см.: 20].

Отдельным предметом для исследования этой темы служат Международные выставки ЭКСПО, на которых наша страна представляет свои достижения в различных областях. Автору посчастливилось осуществить непосредственный анализ культурных программ двух выставок ЭКСПО (Швейцария, Египет) в качестве главного режиссёра.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем достаточно фактов современной международной культуротворческой практики, доказывающих, что праздничная культура представляет собой сильную «мягкую силу» и должна подлежать глубокому изучению как самостоятельное явление.

Научно-исследовательская, практическая сценарно-режиссёрская работа автора в течение тридцати лет в России и за рубежом (Турция, Китай, Чехия, Франция), проведение работ в рамках выполнения грантов по линии РФФИ на темы «Эволюция механизмов зрелищной культуры в современной социальной среде региона» и «Системные изменения праздничной культуры и её воздействие на формирование толерантности в полиэтнической молодёжной среде» позволяют говорить о большом влиянии театрализованных представлений и праздников на формирование общественного мнения массовой зрительской аудитории, повышение имиджа России в мире, укрепление чувств патриотизма и межнациональных отношений. Но недостаточное количество работ по изучению феномена праздничной культуры как ресурса «мягкой силы» лишает нас возможности решить целый ряд современных социокультурных проблем, стоящих в ряду основополагающих в культурной политике России, при том что праздничная культура, способная принимать формы, востребованные различными возрастными, социальными и профессиональными группами населения, отражать традиционную, элитарную и массовую культуру, имеет необходимые механизмы и технологии для их решения.

В свете изучения современными исследователями проблем глобализации (Ф. А. Касумзаде [11], Р. Г. Яновский [21], О. Н. Астафьева [2], С. И. Байрамова [3], В. М. Капицина [9] и другие) возникает острая необходи-

мость найти ответ на следующие вопросы: как сохранить свою идентичность, обеспечить духовную безопасность, консолидировать российское общество. Всё это связано с формированием национальной идеи и поиском форм овладения ею «массами», формированием позитивного образа России и усилением её позиций на международной арене, объединением и укреплением духовной целостности Русского мира. Ресурс индустрии праздничной культуры становится в данном случае не только важным, но и уникальным средством решения этих проблем. При том что, как подчёркивает А. П. Марков, кризис духовно образующих основ российской цивилизации требует активизации и поиска новых ресурсов, которые могут быть направлены на все проблемы комплексно и системно.

Факторы культурного влияния отражены во многих работах из области гуманитарного знания и не требуют подробного анализа. В данном случае важен аспект функциональной характеристики праздника, как в теоретическом, так и в практическом его применении. Поэтому мы, сославшись на перечень факторов, предложенный Д. А. Звягиной [6], выделим те, в свете которых видна значимость праздничной культуры в решении задач современной культурной политики России. Определив в качестве основного фактора язык, можно констатировать, что праздничная культура выступает универсальным, многоформатным средством передачи культурной традиции.

Фактор влияния ассоциативно-художественного образа, лежащего в основе праздника, играет ключевую роль. Живая, эмоциональная, визуальная и вербальная передача информации одновременно способна не только вызывать определённое настроение, но и формировать отношение, мысли

и общественное мнение, побуждать массы людей к активному действию. Современный период глобального информационного пространства, часто называемый «эпохой информационной войны», диктует необходимость изучения формата праздничной культуры как активного средства распространения информации, которое если и не станет альтернативой важнейшему фактору СМИ, но и не останется за рамками активного информационного влияния. (Возможно, есть смысл вернуться к переосмыслению опыта театрализованных форм советского периода – «утром в газете, вечером в куплете».) Очевидно, что праздничная культура – это система, представляющая собой средство манипуляции общественным сознанием и может более активно использоваться в политическом и культурном дискурсе, соответствуя основным факторам влияния [12].

Малые формы праздничной культуры являются мобильными, легко трансформирующимися, быстро тиражируемыми средствами «внедрения» в любой формат культурно-досуговой деятельности. Это обеспечивает такой фактор культурного влияния, как эффект присутствия. Однако данный вопрос требует тщательного глубокого рассмотрения потенциальных культуротворческих инициатив, изучения деятельности социальных институтов русского зарубежья, разработки новых международных проектов, направленных на решение этой задачи.

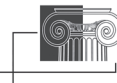
Отметим, что наиболее уязвимым сегодня является фактор сохранения и популяризации отечественного историко-культурного наследия. Широкий формат праздничной культуры имеет в данном случае высокую степень влияния, но может таить в себе регрессивные моменты, исходя из идеологических установок и целеполагания авторов проекта.

Практически не изучен потенциал феномена праздничной культуры в интеграции её с образованием. Например, вопрос подготовки кадров по творческим направлениям может быть рассмотрен, как указывает В. А. Тришин, в контексте авторских новаций, сравнительного анализа отечественного и зарубежного образования. Главное, что это даёт возможность сотрудничества «в условиях открытого взаимодействия культур разных стран [17]». Обозначенный ресурс интересен относительно высшего образования за рубежом, дополнительного образования, совместных образовательных и культуротворческих проектов, а также – организации специальных праздников, конкурсов, фестивалей, реализующих просветительскую, образовательную и воспитательную функции.

Большую роль в данном случае может сыграть культурно-образовательный туризм, организованный в праздничных, зрелищно-досуговых формах. Очевидно одно, различное проявление праздничной культуры в международном социокультурном пространстве – это возможность активной работы агентов культурной политики современной России.

Изучение современной праздничной культуры как инструмента «мягкой силы», с учётом всех факторов культурного влияния, не только поможет укрепить нашу внешнюю культурную политику, но и даст импульс к развитию собственной культуры, что тоже сопряжено с улучшением имиджа современной России на международной арене [18].

Объём данной статьи не позволяет дать полную характеристику полифункциональной сущности феномена праздничной культуры с точки зрения рассмотрения её как «мягкой силы», однако, исходя из анализа основных факторов культурного влияния,

мы видим, что именно эта система способна полномасштабно интегрироваться во все сферы жизнедеятельности человека и общества. В контексте развития глобальных интеграционных процессов и связанных с ними проблем русской цивилизации необходимо осмыслить этот феномен в качестве мощного современного ресурса культурного влияния. Такое комплексное междисциплинарное исследование должно руководствоваться задачами современной культурной политики России с включением в эту деятельность соответствующих социальных институтов и организаций.

В связи с этим необходимо выделить те характеристики, которые являются ответом на стратегические задачи внешней культурной политики России и имеют потенциал современных эффективных форм, методов и средств воздействия.

Праздничная культура – это гарант сохранения этноса, форма передачи опыта, образа жизни и культурного наследия народа; канал взаимного обмена между культурами, зримая, доступная форма изучения «другой» культуры, фактор формирования чувств толерантности и уважения к культуре «другого» народа; инструмент формирования общественного мнения, фактор укрепления национальной идеи; способ создания особого арт-пространства. Это «живое» передвижное культурное пространство и крепкая платформа для международного социокультурного дискурса; мощное, зрелищное, информационно насыщенное, эмоционально сильное средство влияния, стратегически важное в условиях современной информационной и психологической войны. Праздничная культура была, есть и будет у любого народа мира, следовательно, целенаправленная, комплексная работа в рамках культурного сотрудничества посредством этой

системы может иметь глобальный международный формат.

Праздничная культура России в условиях современных интеграционных процессов может сыграть особую роль также в силу уникальности «евразийского сплетения культур», большого количества народов, особой ментальности и соборности. Праздничная культура в данном случае отражает те функциональные характеристики, которые направлены на решение задач укрепления мира на Земле, развитие творческих и деловых контактов между молодёжью разных стран, поиск новых форм сотрудничества в противостоянии массовой культуре.

В этом случае общим делом для всех стран, стремящихся к мирному сосуществованию, может стать развитие и усовершенствование глобальной, общемировой системы современной праздничной культуры как единого международного проекта, цель, основные формы которого выступают в качестве востребованного инструмента «мягкой силы» и особенно – дополнительного уникального вектора влияния России на международное культурное пространство.

В заключение можно сделать выводы:

- политика «мягкой силы», с точки зрения использования инструментария праздничной культуры, разработана недостаточно, при том что это эффективный путь гармоничного решения вопросов, связанных с национальными интересами страны;
- очевидной становится необходимость глубокого научного осмысления поставленной проблемы и разработки стратегии по реализации проектов, направленных на расширение каналов влияния культурной политики России на внешний мир посредством системы праздничной культуры;
- необходимо системное, целенаправленное и в то же время масштабное «про-

тивостояние» массовой культуре в части её агрессивного и разрушительного влияния на молодёжь России. Уже нельзя остановить многие молодёжные процессы, принявшие глобальный характер, но их можно контролировать. Праздничная культура в этом плане – ресурс укрепления духовной безопасности России;

- требованием времени становится разработка и внедрение дополнительных механизмов объединения всех агентов «мягкой силы» современной России в международном социокультурном пространстве, включая ресурс Русского мира.

Таким образом, заявленная тема имеет выход на мировое политическое пространство, и, как подчёркивает А. Н. Мясников, праздник способен выполнить важную для нашей эпохи функцию социальной интеграции и создания базиса групповой консолидируемости [13].

Перед нашей страной стоят важные политические задачи, у которых есть культурная составляющая. Чётко определяет это направление работы Президент Российской Федерации В. В. Путин: «Наша задача – сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире [16]».

Этой теме посвящены многие документы Россотрудничества – основного института по реализации внешней культурной политики на международной арене. Развитие международного сотрудничества, укрепление отношений взаимопонимания и доверия неотделимы от формирования положительного имиджа нашей страны в мире. Это отражается в официальных документах государства, где для решения внешнеполитических задач в дополнение к традиционным дипломатическим методам рекомендуется использовать инструменты «мягкой силы».

Примечания

1. *Архимандрит Симеон (Томачинский)* Мягкая сила культуры. Москва : Даниловский благовестник, 2015.
2. *Астафьева О. Н.* Диалог как инструмент преодоления «рисков культуры»: моделирование практик межкультурного взаимодействия // Мир культуры и культурология. Альманах Научно-образовательного культурологического общества России. 2016. Выпуск V. С. 20–31.
3. *Байрамов С. И.* Становление международного порядка на основе формирования мирового общественного мнения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15).
4. *Гавров С. Н., Востряков Л. Е.* Культурная дипломатия как инструмент конструирования и трансляции притягательного бренда российского государства // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 2 (82). С. 26–33.
5. *Горлова И. И., Бычкова О. И.* Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272.
6. *Звягина Д. А.* Культурное влияние как компонент «мягкой силы» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25) : в 2 частях. Часть II. С. 94–98.
7. *Иконникова С. Н.* Культурология в новой парадигме XXI века // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2004. № 1 (2). С. 30–36.
8. *Казанцев А. А., Меркушев В. Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования «мягкой силы» // Полис. 2008. № 2. С. 122–135.
9. *Капицын В. М.* Космополитизм – компонент «мягкой силы» и глобального управления // Обозреватель. 2009. № 10. С. 70–79.

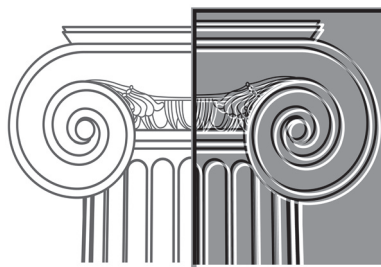
10. Косачев К. И. «Мягкая сила»: актуальные задачи и возможности российской внешней политики // *Международная экономика*. 2012. № 6. С. 4–9.
11. Касумзаде Ф. А. Культура и политика в системе международных отношений // *Вектор науки Тольяттинского государственного университета*. Серия: Юридические науки. 2013. № 4 (15). С. 23–60.
12. Марков А. П. Русская цивилизация в глобальном мире: вызовы, угрозы, ресурсы преобразования. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2017. 453 с.
13. Мясников А. Н. Типология праздников Бельгии: философско-культурологический анализ // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2018. № 2 (82). С. 136–141.
14. Паршин П. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=265418>
15. Пономарева Е. А. Железная хватка «мягкой силы» // *Однако*. 2013. № 6. С. 18–26 ; № 7. С. 18–21.
16. Путин В. В. «Наша задача – сделать русскую литературу, русский язык мощным фактором идейного влияния России в мире» [Электронный ресурс]. URL: <http://file-rf.ru/context/3036>
17. Тришин В. А. Подготовка режиссёров в контексте взаимодействия культур России и Америки // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2018. № 2 (82). С. 116–124.
18. Хренов Н. А. Культура в эпоху социального хаоса / Российская академия наук ; Государственный институт искусствознания ; Министерство культуры Российской Федерации. Москва : УРСС, 2012. 446 с.
19. Шелов-Коведяев Ф. В. Мировой кризис и инструментарий «мягкой силы» для России // *Безопасность Евразии*. 2009. № 3. С. 218–232.
20. Ян Кэ Международный форум: «Китай и Русский мир: язык, культура и ‘мягкая сила’ культуры», Гуанчжоу, 13–14 ноября 2016 года // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика. 2016. Том 20. № 4. С. 205–208.
21. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. Москва : Академия, 1999. 357 с.

References

1. Archimandrite Simeon (Tomachinsky) *Myagkaya sila kul'tury [Soft power of culture]*. Moscow, Publishing house “Danilovsky blagovestnik”, 2015.
2. Astsfyeva O. N. Dialog kak instrument preodoleniya “riskov kul'tury”: modelirovanie praktik mezhkul'turnogo vzaimodeystviya [Dialogue as a tool to overcome the “risks of culture”: modeling intercultural practices]. *Mir kul'tury i kul'turologiya. Al'manakh Nauchno-obrazovatel'nogo kul'turologicheskogo obshchestva Rossii [World culture and cultural studies. Almanac of the Scientific and Educational Cultural Society of Russia]*. 2016, issue 5, pp. 20–31.
3. Bayramov S. I. Stanovlenie mezhdunarodnogo poryadka na osnove formirovaniya mirovogo obshchestvennogo mneniya [The formation of an international order based on the formation of world public opinion]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki [Science vector of Togliatti State University. Series: Jurisprudence]*. 2013, no. 4 (15).
4. Gavrov S. N., Vostryakov L. Y. State cultural policy: cultural diplomacy as a tool for designing and broadcasting the attractive brand of the Russian State. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2018, no. 2 (82), pp. 26–33. (In Russian)
5. Gorlova I. I., Bychkova O. I. Culture as a soft power: tools and points of application. *Theory and Practice of Social Development*. 2015, no. 18, pp. 268–272. (In Russian)

6. Zvyagina D. A. Kul'turnoe vliyanie kak komponent "myagkoy sily" [Cultural influence as a component of "soft power"]. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2012, no 11 (25), in 2 parts, part 2, pp. 94–98.
7. Ikonnikova S. N. Kul'turologiya v novoy paradigme XXI veka [Culturology in the new paradigm of the 21 century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture]*. 2004, no. 1 (2), pp. 30–36.
8. Kazantsev A. A., Merkushev V. N. Rossiya i postsovetское prostranstvo: perspektivy ispol'zovaniya "myagkoy sily" [Russia and the post-Soviet space: prospects for the use of "soft power"]. *Polis*. 2008, no. 2, pp. 122–135.
9. Kapitsyn V. M. Kosmopolitizm – komponent "myagkoy sily" i global'nogo upravleniya [Cosmopolitanism is a component of "soft power" and global governance]. *Observer*. 2009, no. 10, pp. 70–79.
10. Kosachev K. I. "Myagkaya sila": aktual'nye zadachi i vozmozhnosti rossiyskoy vneshney politiki ["Soft power": actual tasks and opportunities of Russian foreign policy]. *International Economy*. 2012, no. 6, pp. 4–9.
11. Kasumzadeh F.A. Culture and politics in the system of international relations. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskiye nauki [Science vector of Togliatti State University. Series: Jurisprudence]*. 2013, no. 4 (15), pp. 23–60.
12. Markov A. P. *Russkaya tsivilizatsiya v global'nom mire: vyzovy, ugrozy, resursy preobrazheniya [Russian civilization in the global world: challenges, threats, resources of transformation]*. St. Petersburg, Publishing house of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2017. 453 p.
13. Myasnikov A. N. Typology of Belgium holidays: philosophical cultural analysis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2018, no. 2 (82), pp. 136–141. (In Russian)
14. Parshin P. *Problematika "myagkoy sily" vo vneshney politike Rossii [The problem of "soft power" in Russian foreign policy]*. Available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=265418>
15. Ponomareva E. A. Zheleznaya khvatka "myagkoy sily" [Iron grip of "soft power"]. *Odnako*. 2013, no. 6, pp. 18–26 ; no. 7, pp. 18–21.
16. Putin V. V. "Nasha zadacha – sdelat' russkuyu literaturu, russkiy yazyk moshchnym faktorom ideynogo vliyaniya Rossii v mire" ["Our task is to make Russian literature, Russian a powerful factor in the ideological influence of Russia in the world"]. Available at: <http://file-rf.ru/context/3036>
17. Trishin V. A. Training of Directors in the context of interaction between cultures of Russia and America. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2018, no. 2 (82), pp. 116–124. (In Russian)
18. Khrenov N. A. *Kul'tura v epokhu sotsial'nogo khaosa [Culture in an era of social chaos]*. Moscow, Editorial URSS, 2012. 446 p.
19. Shelov-Kovedyaev F. V. Mirovoy krizis i instrumentariy "myagkoy sily" dlya Rossii [The global crisis and the tools of "soft power" for Russia]. *Bezopasnost' Evrazii [Eurasia security]*. 2009, no. 3, pp. 218–232.
20. Yang Ke. International Forum: "China and Russian World: Language, Culture and 'Soft Power' of Culture". Guangzhou, 13–14 November 2016. *Russian Journal of Linguistics*. 2016, 20 (4), pp. 205–208.
21. Yanovsky R. G. *Global'nye izmeneniya i sotsial'naya bezopasnost' [Global change and social security]*. Moscow, Publishing house "Academia", 1999. 357 p.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

БЕРЛИНСКАЯ ДВОРЦОВАЯ ПЛОЩАДЬ КАК ОСОБОЕ «МЕСТО ПАМЯТИ» В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ¹

УДК 930.85(430)

А. Жубара

Майнцкий университет имени Иоганна Гутенберга

В статье рассматривается Дворцовая площадь Берлина как «место памяти», где демонтированный Дворец Республики периода ГДР и реконструируемый в наши дни имперский дворец династии Гогенцоллернов манифестируют разное отношение к немецкой истории. Разрушение одного архитектурного комплекса и возведение другого, как показывает автор, связано с «переписыванием» коллективных воспоминаний по механизму палимпсеста, когда старые воспоминания заменяются новыми, но при этом не исчезают бесследно. Автор показывает, что официальные формулы «примирения с самим собой» и «возвращения в лоно немецкой истории», символом чего должен стать воссоздаваемый Дворец Гогенцоллернов, – это эвфемизмы, скрывающие культурное самоотчуждение бывших граждан ГДР. Таким образом, в официальном дискурсе культурной памяти немцев утверждается отношение к ГДР как аномалии и дефекту в немецкой истории.

Ключевые слова: Берлинская Дворцовая площадь, Дворец Республики, Дворец Гогенцоллернов, граждане бывшего ГДР, официальный дискурс памяти, место конструирования памяти, палимпсест, культурное самоотчуждение.

A. Jubara

Johannes Gutenberg University Mainz (JGU), 55099, Mainz, Germany

BERLIN PALACE SQUARE AS A SPECIAL “PLACE OF MEMORY” IN GERMAN HISTORY

The article considers the Palace Square of Berlin as a “place of memory”, where the dismantled Palace of the Republic of the GDR period and the imperial palace of the Hohenzollern dynasty, reconstructed in our day, manifest a change in attitude to German history. The destruction of one architectural complex and the erection of another, as the author shows, is connected with the “rewriting” of collective memories, using the palimpsest mechanism, when old memories are replaced by new ones. However, they do not disappear without a trace. The author shows that the official formulas of “reconciliation with oneself” and “returning to the bosom of German history”, symbolized by the re-created Hohenzollern Palace, are euphemisms concealing the cultural self-alienation of former GDR citizens. Thus, in the official discourse of the cultural memory of the Germans, the attitude towards the GDR, as an anomaly and defect in German history, is asserted.

ЖУБАРА АННЕТТ – доктор философии, научный сотрудник Майнцкого университета имени Иоганна Гутенберга, факультет в Гермерсгейме, отделение межкультурной германистики

JUBARA ANNETT – Full Doctor of Philosophy, Researcher of the Johannes Gutenberg University Mainz (JGU)
e-mail: jubara@uni-mainz.de

© Жубара А., 2018

¹ Перевод с немецкого Алексея Ташинского.

Keywords: Berlin Palace Square, Palace of the Republic, Hohenzollern Palace, citizens of the former GDR, official memory discourse, memory construction site, palimpsest, cultural self-alienation.

Для цитирования: Жубара А. Берлинская Дворцовая площадь как особое «место памяти» в немецкой истории // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 54–61.

*На карте, между ФРГ и Польшей,
украли некую страну ... [2]¹
Из текста песни Feeling B,
панк-группы из ГДР*

Воссоединение Германии 1990 года было не только решением, но и порождением проблем, связанных в том числе с историческим и культурным самосознанием бывших граждан ГДР. Разрушение Дворца Республики является символическим «узлом» этих проблем, вписанным в облик Дворцовой площади как особого «места памяти» в Берлине.

Воссоединение Германии, которого не было

Как известно, в 1949 году на большей части территории бывшей Германской империи было создано два немецких государства – сначала Федеративная Республика Германия, основанная в мае 1949 года, затем, в октябре 1949 года, Германская Демократическая Республика. Территории обоих созданных государств соответствовали оккупационным зонам союзников антигитлеровской коалиции: западных союзников в случае ФРГ и СССР – в случае ГДР. ФРГ сформировалась из трёх оккупационных зон, а ГДР – только из одной, что послужило причиной несоответствия обоих государств по площади и численности населения. ФРГ почти в три раза превышала размер ГДР. Оккупационные администрации, взявшие на себя задачу денацификации и антифашистского перевоспитания немецкого народа, руководствовались при этом общественно-политическими идеями, преобладавшими в их родных

государствах. Более того, каждый из союзников поддерживал те политические силы, которые наиболее полно соответствовали этим идеям, и в их пользу влиял на политическую структуру формирующихся государств. Поэтому в ФРГ сформировалась представительная демократия, а уже существовавшие на её территории капиталистические отношения получили поддержку. В ГДР же, в соответствии с представлениями советского (и не только) марксизма, видевшего в капитализме глубинный корень фашизма, крупные предприятия были переданы в государственную и кооперативную собственность, а на политическом уровне сложилась так называемая народная демократия, то есть политическая власть находилась в руках заранее сформированного блока партий и организаций под названием «Национальный фронт» во главе с новой компартией СЕПГ, основанной в 1946 году. Выборы были несвободными и носили аккламационный характер, то есть служили лишь подтверждению руководящей роли этого блока. О том, какой социально-политический строй выбрали бы немцы без влияния союзников, можно только гадать.

Что касается бывшей столицы империи, то Берлин, расположенный на территории советской зоны оккупации, был тоже поде-

¹ Оригинальная немецкая цитата: "... zwischen BRD und Polen; da wurde ein Land gestohlen".

лён на четыре сектора и имел особый политический статус. По договорённости между союзниками Берлин не должен был входить ни в одно из двух немецких государств. Вопреки этому, руководство ГДР, с согласия СССР, объявило советский сектор Берлина («Восточный Берлин») столицей ГДР, а три сектора западных союзников («Западный Берлин» в политическом и географическом смысле) фактически рассматривались как экстерриториальная федеральная земля ФРГ.

В Восточном Берлине находится исторический – прусский – центр города с наиболее известным бульваром столицы Унтер-ден-Линден. В непосредственной близости от него расположена Дворцовая площадь, на которой до 1950 года находился Берлинский Дворец – резиденция прусских королей Гогенцоллернов. Во времена ГДР Дворцовая площадь стала частью площади Маркса и Энгельса, а на месте резиденции Гогенцоллернов был возведён Дворец Республики.

Когда в 1989 году (вскоре после празднования 40-летнего юбилея основания ГДР) пала Берлинская стена, ускорилась политическая трансформация ГДР под знаком демократизации.

События разворачивались быстрыми темпами, но представления политических активистов гражданского движения ГДР (движения за демократизацию ГДР в конце 1980-х годов) относительно демократии и демократизации были расплывчаты и противоречивы. С самого начала перемен политики из ФРГ вмешивались в этот трансформационный процесс и всячески поддерживали близкие им политические силы. Позже это сотрудничество привело к объединению обновлённых партий блока Национального фронта и возникших на волне трансформации новых партий с соответствующими

«братскими» партиями из ФРГ. При этом восточные «партнёры» политически полностью растворились в западных, то есть специфика их программ исчезла из политического дискурса. Восточногерманский Христианско-Демократический Союз (ХДС) слился с одной из групп гражданского движения ГДР и переориентировался на западный ХДС. Этот консервативный избирательный альянс в конечном счёте выиграл первые свободные парламентские выборы в ГДР с лозунгом о «воссоединении Германии». Гельмут Коль (ХДС), на тот момент Канцлер ФРГ, выполнил это обещание, однако процесс формирования единой Германии реально не был воссоединением.

Здесь мы подходим к важному пункту относительно характера этих процессов. Если реального воссоединения Германии не произошло, то в чём тут причина? Дело в том, что Конституция ФРГ – Grundgesetz («Основной закон») – предусматривала два основных способа формирования единой Германии: по статьям 146 и 23. По статье 146 возможно было проведение свободных выборов во всегерманский парламент и принятие новой конституции (Verfassung). «Основной закон» Западной Германии являлся, по сути, лишь временным правовым актом на период до принятия новой всегерманской конституции. Статья же 23 предусматривала вступление частей бывшего Германского рейха в сферу действия «Основного закона», то есть переход под юрисдикцию ФРГ [см. также: 4]. Процесс формирования единой Германии в 1990 году осуществлялся именно по этой статье. Таким образом, на деле произошло не объединение двух немецких государств, а вступление ГДР в состав ФРГ.

То, что звучит здесь как простая формальность, наложило существенный отпечаток на новую ФРГ. Принятие новой кон-

ституции дало бы гражданам Восточной Германии шанс на демократическое самоопределение в процессе разработки новой конституции и в работе нового всегерманского парламента. Граждане Восточной Германии могли бы сами, вместе с гражданами ФРГ, решить, в каком государстве они хотели бы жить в будущем. Однако форсированное вступление ГДР в состав ФРГ лишь в формальном плане можно назвать демократическим процессом. Оно состоялось даже не на основе референдума, а с помощью сугубо косвенного волеизъявления граждан ГДР, то есть путём победы на выборах «партии воссоединения». А населению ФРГ и вообще не предоставили возможность выразить свою волю.

Вступление ГДР в ФРГ означало, что граждане ГДР без каких-либо оговорок или нововведений принимали общественно-политический строй ФРГ. ГДР прекратила своё существование, ФРГ продолжила существовать и стала больше и, как оказалось, и экономически, и политически ещё более мощной, чем раньше. Без преувеличения можно сказать, что ФРГ поглотила ГДР. Ускоренные темпы присоединения оправдывались якобы узким «временным окном», существовавшим для «воссоединения». Но почему население ГДР согласилось на такую унижительную процедуру, связанную с лишением их фундаментальных демократических прав?

Современная Германия и социокультурное самоотчуждение бывших граждан ГДР

Указанное «воссоединение-присоединение» в основном было обусловлено экономическими интересами. Со стороны ФРГ важную роль играли стратегические интересы крупного бизнеса (расширение рынков в сторону Восточной Европы), а со стороны ГДР –

стремление электорального большинства к материальному благосостоянию, какое сулила ФРГ.

Описанный процесс и сложившийся как его результат формальный статус-кво немецкого государства существенно повлияли на официальное самовосприятие сегодняшней Германии, в том числе и на видение собственной истории. Так, сегодня в школах послевоенная история старой ФРГ преподносится как «собственно» история сегодняшней, новой ФРГ, в то время как послевоенная история ГДР рассматривается как история зарубежной, «чужой» страны. После присоединения ГДР бывшим её гражданам в самых обыденных ситуациях постоянно давали понять, что они как бы иностранцы, «пришлые» из другой страны.

Это касалось как выдачи новых официальных документов, таких как паспорта и т.д. (в то время как граждане ФРГ, естественно, документов не меняли), так и признания старых, как в случае с документами о высшем и профессиональном образовании. Некоторые из них признавались, другие отвергались. В самых разных ситуациях как бы проверяли, чем занимался данный человек в той, «чужой» стране, и совместима ли эта деятельность с нормами и ценностями его «новой родины». Необходимость адаптации к её условиям считалась и без того самоочевидной. Прошлое граждан ГДР подвергалось проверке государственными учреждениями ФРГ на предмет такой совместимости, в то время как об оценке прошлого граждан ФРГ, конечно же, не могло быть и речи. Таким образом, даже о присоединении ГДР к ФРГ, а тем более о «воссоединении» обоих немецких государств говорить не приходится. Скорее, отдельные части, элементы ГДР были интегрированы в ФРГ. Для граждан ФРГ ничего не изменилось, поскольку для

них ГДР была чужой страной ещё до присоединения. Для бывших же граждан ГДР начался странный, по своей форме беспрецедентный процесс социокультурного самоотчуждения. Страна под названием ГДР, в которой сформировалась их социокультурная среда и проходило их недавнее прошлое, в официальном дискурсе памяти новой родины ФРГ уже воспринималась и вспоминалась в качестве чужой.

После фактического переноса столицы ФРГ из Бонна в Берлин в 1999 году заседания Бундестага, парламента ФРГ, начали проходить в здании бывшего Рейхстага. Недалеко от него расположен уже упомянутый бульвар Унтер-ден-Линден с Дворцовой площадью – исторический центр прусского Берлина. На Дворцовой площади на момент падения стены находился Дворец Республики, в котором размещалась Народная палата, парламент ГДР, в связи с чем это здание можно рассматривать как самый важный политический символ ГДР. Его, естественно, не могли избрать местом размещения Бундестага, поскольку это символически означало бы, что новая ФРГ является государством-преемником ГДР. Но Дворец Республики не только не был избран в качестве места для Бундестага. Он был снесён. В чём заключается символическая суть этого действия?

Снесённый Дворец Республики

как несостоявшееся «место памяти»

Поскольку Дворец Республики и Берлинскую Дворцовую площадь мы рассматриваем как «места памяти», здесь нужно внести некоторые уточнения. Как известно, понятие *место памяти* (*lieu de mémoire*) основано на том, что «коллективная память» какой-либо общности, согласно концепции Мориса Хальбвакса, воплощается в определённых «местах», в исторических и социаль-

ных точках отсчёта соответствующей «культуры памяти» как механизма коммуникативного взаимодействия личности и общества со своей историей¹. Термин «место» при этом понимается метафорически, то есть не отсылает только к конкретным физическим местам.

Таким образом, культура памяти не результат научной историографии, которая стремится к объективности, а скорее выражение отношения отдельных лиц или общностей к собственной истории. В культуре памяти субъективность играет центральную роль. В рамках указанной концепции акцент делается на том, как субъекты «делают» свою историю, как они «читают» и «пишут» текст культуры. При этом не исключается возможность вступления этих субъектов в конфликт друг с другом. В этом смысле берлинскую Дворцовую площадь можно охарактеризовать как *палимпсест*, возникший в результате наслаения друг на друга различных конфликтующих между собой «прочтений» её смысла.

В трёхтомный научный сборник «Немецкие места памяти», ставший хрестоматийным, включена статья Штефани Фламм о Дворце Республики (ДР) [3]. Это здание было не только огромным «дворцом культуры» с театром, ресторанами, дискотеками и даже репрезентативной картинной галереей искусства ГДР, но прежде всего местом размещения Народной палаты. Кроме того, в ДР проходили заседания первого свободно избранного парламента ГДР. Именно здесь, на ночной сессии палаты с 22 на 23 августа 1990 года, было принято решение о вхождении ГДР в зону действия «Основного зако-

¹ Концепции культуры памяти и мест памяти восходят к французскому историку Пьеру Нора. В Германии теория культуры памяти получила дальнейшее развитие в работах Яна Ассмана.

на» ФРГ. «Но прежде чем он смог стать символом перемен (*Wende*¹) в памяти населения, – пишет Фламм, – президент Народной палаты Сабинэ Бергманн-Поль 19 сентября 1990 года дала распоряжение о его закрытии [3, s. 668]». Однако ДР мог стать не только и не столько символом «перемен», как утверждает Фламм. Символом перемен, скорее, явились «понедельничные» демонстрации 1989 года, проходившие до падения Берлинской стены. Принятое в ДР решение о присоединении ГДР к ФРГ обозначило уже завершение процесса демократизации: завершение и одновременно внутренний предел этого процесса. Фламм здесь уравнивает «перемены» и «присоединение», то есть исходит из того, что полученный результат был заранее предопределённой целью процесса. Такого рода финалистская редукция (утверждение, что нынешнее состояние объекта есть результат стремления именно к этому состоянию) в видении гражданского движения демократизации ГДР 1989–1990-х годов сегодня широко распространена.

Конкретной причиной решения о закрытии Дворца был использованный при его строительстве асбест. Однако многие жители восточной части города, мнения которых приводит Фламм, видели в этом лишь предлог, предполагая, что Дворец на самом деле был закрыт как символ ГДР. Фламм оспаривает такое предположение. По её мнению, это «скоропалительное бегство парламентариев [из Дворца. – А. Ж.] лишило это место, в котором впервые в истории Германии немецкий парламент добровольно принял либеральную конституцию, шанса на то, чтобы

стать достоянием культурной памяти всех немцев [3, s. 669]».

15 лет спустя вместо Дворца взглядам прохожих открылся «до основания измождённый труп здания [3, s. 669]». Подобная картина напоминает погребальные практики каменного века, когда тело умершего на открытом воздухе предают выветриванию и стервятникам, пока от него не останутся одни кости. Однако схожесть с мрачным архаическим ритуалом не была умышленной. Причиной длительного присутствия дворцового «кадavra» в облике города были разногласия по поводу дальнейшей судьбы ДР. Как показывает Фламм, восточные немцы (как население, так и политики разных партий) в своём подавляющем большинстве – по целому ряду причин – выступали за его сохранение. Среди западногерманских политиков были распространены разные взгляды, самым радикальным из которых было неприятие Дворца как помпезного символа режима бесправия СЕПГ. В конце 1990-х годов «многие берлинцы, особенно из восточной части города», всё ещё считали, что «аргумент с асбестом – лицемерный фарс новых элит [3, s. 669]». Именно тогда, в 1998 году, было принято решение об удалении асбеста в ходе капитального ремонта ДР.

В то же время в предыдущие восемь лет активно продвигался новый проект, проект воссоздания Берлинского дворца (БД), бывшей резиденции прусских королей Гогенцоллернов, на месте которой после войны и был возведен Дворец Республики. Сторонники проекта БД – в основном родом из старой ФРГ – наконец одержали триумф. В 2003 году Бундестаг, несмотря на то, что капремонт здания ДР уже начался, принял решение о его сносе, продлившемся до 2008 года. В марте 2013 года на месте ДР началась реконструкция БД, которую планируют завер-

¹ *Wende* (нем.) буквально означает «перемена» и используется как синоним состоявшейся в ГДР так называемой мирной революции 1989–1990 годов (прим. переводчика).

шить к 2019 году. Таким образом, в то время, как строительство ДР заняло всего три года (1973–1976), его снос в конечном счёте продлился 18 лет, а воссоздание здания, находившегося на его месте, продолжается по сей день.

Решение о сносе ДР, очевидно, связано с численным превосходством в Бундестаге западных немцев над восточными. Дворец Республики не стал ни *всегерманским* местом памяти, ни местом памяти ГДР по той простой причине, что восточных немцев в ФРГ меньше, чем западных.

Берлинский дворец занял место Дворца Республики и стал «сигналом всем тем, кто хочет вернуться в лоно немецкой истории», – цитирует Фламм журналиста «*Франкфуртер альгемайне цайтунг*» (FAZ) Конрада Шуллера, соглашаясь с ним. Но кто именно призван «вернуться в лоно немецкой истории»? Что это за история и кто эти «блудные дети», которые покинули немецкую историю и теперь возвращаются домой?

Дворцовая площадь в Берлине как место конструирования коллективной памяти

Место, где был расположен ДР, и после сноса последнего остаётся местом памяти, однако местом памяти особого рода: здесь априори не ясно, о чём оно должно напоминать. О чём бы нам напомнил Дворец Республики, если бы не был снесён – о ГДР ли вообще или же, более конкретно, о демократическом движении в ГДР в 1989–1990-х годах; о «народно-демократической» конституции ГДР или о «первой добровольно принятой немецкой либеральной конституции» – мы никогда не узнаем. Возможно даже, что он превратился бы в место, где все эти «прочтения» находились бы в постоянном конфликте друг с другом. Но Дворца больше нет. И в

его ликвидации, как мне кажется, и заключён содержательный момент этого особого места памяти: как места, которое не столько напоминает о чём-то конкретном, а где путём разрушения старого и последующего строительства нового воспоминания «переписываются», причём по механизму палимпсеста, то есть когда старые воспоминания заменяются новыми, но при этом не исчезают бесследно. Дворцовая площадь – палимпсест культуры памяти, а точнее *борьбы* за культуру памяти.

Эта «борьба за культуру» (Kulturkampf) началась ещё в 1950 году, со сноса Берлинского дворца Гогенцоллернов. Причиной сноса явилось, во-первых, серьёзное повреждение здания во время Второй мировой войны, а во-вторых, нежелание руководства ГДР культивировать память об «империализме-вильгельминизме» и о прусской династии Гогенцоллернов вообще. Ведь именно прусские монархи в революционном 1848 году воспрепятствовали созданию немецкого национального государства на республиканско-демократических началах, объединив вместо этого немцев «железом и кровью» в империю в 1871 году. Именно они заложили основы германского империализма и привели Германию к Первой мировой войне. Руководители ГДР, естественно, не желали становиться символическими приемниками этой традиции.

Два десятилетия спустя на этом месте был построен Дворец Республики как дом культуры и место размещения Народной палаты. Имея эту двойную функцию, он стал политическим и социально-культурным символом ГДР. Поэтому снос Дворца не только жест символического уничтожения ГДР, но и повторение предыдущего уничтожения: ГДР хотела стереть память о Пруссии, теперь стерли память о самой ГДР.

Реконструкция Берлинского дворца Гогенцоллернов на месте разрушенного ДР широкой общественности, конечно, не преподносилась как желание реактивировать память о Гогенцоллернах и Пруссии. Воссоздание дворца объясняется, во-первых, его исторической ценностью, однако безвозвратно потерянной и не подлежащей восстановлению путём реконструкции, и, во-вторых, функцией дворца в период Веймарской республики, когда «он больше не был резиденцией Гогенцоллернов, а просто – дворцом республики [5]». В то время во дворце размещались различные музеи, поэтому в новом Берлинском дворце в 2019 году планируется открыть культурно-выставочный центр под названием «Форум Гумбольдта». Основное внимание в нём будет уделено этнографической коллекции Фонда прусского культурного наследия. В этой связи недавно произошёл небольшой скандал [1]. Консультативную группу «Форума Гумбольдта» обвинили в неправильном подходе к «колониальному наследию» коллекций Фонда: экспонаты из бывших колоний были якобы представлены в качестве трофеев колониальных завоеваний. Учитывая тот факт, что «империализм-вильгельмизм» был единственным активным субъектом немецкой колониальной истории, можно утверждать, что новый-старый Берлинский дворец Гогенцоллернов действительно слишком тесно связан с определённой традицией немецкой истории – традицией накопления и расширения власти любой ценой, от которой ГДР как раз хотела уйти. Как ни старайся, БД не удаётся «отмыть» от этой традиции.

С точки зрения доминирующей в сегодняшней Германии культуры памяти новый БД, занявший место ДР, призван стать сигналом всем тем, кто хочет «вернуться в лоно немецкой истории». Соответственно, ДР символизирует всё то, что с этой точки зрения не является частью немецкой истории, а именно – ГДР. ГДР предстаёт как аномалия в истории Германии, как дефект, который был исправлен. Жившие в этой аномалии люди были изгнанниками немецкой истории и теперь, по словам Штефани Фламм, приглашены вернуться домой... Домой во дворец, который обещает им «примирение с самими собой» [Konrad Schuller, цит. по: 3, s. 682]. На самом деле новый дворец заключает в себе целый ряд других моментов, о которых шла речь выше. По словам Фламм, «возвращенцам» он якобы сулит «отдушину» [Herbert Nicolaus/Alexander Obeth, цит. по: 3, s. 682] и потому является достойным преемником ДР в его функции крупного культурного центра. Но цена «возвращения» в немецкую историю – согласие с исключением из неё ГДР, эвфемистически называемым «примирением с самим собой». Стать немцем может тот, кто забыл, что он когда-то был гражданином ГДР.

ноя традицией немецкой истории – традицией накопления и расширения власти любой ценой, от которой ГДР как раз хотела уйти. Как ни старайся, БД не удаётся «отмыть» от этой традиции.

References

1. *Das Humboldt-Forum und das koloniale Erbe. Berliner Anthropologin fordert mehr Aufklärung. Der Tagesspiegel*, 08.08.2017. Unter: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/das-humboldt-forum-und-das-koloniale-erbe-berliner-anthropologin-fordert-mehr-aufklaerung/20161556.html>.
2. Feeling B. *Ich such die DDR. Wir Kriegen Euch Alle* (CD/LP/MC). SPV, 1991.
3. Flamm S. *Der Palast der Republik. Deutsche Erinnerungsorte II. Herausgegeben von Étienne François und Hagen Schulze*. München, C. H. Beck, 2001. S. 667–682.
4. Münch U. (1990) *Grundgesetz oder neue Verfassung?* Unter: <http://www.bpb.de/geschichte/deutsche-geschichte/grundgesetz-und-parlamentarischer-rat/38984/deutsche-einheit> (abgerufen am: 20.11.1018).
5. Walther Ch. *Des Kaisers Nachmieter. Der Tagesspiegel*. 27.05.2016. Unter: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/das-berliner-stadtschloss-nach-1918-des-kaisers-nachmieter/13489916.html>

*

МОДИФИКАЦИЯ РЕАЛИСТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ РОССИИ 1860–1930-х ГОДОВ

УДК 930.85:7.036

Н. В. Синявина, Е. В. Махович

Московский государственный институт культуры

В статье анализируется видоизменение реалистического идеала в отечественной художественной культуре второй половины XIX – первой трети XX века. Авторы подчёркивают, что актуализация интереса к реализму обусловлена разными факторами, среди которых и модные тенденции, присущие современному рынку искусства, и возможность оценки некоторых выполненных в реалистической манере работ вне политического/идеологического дискурса, и эксплицитно проявляемая ностальгия по советскому прошлому. Начало статьи посвящено рассмотрению идеала, лежащего в основании реализма, ретроспективно показана его динамика от барочного реализма XVII века до ортодоксального реализма XIX века. Далее анализируются работы теоретиков искусства и публицистов второй половины XIX века (Ж. Шанфлёри, П.-Ж. Прудона, И. Тэна), в которых представлено теоретическое обоснование данного художественного направления. Авторы статьи отмечают, что в русской живописи реализм как метод отражения действительности сформировался во второй половине XIX века в творчестве художников-передвижников. Далее анализируется когерентность двух вариантов реализма – критического и социалистического, подчёркивается сходство их тематики, ориентация на массового зрителя, но идейно-смысловое расхождение, связанное с различием целей, которые стояли перед русским и советским искусством. В заключение авторы делают вывод о том, что различные модификации реалистического идеала имманентны конкретному художественному стилю и социокультурному контексту.

Ключевые слова: реализм, критический реализм, соцреализм, русская культура, советская культура, идеал.

---

¹СИНЯВИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SINYAVINA NATALYA VLADIMIROVNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

²МАХОВИЧ ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – аспирантка кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

MAKHOVICH ELENA VLADIMIROVNA – doctoral student of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: cleo2401@mail.ru¹, rus7507@mail.ru²

© Синявина Н. В., Махович Е. В., 2018

N. V. Sinyavina, E. V. Makhovich

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

MODIFICATION OF THE REALISTIC IDEAL IN THE ARTISTIC CULTURE OF RUSSIA FROM THE 1860s THROUGH THE 1930s

The article examines the modification of the realist ideal in the Russian artistic culture of the second half 19s – first third 20s centuries. The authors emphasize that the mainstreaming of the interest in realism caused by different factors, among which and tendencies inherent in the modern art market, and the possibility of some evaluation performed in a realistic manner works outside of the political/ideological discourse, and explicitly manifested a nostalgia for the Soviet past. The beginning of the article is devoted to consideration of the ideal, lying in the basis of realism, in retrospect its dynamics from the Baroque realism of the 17s century to the orthodox realism of the 19s century. Further analyses of the work of art theorists and publicists of the second half of the XIX century (J. Champfleury, P.-J. Proudhon, E. Ten), which present theoretical justification of art. The authors notes that in Russian painting realism as a method of reflection of reality emerged in the second half of the 19s century in the work of artists of the Wanderers. Further, the coherence of the two variants of realism – critical and socialist – is analyzed; the similarity of their themes, the orientation to the mass audience, but the ideological and semantic discrepancy associated with the difference of goals that faced Russian and Soviet art is emphasized. In conclusion the authors draw conclusions that various modifications of the realistic ideal are immanent to a particular artistic style.

Keywords: realism, critical realism, social realism, Russian culture, Soviet culture, ideal.

Для цитирования: Синявина Н. В., Махович Е. В. Модификация реалистического идеала в художественной культуре России 1860–1930-х годов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 62–72.

Актуальность выбранной тематики связана с постоянно растущим интересом к различным проявлениям реализма в истории отечественной художественной культуры. Выставки, где представлены работы мастеров соцреализма, проходят с неизменным успехом, что, с одной стороны, специалисты объясняют ностальгией по советскому прошлому, которая присуща современному российскому обществу, с другой – данью моде, как в России, так и за рубежом. Однако указание на интерес к соцреализму как объекту ностальгии относим лишь к отечественному зрителю, и в наличии данного чувства невозможно заподозрить зрителя западного, который охотно покупает эти работы. Кроме того, и мода возникает не просто так, а как ответ на определённый запрос общества,

хотя следует отметить, что рост цен на работы мастеров соцреализма связан, скорее, с восприятием данных произведений как особых эстетико-символических артефактов. В связи с этим есть основания более пристально приглядеться к реализму и его вариациям, бытовавшим в русской художественной культуре 1860–1930-х годов.

Проблема реалистического идеала в художественной культуре выглядит парадоксом, если под реализмом понимать лишь констатацию сущего без представления о должном. Но реалистическое искусство, как показывает его история, отражает действительность через призму идеала. И для понимания механизма трансформации реализма как творческого метода необходимо проследить динамику идеала, лежащего в его ос-

новании. С одной стороны, мысль об изменении идеала может показаться абсурдной, поскольку речь идёт об одном и том же художественном направлении. Однако, с другой стороны, реализм, проявившись в западноевропейской художественной культуре ещё в XVII веке, имеет достаточно длительную историю, что позволяет предположить хотя бы минимальные отличия, ибо любое произведение искусства следует рассматривать как синтез сущего и должного, и это единство имманентно картине мира конкретного историко-культурного периода.

Идеал фиксирует не знание, но желание, аккумулирующее представление о том, каким образом должен выглядеть мир. Другими словами, идеал выступает определённым ценностным ориентиром, стандартом, стремящимся, хотя отнюдь и не всегда, к реализации. В отличие от любого другого объекта/предмета идеал выступает как «предельное представление [1]», «содержанием которого оказывается явление, совпадающее с собственной сущностью [1, с. 248]», то есть указанное явление изоморфно его сущности. Во всех других случаях данная характеристика отсутствует, ибо только механизм идеализации предполагает, с одной стороны, абсолютизацию, стремление к предельности всех структурных элементов идеализируемого феномена, с другой – последовательное отсечение всего того, что мешает выявить сущность феномена.

Человек, берущийся за отсечение того, что не даёт возможности увидеть сущность явления, редуцирует те элементы, которые именно с его точки зрения мешают проявиться сущности. Таким образом, каждый процесс идеализации следует трактовать как «сущность в собственной интерпретации [1, с. 250]». В этом случае возникает вопрос: как сформировались художественные направ-

ления, каждому из которых присущ определённый набор характеристик, если идеализируемый предмет всегда предстаёт перед нами как продукт авторской интерпретации? Здесь важно помнить о корреляции способа мышления определённой историко-культурной эпохи и форм художественного отображения бытия.

Всё, что впоследствии реализовывает человек, сначала возникает в его воображении, а картина мира, как система координат, детерминируется его взглядами и принципами. Идеал, продуцированный конкретным человеком, выступает пока лишь в качестве индивидуального, а для обретения статуса общезначимого он должен выразить тенденции развития самого культурного бытия. Лишь в этом случае идеал приобретает систему общих правил и нормативов, отвечающую базовым принципам и характеристикам эпохи, превращаясь в канон. Но как исторически трансформировался тот идеальный принцип, который несёт в себе реалистическое искусство?

От барочного реализма XVII века

до ортодоксального реализма XIX века

Родиной реализма как художественного направления выступает Франция XIX века, однако ещё в искусстве XVII века сформировался так называемый барочный реализм (другой вариант названия – «внестилевое направление»). Личность уже в эпоху Возрождения начинает понимать собственную самоценность, субъект осознаёт свою самость, что приводит к росту индивидуализма. Данная тенденция находит идеологическую поддержку в протестантизме, в учении Ж. Кальвина с его идеей божественного предопределения. Человек, в соответствии с доктриной кальвинизма, должен обладать двумя характеристиками – просто-

той и практичностью. Если первая требует жизни скромной, без излишеств, то вторая – опоры на здравый смысл. В результате в Голландии в XVII веке сформировался реализм, идеалом которого становится практический человек, руководствующийся трезвыми рассуждениями. Именно этим объясняется столь пристальное внимание «малых голландцев» к повседневности, к бытовым деталям в убранстве интерьера, костюмах персонажей.

Однако теоретическое обоснование реализма как художественное направление получил лишь в XIX веке, когда появились сборник статей Ж. Шанфлэри «Реализм» (1857) и исследование П.-Ж. Прудона «Искусство, его основания и общественное значение» (1865) (хотя воздействие на его становление оказали французские материалисты XVIII века и позитивисты). Оба автора обращаются к анализу творчества основоположника реализма в живописи Г. Курбе, который к своей персональной экспозиции под названием «Павильон реализма» (1855) выпустил короткую декларацию, написанную в соавторстве с Ж. Шанфлэри и Э. Дюранти, в которой была дана характеристика нового направления.

Но именно в работах Ж. Шанфлэри содержится одна из первых попыток теоретического обоснования реализма. С его точки зрения специфическими чертами нового направления выступают объективность при отражении действительности и искренность в подаче материала, то есть отказ от разного рода стереотипов и образцов, сложившихся к этому моменту. Но означает ли это, что Шанфлэри и его единомышленники не имели общественных и художественных идеалов?

Обратим внимание на то, что в этих статьях Шанфлэри подчёркивает необходимость наделения произведения искусства

социальной значимостью, поскольку главная цель современного искусства состояла в демонстрации актуальных проблем общества [16].

В указанных исследованиях понятие «реалистический идеал» отсутствует, более того, Шанфлэри и Прудон предлагают вообще отказаться от идеала. Данное положение вытекало из специфичности реалистического идеала, поскольку все предыдущие эстетические идеалы конструировались как противоположности действительности. Реалистический идеал уходит от такого противопоставления. Идеал становится внутренним критерием в оценке и изображении самой действительности.

Однако выход из, казалось бы, тупиковой ситуации был предложен И. Тэнном, который в работе «Философия искусства» (1868) заменяет понятие «реалистический идеал» на словосочетание «основной характер», которому и отводилась концептуальная роль при создании реалистического художественного произведения. В частности, Тэн отмечает, что, «читая великие литературные творения, мы найдём, что все они проявляют какой-нибудь глубокий и вековечный характер, и место, ими занимаемое, тем выше, чем характер этот глубже и долговечнее. Это, можно сказать, перечни, представляющие уму в осязательной форме то главнейшие черты какого-нибудь периода истории, то основные инстинкты и способности какого-нибудь племени [13]».

Таким образом, именно «основной характер», предложенный Тэнном, впоследствии стал обозначаться понятием «тип», в котором аккумулирована сущность предмета/феномена. То есть в реалистическом идеале, как и в других идеалах, процесс идеализации строится на повышении уровней предельности всех структурных элементов и совпаде-

нии явления с сущностью, но в данном случае речь идёт о совпадении «индивидуально-го с максимально сходным [1, с. 362]».

В связи с этим любопытным выглядит процесс, происходящий параллельно становлению реализму, а именно – интерес к человеку. Начиная с древнейших времён человек изображался исключительно в соответствии со своим социальным положением. Лишь в барочном реализме можно увидеть портреты тружеников, их повседневную жизнь, однако и здесь указана их социальная функция. Все эти работы «вначале говорят только одно: это тоже человек [9, с. 142]». Искусство, двигаясь по пути «Бог → Кесарь → Герой», где каждый из указанных элементов был имманентен определённому историко-культурному периоду, к моменту наступления реализма оказалось вне этой трёхкомпонентной системы, оно ищет нового героя, которым становится «маленький/униженный человек».

И здесь намечена та тенденция, которая приведёт к так называемому критическому реализму.

Путь от критического реализма к соцреализму в отечественной живописи

В период формирования барочного реализма в искусстве Западной Европы в России происходил процесс обмирщения культуры, связанный с секуляризацией сознания. В художественной культуре это нашло отражение в появлении в живописи, в частности, парсуны. Таким образом, вплоть до 1700-х годов модальность русской художественной школы была детерминирована канонами, сформированным под влиянием византийской традиции и православного вероучения. Однако уже к середине XVIII века в России появляется ряд живописцев, в частности А. Матвеев и И. Никитин, уровень ма-

стерства которых не уступал европейским художникам.

В связи с указанными особенностями развития отечественной художественной школы реализм в России заявляет о себе лишь в 1860-е годы и связан с деятельностью передвижников. Так случилось, что реализм в рамках русской живописи «в чистом виде» не бытовал, поскольку в творчестве мастеров круга И. Крамского он трактовался как «критический», а после Октябрьской революции 1917 года к нему добавится другое прилагательное – «социалистический».

Кстати, определение «критический» появилось благодаря М. Горькому, который подчёркивал обличительный характер ряда произведений, созданных в рамках реализма XIX века. Представители соцреализма видели в передвижниках своих предшественников и открыто об этом говорили. Однако, в частности, тот же М. Горький во время выступления на Первом съезде советских писателей (1934), где и был официально обозначен метод соцреализма, отмечал, что критический «реализм необходим нам только для освещения пережитков прошлого, вытравливания их. Но эта форма реализма не послужила и не может служить воспитанию социалистической индивидуальности [10, с. 20]».

Два приведённых выше высказывания М. Горького интересны в контексте рассматриваемой проблематики, поскольку свидетельствуют, во-первых, о наделении произведения искусства в 1930-е годы социальной, о необходимости его оценки не столько с художественно-эстетических позиций, сколько с политической, во-вторых, о поиске новых художественных форм и способов отражения строящегося социализма. Кроме того, говоря о когерентности реализма XIX века и соцреализма в отечественной куль-

туре, необходимо различать художественный язык и идейную составляющую идеала, ибо трансформировалась только последняя.

Именно художественные методы передвижников, которые, несмотря на их декларации о разрыве с академической традицией, продолжали трактовать натуру в этом контексте, становятся основой для мастеров XX века. Живописцы, активно работавшие в 1900–1930-х годах и представлявшие разные направления (от авангардных до классических), являются учениками передвижников.

Самыми преданными их адептами становятся ахрровцы, поскольку, с одной стороны, ядро АХРР (Ассоциации художников революционной России) составили старые мастера Товарищества передвижных художественных выставок, чья последняя экспозиция прошла в 1923 году, с другой – обе группы совпадали во взглядах по многим аспектам искусства, что подталкивало их к схожести в выборе сюжетов и жанровых форм. Представителям АХРР реалистическая форма виделась наиболее доступной для понимания её массой, а актуальным жанром становится «тематическая картина». Хотя данное понятие получит широкое распространение в советской художественной критике лишь в 1930-е годы, эта форма начинает складываться уже в творчестве передвижников, поскольку имеется в виду станковая картина, показывающая зрителю социально значимое из жизни современного общества. Следовательно, в данном случае есть основания говорить о преемственности художественного языка и жанровых приоритетов между художниками-передвижниками и представителями АХРР.

Однако уже в 1924 году ахрровцы называют свой художественный метод героическим реализмом, что свидетельствует о существовании различий между учителя-

ми и учениками. В данном случае речь идёт «о различных аспектах преемственности со стороны формотворческой и идейно-содержательной [10, с. 20]». Другими словами, если передвижники стремились показать актуальные проблемы российского общества 1870–1920-х годов, то художники АХРР считали, что все эти проблемы разрешились в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и наступило время социальной справедливости. Результатом данного идейно-содержательного расхождения становится теоретическое обоснование метода социалистического реализма, «который сложился в борьбе с различными антиреалистическими, в том числе модернистскими, течениями, порождёнными кризисом буржуазной культуры [6, с. 13]».

Перед живописцами ставилась задача по созданию нового типа героя, способного к коммунистическому строительству. Ещё в статье «Разрушение личности» (1909) М. Горький подчёркивал, что первоочередная цель современного искусства состоит в необходимости выработки метода по созданию героя.

Поиск нового героя становится одним из главных положений формирующегося соцреализма, который со временем приобретает героический оттенок. Безгеройности и «маленькому человеку» буржуазного реализма противопоставляется герой соцреализма. Другими словами, происходит трансформация смысловой составляющей реализма, но художественное воплощение, художественный язык остаются прежними. Мастера соцреализма должны были выразить оптимизм и эйфорию, охватившую советское общество в 1920–1930-е годы, а создаваемые ими произведения искусства – не только отражать достижения советского общества, но и способствовать его мобилизации.

В связи с этим начинает меняться отношение к культурному наследию, отбираются те предметы и явления, на основе которых можно создавать «положительные образы». Большевики желали присвоить созданное до них классическое наследие, рассматривая его как народное достояние. Из прошлого большевики считали необходимым взять лишь тех авторов, в чьих произведениях отражалась борьба простого человека против угнетателей. Кроме того, весь массив художественной культуры предшествующих эпох представлял и материальную ценность, которой можно было распорядиться по собственному усмотрению.

Соцреализм или гиперидеализм?

Первым словосочетание «социалистический реализм» употребил главный редактор журнала «Красная новь» И. М. Гронский в 1932 году, чуть позже его повторил И. В. Сталин на встрече писателей в доме М. Горького, после чего оно окончательно закрепилось.

М. Горький подчёркивал, что «если к смыслу извлечений из реально данного добавить, – домыслить, по логике гипотезы, желаемое, возможное и этим ещё дополнить образ, – получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, отношения, практически изменяющего мир [2]». А. В. Луначарский писал, что «идеал вперёд есть могучий стимул к работе, идеал над нами лишает нас необходимости работы: он уже есть, он существует помимо нас и достигается не познанием, не борьбою, не реформами, а мистическим ясновидением [8]».

Первые попытки теоретического обоснования социалистического реализма приходятся на начало XX века, в частности, в «Основах позитивной эстетики» А. В. Лу-

начарский, говоря о цели искусства, указывал на его идеологическую составляющую. В данном случае он поддержал позицию Ленина, который ещё в дореволюционное время в статьях «Что делать?» (1902) и «Партийная организация и партийная литература» (1905) чётко определил своё отношение к культуре. Он заявлял о том, что культура должна стать «служанкой политики», воздействуя на умы народных масс. Среди всех видов художественной культуры Ленин выделял литературу как важнейший инструмент политики, поэтому первоочередную задачу он видел в установлении контроля именно над ней. «Литература должна стать партийной. Долой литераторов беспартийных! [7]». «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела, “колесиком и винтиком” одного-единого, великого социал-демократического механизма [7]». Другими словами, для Ленина существовали два вида культуры – «нужная» и «ненужная».

Однако если в 1920-е годы «под эгидой Наркомпроса процветали как бы две “диктатуры” в области проведения художественной политики – “диктатура” левых в изобразительном искусстве и “диктатура” правых в архитектуре [14, с. 80–81]», при этом каждая из партий предполагала воплощение собственных идей, а развитие новой культуры связывала с собственными проектами, то на начало 1930-х годов приходится процесс окончательной централизации управления сферой культуры. Уже в Декларации объединения «Октябрь» (Э. Лисицкий, братья Веснины, С. Эйзенштейн, А. Дейнека, М. Гинзбург и другие), сформировавшегося в 1928–1929-х годах, говорится: «Сознательно участвуя в идеологической классовый борьбе пролетариата против враждебных ему сил и за сближение крестьянства и национальностей с пролетариатом, пространственные ис-

куства должны обслуживать пролетариат и идущие за ним массы трудящихся в двух нераздельно связанных между собой областях:

а) в области идеологической пропаганды (через картины, фрески, полиграфию, скульптуру, фото, кино и т.д.);

б) и в области производства и непосредственной организации коллективно-быта (через архитектуру, индустриальные искусства, оформление массовых празднеств и т.д.).

Центральной задачей такого художественного обслуживания потребностей пролетарской революции является поднятие идеологического культурно-бытового уровня отсталых слоёв рабочего класса и находящихся под чуждым классовым влиянием трудящихся до уровня передового революционного индустриального пролетариата [4, с. 73–74]. Продолжением данной тенденции – огосударствления культуры – является и Постановление ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (1932), одна из главных идей которого состояла в том, что «творческая разобщённость и групповая борьба, бесспорно, сковывали здоровые силы советской литературы, искусства и архитектуры. Пришла пора объединить усилия всех специалистов, стремящихся участвовать в социалистическом строительстве [11, с. 42.]».

И тем не менее сложность анализа соцреализма заключается в отсутствии адекватной оценки самого термина. Сегодня его активно используют, но не следует думать, что он обозначает некую стилистическую общность, якобы присущую советскому искусству 1920–1950-х годов. Советское художественное пространство указанного периода было представлено различными вариантами этого направления, что привело к употреблению некоторыми современными исследова-

телями понятия «соцреализмы». В частности, Д. Хмельницкий отмечает, что «у ведущих представителей авангарда, таких как братья Веснины и Гинзбург: сначала было отрицание, потом внутренняя борьба пополам со смирением, потом согласие на определённых условиях, но без всякой радости, и, наконец, собственные интерпретации предписанной линии [15, с. 7]».

Бытование художественной жизни в СССР 1930-х годов следует рассматривать как продолжение трансформации стилей, начавшейся ещё в культуре рубежа XIX–XX веков. В частности, довольно актуальной в 1920–1930-е годы была проблема влияния на советское искусство западноевропейской традиции, например, импрессионизма. Именно этот путь давал возможность творческого развития тем мастерам (П. Вильямс, Ю. Пименов, А. Пластов и другие), которые стремились отойти от официоза соцреализма.

Ретроспективный анализ развития соцреализма в 1920–1930-е годы может лишь создать впечатление существования только одного проекта, который последовательно разворачивался и воплощался в советской художественной культуре.

При разработке крупномасштабных проектов (в частности, павильон СССР на международной выставке в Париже (1937), проект Дворца Советов (1931–1932), строительство московского метро (1935)) происходило осмысление жанровых форм и тематики, понимание их значимости, что впоследствии закреплялось в разного рода постановлениях, указах, обязательных для исполнения, или озвучивалось с трибуны. Если на Первом съезде писателей был провозглашён метод соцреализма, то на Первом съезде архитекторов в 1937 году обозначилась тенденция на создание «стиля эпохи»,

кульминацией в развитии которого следует считать возникновение «сталинского ампира», соединившего художественные принципы классицизма, арт-деко и барокко.

Художественный стиль всегда выступает как способ кодирования человеческих переживаний. Особенность соцреализма заключается в том, что лежащий в его основе тоталитарный идеал не призван выражать индивидуальные переживания художника, а имеет своей целью иллюстрацию политической идеи. Более того, «существует особая разновидность такого идеала, которую можно было бы назвать гиперидеалом [1, с. 624]». Одной из главных его характеристик выступает идея построения самого справедливого и лучшего из миров. Однако в определённый момент его воплощения в жертву приносится сама человеческая личность. В рамках тоталитаризма конфликт между общим и личным интересом разрешается не в пользу последнего. Другими словами, для достижения всеобщего счастья можно нарушить любые морально-нравственные законы.

Формирование такого гиперидеала возможно лишь в условиях серьёзного социокультурного кризиса, низкого уровня политической культуры и изоляции от остального цивилизованного мира. Формирование гиперидеализма в советском искусстве указанного периода привело к ассимиляции эстетического и политического идеалов. И таким образом поставленная перед этим искусством задача – демонстрация населению нового мира/мифа – была выполнена.

А это означает, что в соцреализме перед нами не трансформация, а деформация того единства идеального и реального, должного и сущего, которое составляет основание реалистического искусства. Она происходит в пользу того, что мы определили как «гипер-

идеализм». И это означало также новые отношения между властью и художником, поскольку именно государство с этого момента выступает его единственным заказчиком. Так соцреализм аккумулировал и выражал отличную от реализма XIX века идеологическую составляющую.

***

Итак, любой художественный стиль представляет собой единство эстетического идеала и определяемого им творческого метода.

Другими словами, смысловое ядро стиля сфокусировано в эстетическом идеале, а творческий метод детерминирует его форму, именно поэтому для соцреализма столь значимой выступает «правильная» передача формы.

Специфика и причины трансформации реализма когерентны картине мира конкретной эпохи, контекст которой и определяет модальность данного художественного направления. Шанфлёри, писавший, что «слово “реализм” – слово переходное, которое продержится не более тридцати лет [16, с. 79]», ошибся в своих прогнозах, поскольку и сегодня реализм не покидает пространство научного и художественного дискурса.

Современная культура, перешагнувшая через постмодернизм и находящаяся в поиске новых смыслов и ценностей, видит выход в создании строгой иерархии стилей, направлений, артефактов, где и реализму отводится определённое место. Отказ же от вульгарного социологизма позволяет при оценке реализма и соцреализма не сужать их до рамок лишь «официального/тенденциозного/статического» явления, поскольку даже соцреализм предлагал различные варианты «живого» взгляда на действительность (в частности, работы П. Лабаса, П. Вильямса, А. Самохвалова и других).

Примечания

1. Бранский В. П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художественного произведения на примере истории живописи. Калининград : Янтарный сказ, 2000. 704 с.
2. Горький М. Заключительная речь на Первом всесоюзном съезде советских писателей 1 сентября 1934 года [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_zakluchitelnaya_rech.shtml
3. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/boris_groys/gesamtkunstwerk_stalin/read
4. Декларация объединения «Октябрь» // Современная архитектура. 1928. № 3. С. 73–74.
5. Иезуитов А. Н. Социалистический реализм в теоретическом освещении / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Ленинград : Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. 172 с.
6. История советской архитектуры (1917–1954 гг.) : [учебник для архитектурных специальностей вузов] / Н. П. Былинкин, В. Н. Калмыкова, А. В. Рябушин, Г. В. Сергеева ; под ред. Н. П. Былинкина, А. В. Рябушина. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Стройиздат, 1985. 256 с. : ил.
7. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература [Электронный ресурс] // Библиотека газеты «Революция» : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: http://www.revolucia.ru/org_lit.htm
8. Луначарский А. В. Основы позитивной эстетики [Электронный ресурс] // Наследие А. В. Луначарского : [веб-сайт]. Электрон. дан. URL: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/osnovy-pozitivnoj-estetiki/>
9. Мириманов В. Б. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. Москва : Согласие, 1997. 328 с.
10. Морозов А. И. Соцреализм и реализм. Москва : Галарт, 2007. 271 с.
11. Симбирцев В. Единый творческий // Советская архитектура. 1969. № 18. С. 42–48.
12. Троцкий Л. Д. Литература и революция [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/trotsky_lev/literatura_i_revolyutsiya_pechataetsya_po_izd_1923_g.html
13. Тэн И. Философия искусства [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/book/ten_ippolit/filosofiya_iskusstva.html
14. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда : в 2 книгах. Москва : Стройиздат, 1996-. Книга 1 : Проблемы формообразования: мастера и течения. 1996. 709 с. : ил.
15. Хмельницкий Д. Архитектура Сталина. Психология и стиль. Москва : Прогресс-Традиция, 2006. 376 с.
16. Шанфлёр Ж. Реализм // Литературные манифесты французских реалистов / под ред. и со вступ. статьей М. К. Клемана. [Ленинград] : Изд-во писателей в Ленинграде, 1935. С. 67–85.

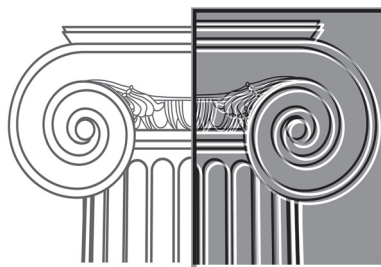
References

1. Bransky V. P. *Iskusstvo i filosofiya: Rol' filosofii v formirovanii i vospriyatii khudozhestvennogo proizvedeniya na primere istorii zhivopisi* [Art and Philosophy: The role of philosophy in the formation and perception of a work of art on the example of the history of painting]. Kaliningrad, 2000. 704 p.
2. Gorky M. *Zaklyuchitel'naya rech' na Pervom vsesoyuznom s'yezde sovetskikh pisateley 1 sentyabrya 1934 goda* [Final speech at the First All-Union Congress of Soviet Writers on September 1, 1934]. Available at: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_1934_zakluchitelnaya_rech.shtml
3. Groys B. *Gesamtkunstwerk Stalin*. Available at: http://modernlib.ru/books/boris_groys/gesamtkunstwerk_stalin/read
4. Deklaratsiya ob"edineniya "Oktyabr" [Declaration of the Association "October"]. *Sovremennaya arkhitektura* [Modern Architecture]. 1928, no. 3, pp. 73–74.

5. Iezuitov A. N. *Sotsialisticheskiy realizm v teoreticheskom osveshchenii* [Socialist realism in theoretical illumination]. Leningrad, Akademizdatcenter “Nauka” RAS, 1975. 172 p.
6. Bylinkina N. P., Raybushina A. V., eds. *Istoriya sovetskoy arkhitektury (1917–1954 gg.)* [History of soviet architecture (1917–1954)]. 2nd edition. Moscow, 1985. 256 p.
7. Lenin V. I. *Partiyunaya organizatsiya i partiynaya literatura* [Party organization and party literature]. Available at: http://www.revolucia.ru/org_lit.htm
8. Lunacharsky A. V. *Osnovy pozitivnoy estetiki* [The basics of positive aesthetics]. Available at: <http://lunacharsky.newgod.su/lib/ss-tom-7/osnovy-pozitivnoj-estetiki/>
9. Mirimanov V. B. *Iskusstvo i mif. Tsentral'nyy obraz kartiny mira* [Art and myth. The central image of the picture of the world]. Moscow, Publishing house “Soglasie”, 1997. 328 p.
10. Morozov A. I. *Sotsialisticheskiy realizm i realizm* [Socialist realism and realism]. Moscow, Publishing house “Galart”, 2007. 271 p.
11. Simbirtsev V. *Edinyy tvorcheskii* [United creative]. *Sovetskaya arkhitektura* [Soviet Architecture]. 1969, no. 18, pp. 42–48.
12. Trotsky L. D. *Literatura i revolyutsiya* [Literature and revolution]. Available at: https://royallib.com/book/trotsky_lev/literatura_i_revolutsiya_pechataetsya_po_izd_1923_g.html
13. Ten I. [Taine Hippolyte Adolphe] *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Available at: https://royallib.com/book/ten_ippolit/filosofiya_iskusstva.html
14. Khan-Magomedov S. O. *Arkhitektura sovetskogo avangarda. V 2 knigakh. Kniga 1: Problemy formoobrazovaniya: mastera i techeniya* [The architecture of the Soviet avant-garde. In 2 books. Book 1: Problems of formation: masters and currents]. Moscow, 1996. 709 p.
15. Khmel'nitskiy D. *Arkhitektura Stalina. Psikhologiya i stil'* [Stalin's architecture. Psychology and style]. Moscow, Publishing house “Progress-Tradition”, 2006. 376 p.
16. Shanfleri Zh. [Champfleury] *Realizm*. In: *Literaturnye manifesty frantsuzskikh realistov* [Literary manifestos of French realists]. Leningrad, 1935. Pp. 67–85.

*

БИБЛИОТЕЧНО-
ИНФОРМАЦИОННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

СОХРАНЕНИЕ ЦИФРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ЕДИНОМ ЭЛЕКТРОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЗНАНИЙ

УДК 008.2:026.06

Н. В. Лопатина¹, О. П. Неретин²

¹Московский государственный институт культуры

²Федеральный институт промышленной собственности

Авторы изучают модернизацию системы информационных ресурсов культуры и ставят проблему сохранения электронного культурного наследия. Особое внимание уделяется культурному кластеру, существующему только в виртуальной среде, который формируется и развивается различными стейкхолдерами и не имеет формальной институализации. В основе предлагаемого решения – новые форматы эффективной организации и хранения информационных массивов и информационных потоков. В статье рассмотрена история вопроса сохранения электронного культурного наследия. Демонстрируется значимость сохранения информации о современной культуре для будущего науки, аналитики, культурного просвещения. Определены проблемы сохранения цифрового культурного наследия и актуальность их решения в контексте формирования единого электронного пространства знаний. Намечены направления изучения и проектирования новых подходов и форматов сохранения цифрового культурного наследия. Ставится задача архивирования культурных процессов, сконцентрированных в Интернете. Вводится понятие ИТ-стратегии проекта и ИТ-стратегии частной культурной инициативы. Определяются перспективные вопросы формирования идеологии создаваемых институтов памяти нового формата.

Ключевые слова: культурное наследие, цифровое культурное наследие, цифровая экономика, информационное общество, единое электронное пространство знаний, сохранение культурного наследия, информатизация культуры, цифровизация культуры, цифровое развитие, культурные процессы, архивирование культурных процессов, интернет-ресурсы культуры, информационные ресурсы культуры, государственная культурная политика, стейкхолдер, актор культуры, ИТ-стратегия, ИТ-стратегия учреждения культуры, ИТ-стратегия культурных проектов, творческая лаборатория художника, архив творческого работника, институт памяти, идеография.

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотековедения и книговедения факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALYA VIKTOROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Library and Book Science, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

НЕРЕТИН ОЛЕГ ПЕТРОВИЧ – доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель научно-образовательного центра Федерального института промышленной собственности

NERETIN OLEG PETROVICH – Full Doctor of Economics, Chief Researcher, Head of the Scientific and Educational Center of the Federal Institute of Industrial Property (FIPS)

e-mail: dreitser@yandex.ru

© Лопатина Н. В., Неретин О. П., 2018

N. V. Lopatina¹, O. P. Neretin²

¹Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

²Federal Institute of Industrial Property (FIPS), The Russian Government, Berezhkovskaya nab. 30-1, Moscow, G-59, GSP-3, 125993, Russian Federation

THE PRESERVATION OF DIGITAL CULTURAL HERITAGE IN UNIFORM ELECTRONIC SPACE OF KNOWLEDGE

The authors study the modernization of the system of information resources of culture and raise the problem of preservation of electronic cultural heritage. Special attention is paid to the cultural cluster that exists only in a virtual environment, which is formed and developed by various stakeholders and has no formal institutionalization. The proposed solution is based on the new formats of effective organization and storage of information aggregate and information flows. The article considers the history of the issue of preservation of electronic cultural heritage. The importance of preserving information about modern culture for the future of science, analytics and cultural education is demonstrated. The problems of preservation of digital cultural heritage and the relevance of their solutions are discussed in the context of the formation of a single electronic space of knowledge. The directions of study and design of new approaches and formats for the preservation of digital cultural heritage are outlined. The task of archiving cultural processes concentrated in the Internet is set. The concept of project it strategy and private cultural initiative it strategy is introduced. Perspective questions of formation of ideology of the created institutes of memory of a new format are defined.

Keywords: cultural heritage, digital cultural heritage, digital economy, information society, a single electronic space of knowledge, preservation of cultural heritage, Informatization of culture, digitalization of culture, digital development, cultural processes, archiving of cultural processes, Internet resources of culture, information resources of culture, state cultural policy, stakeholder, actor of culture, it strategy, it strategy of cultural institutions, it strategy of cultural projects, creative laboratory of the artist, archive of the creative worker, Institute of memory, ideography.

Для цитирования: Лопатина Н. В., Неретин О. П. Сохранение цифрового культурного наследия в едином электронном пространстве знаний // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 74–80.

Идея информационного общества основывается на совместном использовании знаний, на доступности разнообразия информационной феноменологии в тех фрагментах социального пространства, где существует соответствующая потребность. Единый запас знаний, общий тезаурус – основа коммуникативных систем прошлого, настоящего и будущего, ибо для совместной деятельности и диалога необходимо элементарно «говорить на одном языке». Единство мировоззренческих установок, гуманистических ценностей – основа мирного сосуществования, диалога и развития в современном мире

разных народов, социальных групп, культур и субкультур, поколений. Условием этого выступает преодоление неравенства в уровне доступности культурных благ, что становится достижимым только в условиях цифровой экономики: в силу персонализации информационно-коммуникативных технологий трансформировались экономические механизмы производства информационных ресурсов культуры, сформировался мощный государственный сектор информационного рынка, решающий важнейшие социальные задачи. С одной стороны, цифровые технологии – один из наиболее эффектив-

ных инструментов культурного и гуманитарного просвещения. С другой стороны, формируется культурный кластер, не существующий в мире «традиционных», нецифровых коммуникаций, – принципиально новые по своей структуре и свойствам культурные феномены, которые играют важную роль в современном мире, которые мы хотим транслировать следующим поколениям как важнейший элемент единого знания, необходимого для межпоколенческой коммуникации, для преемственности культурных ценностей.

Сохранность информации выступала одним из основных проблемных комплексов информационного сектора экономики и информационной инфраструктуры на протяжении всей истории человечества. Появление письменности и документа были вызваны необходимостью сохранения информации в силу несоответствия её количества пропускным способностям человеческого сознания и задачами передачи информации во времени и пространстве.

На первых этапах информатизации общества проблема сохранения культурного наследия посредством эффективной организации и хранения информационных массивов и информационных потоков была определена актуальной проблемой всего мирового сообщества. Основные подходы к решению возникающих проблем, выработанные на основе консенсуса, нашли отражение в ряде документов, подготовленных ЮНЕСКО, а также в Хартии о сохранении цифрового наследия, принятой Генеральной ассамблеей ЮНЕСКО в 2003 году [см.: 7].

Уже в первое десятилетие нового тысячелетия большинство государств, ориентированных на формирование информационного общества, разделили данную точку зрения и включили это направление в госу-

дарственные программы управления информатизацией, в национальную культурную политику. Трансфер программ с официального уровня на уровень управленческих решений и прикладных проектов показал, что сама идея изоморфна ИТ-решениям, характерным для конкретного периода информатизации (в данном случае 2000–2010-е годы), причём не инновационным, перспективным для этой социальной задачи, а наиболее распространённым, глубоко интегрированным в социальные практики. Игнорирование инновационных ориентиров было не столько результатом отказа от стратегических приоритетов, сколько целесообразным решением в силу цифрового разрыва между отдельными акторами информатизации, стейкхолдерами конкретных проектов макро- и мезоуровня.

Трансформация культурных норм и повседневных культурных практик, начавшаяся в первое десятилетие [3] и продлившаяся во втором десятилетии XXI века, показала правильность выбранных приоритетов и ориентиров на новые форматы сохранения информационных массивов культуры, на архивирование культурного процесса. Дигитализация (оцифровка) культурного наследия как один из возможных способов передачи культурных феноменов, знаний, произведений искусств от одного поколения другому, их трансляции в пространстве определила и государственные приоритеты развития культуры.

Вместе с тем экстраполяция тенденций цифрового развития позволила фиксировать следующие тенденции и проблемы, большинство из которых до настоящего времени не нашли ни теоретического, ни организационного, ни прикладного решения.

Во-первых, интенсификация темпов социальной амортизации информационных

технологий, ускоренная динамика социально-информационных потребностей и быстрота реакции на них информационного рынка – проблема технологической неадекватности цифровых информационных массивов темпам изменяющейся информационной среды. Появление новых информационно-коммуникативных форматов, способов хранения совокупного знания и культурных благ создаёт проблемы хранения и использования в новых условиях. По мнению А. Б. Антопольского и О. В. Шлыковой [1], быстрота эволюции цифрового мира нарушает порядок всех устоявшихся методов сохранения информации. Поколения платформ, программ и аппаратов сменяют друг друга столь быстро, что уже через годы, а не через десятилетия информационные материалы становятся недоступными из-за проблем их совместимости с новыми системами.

Во-вторых, полиакторность креативных и информационных инициатив, культурных процессов. Диалектика стратегической и проектной ориентации цифровизации культуры выступает сегодня одним из мейнстримов этих процессов. Возрастает риск утери фрагментов совокупного знания, созданного уже сегодня, в условиях деинституциализации акторов, отказа от участия в проектах, прекращения финансирования проектов, несанкционированных действий массового актора информатизации.

Американский историк, 13-й директор Библиотеки Конгресса США Дж. Х. Биллингтон в одном из интервью предлагал современникам задуматься о том, что мы можем потерять значительную часть современной истории вместе с множеством данных, помещавшихся в Интернете. В силу своей уникальности они будут востребованы, но возможно, что мы их не сможем уже восстановить. Именно понимание этого и

привело к первым опытам масштабного сохранения цифровых массивов, например, к созданию инфраструктуры для сохранения архивных материалов в цифровой форме (National Digital Information Infrastructure and Preservation Program, NDIIPP) [8].

Таким образом, цифровизация культуры, кумуляция цифровых ресурсов культуры, рост их разнообразия сделали более выпуклыми проблемы сохранения именно цифрового культурного наследия. Они становятся особенно актуальными в контексте формирования единого электронного пространства знаний – стратегической задачи, поставленной в Указе Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» [4].

Круг теоретических, организационных и прикладных задач, которые предстоит решить, широк. В первую очередь нельзя не согласиться с мнением А. Б. Антопольского и Д. В. Ефременко [2] о необходимости кардинально нового инструментария на основе Semantic Web, позволяющего создать новую идеологию взаимодействия электронных библиотек и других информационных массивов и подкрепить её прикладными лингвистическими инструментами, позволяющими добиться совместимости метаданных, единых оснований систематизации, навигационных систем, оценочных критериев.

В настоящий момент поставлены задачи первого уровня: определены пока только основные компоненты электронного пространства знаний – Национальная электронная библиотека, информационные системы Архивного фонда РФ, информационные системы и ресурсы музейных организаций, иных организаций, на которые возложены функции хранения электронных копий документов, – и закреплены ориентиры и функционал их консолидации. Это потребует серьёз-

ных разработок и практических действий в ближайшее время, однако уже сегодня можно наметить и точки роста, которые требуют осмысления и проектирования одновременно с решением актуальных задач.

В этом контексте мы ставим задачу перспективы архивирования именно культурных процессов, сконцентрированных в Интернете, что в будущем станет дополнением, надстройкой над формируемым сегодня единым электронным пространством знания. К их числу можно сегодня отнести интернет-проекты и ресурсы, которые с трудом можно институционализировать и вписать в формальные организационные структуры:

- новостные ресурсы, отражающие и фиксирующие событийное информирование и прослеживание истории вопроса, проблемы, явления культуры и искусства во времени (новостные ленты, несущие информацию с Каннского кинофестиваля: от момента анонсирования и конкурсного отбора до объявления результатов и шлейфа неформальных оценок);

- объектно-ориентированный контент персональных и корпоративных ресурсов в сфере культуры, профили в социальных сетях, которые фиксируют, отражают, сохраняют в открытом доступе, архивируют историю субъекта культурного процесса и его взаимодействия с современным ему социумом;

- ресурсы, которые сами по себе являются культурно значимыми артефактами. Например, коллаборативная литература, сетература, экспозиции визуальных искусств, творческие флэшмобы в социальных сетях и т.д.;

- ресурсы и площадки, представляющие форумы любителей искусства, читателей, зрителей, слушателей, группы в социальных сетях;

- инициативные творческие и просветительские интернет-ресурсы, блоги, каналы с динамично изменяющимся контентом.

Многогранность и многовекторность культурных процессов в Интернете требуют наукоёмких технологий их архивирования с ориентацией на обеспечение сохранности таких материалов через 25–50 лет.

Современные решения в архивировании цифрового культурного наследия и культурных процессов являются результатом адаптации стандартных решений для сферы культуры. Анализ современной ситуации демонстрирует необходимость специализированных менеджерских разработок как основы для постановки задач технологического поиска.

Архивирование цифровых культурных явлений – задача, требующая пересмотра IT-стратегии учреждений культуры, организаций, работающих в сопряжённых сферах, стейкхолдеров, реализующих собственные проекты данного профиля. Если ранее мы говорили об IT-стратегии исключительно в контексте информационного менеджмента как инструмента корпоративного управления, то сегодня имеет смысл говорить как об IT-стратегии на уровне конкретного проекта или частной инициативы, так и об IT-стратегии на уровне отрасли, сетевого взаимодействия и т.д. В её основе не только целесообразность цифрового решения поставленным задачам, но и выбор способов архивирования контента, соответствующего долгосрочным целям сохранения культурного наследия настоящего времени, культурного и гуманитарного просвещения, научного анализа.

Например, специфическую, но чрезвычайно важную задачу составляют организационно-технологические механизмы сохранения творческих лабораторий художников

и их архивов (черновиков, набросков, дневников, писем). Традиционно это представляет интерес для искусствоведов, историков искусства, библиографов, массового потребителя. Современные деятели искусства и культуры создают и хранят эти значимые артефакты в цифровом виде. Читая письма классиков литературы или музыкального искусства, мы с сомнением предполагаем возможность подобного познания внутреннего мира и творческого контекста современного нам писателя или композитора – утрата пароля почтового ящика, удаление «следов» в социальных сетях, закрытие персонального интернет-ресурса лишают нас этой возможности. Риски потери цифровых культурных ценностей связаны как с проблемами информационной безопасности (несанкционированный доступ, вирусы, сбои аппаратных и программных средств), так и с проектным характером большинства интернет-акций, со спецификой организации личной интернет-коммуникации художника [3].

Оценивая социальную значимость системы архивирования культурных процессов и цифрового культурного наследия, следует обратить внимание на неразработанность культурологических оснований подобного анализа. Перспективным направлением исследований выступает проблема качественного анализа и отбора процессов, явлений и событий, подлежащих архивированию в условиях культуры и общества

постмодерна со свойственными им мультипарадигмальностью и альтернативностью оценок. Вместе с тем необходимость качественного обора обуславливается экономическими причинами.

Особую задачу представляет идеология создаваемых институтов памяти нового формата, которые, по сути, постепенно трансформируют привычные рамки библиотеки или архива как учреждения [5]. Что станет предметом сохранения: электронный документ или свёрнутая модель одного из суверенных информационных объектов – автора, документа, текста или смысла? [6] Насколько важен будет сам массив или достаточно будет метаинформации? Какова должна быть метаинформация, отражающая смыслы, социальные реакции, культурные «шлейфы»? Целесообразно ли говорить об архивировании контекстов, ситуативных «срезов» и культурных ландшафтов, дискуссионных практик и иных новых информационных моделей культуры? Это требует новых изысканий в предметном поле идеографии.

Постановка этой задачи сегодня – лишь поиск точки роста, перспективного направления исследования. В данной работе мы сделали попытку обозначить эти вопросы как ориентир для исследователей в области прикладной информатики в культуре, культурологии, права, интеллектуальной собственности.

Примечания

1. Антопольский А. Б., Шлыкова О. В. Информационные ресурсы России : учебное пособие по специальности «Прикладная информатика (в менеджменте)». Москва : ИПКИР-МГУКИ, 2006-. Часть 1. Информационные ресурсы инновационного развития. 2006. 269 с.
2. Антопольский А. Б., Ефременко Д. В. К вопросу о едином электронном пространстве знаний // Вестник Российской академии наук. 2018. Том 88. № 2. С. 163–170. DOI: 10.7868/S086958731802007X
3. Лопатина Н. В. Информатизация культуры: современные проблемы и перспективы // Научно-техническая информация. Серия 1. Организация и методика информационной работы. 2010. № 5. С. 13–17.

4. Основы государственной культурной политики : утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 N 808 [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
5. Полтавская Е. И. Библиотека: учреждение и/или социальный институт? Москва : Литера, 2009. 179 с.
6. Сляднева Н. А. Библиография в системе Универсума человеческой деятельности: опыт системно-деятельностного анализа. Москва : МГИК, 1993. 226 с.
7. Хартия сохранения цифрового наследия [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml
8. <http://memory.loc.gov/ammem/dli2/html/lcndlp.html>

References

1. Antopolsky A. B., Shlykova O. V. *Informatsionnye resursy Rossii. Chast' 1. Informatsionnye resursy innovatsionnogo razvitiya [Information resources of Russia. Part 1. Information resources of innovative development]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2006. 269 p.
2. Antopolsky A. B., Efremenko D. V. K voprosu o edinom elektronnom prostranstve znaniy [On the issue of a single electronic knowledge space]. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018, vol. 88, no. 2, pp. 163–170. DOI: 10.7868/S086958731802007X
3. Lopatina N. V. Informatizatsiya kul'tury: sovremennaya problemy i perspektivy [Informatization of culture: contemporary problems and prospects]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1. Organizatsiya i metodika informatsionnoi raboty [Scientific and technical information. Series 1. Organization and technique of information work]*. 2010, no. 5, pp. 13–17.
4. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF ot 24.12.2014 N 808 [Fundamentals of state cultural policy approved by Presidential decree of 24.12.2014 N 808]*. Available at: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
5. Poltavskaya E. I. *Biblioteka: uchrezhdenie i/ili sotsial'nyy institut? [Library: institution and / or social institution?]*. Moscow, Publishing house "Litera", 2009. 179 p.
6. Slyadneva N. A. *Bibliografiya v sisteme Universuma chelovecheskoy deyatel'nosti: opyt sistemno-deyatel'nostnogo analiza [Bibliography in the Universe of human activity: the experience of system-activity analysis]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 1993. 226 p.
7. *Khartiya sokhraneniya tsifrovogo naslediya [Charter for the Preservation of Digital Heritage]*. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/digital_heritage_charter.shtml
8. <http://memory.loc.gov/ammem/dli2/html/lcndlp.html>

*

М ОДЕРНИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕК И ИХ ИННОВАЦИОННЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ: ОПЫТ СИСТЕМНОГО АНАЛИЗА

УДК 021

Т. Я. Кузнецова

Московский государственный институт культуры

Рассматриваются основные направления модернизации библиотечного дела и развитие инновационной деятельности библиотек под влиянием этого процесса. Характеризуются особенности начального этапа перехода отечественных библиотек на модернизационный путь развития. Приводятся внешние и внутренние факторы, которые обусловили необходимость инновационных изменений в отрасли. Рассматриваются инновации, происходящие в реализации базовых функций библиотек: информационной, образовательной, культурно-просветительной, мемориальной, социально-коммуникативной. Анализируются новые социально-целевые ориентиры, инструментарий и содержание происходящих функциональных трансформаций библиотек, позволяющих им стать заметной структурой современной информационно-медийной среды и системы социальных коммуникаций цифровой эпохи.

Ключевые слова: библиотечное дело, библиотека, социальные коммуникации, модернизация, инновационное развитие, библиотечная инноватика, информационная функция библиотеки, образовательная, культурно-просветительная, мемориальная функции.

T. Ya. Kuznetsova

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

MODERNIZATION OF LIBRARIES AND THEIR INNOVATIVE SOCIAL PRACTICES: THE EXPERIENCE OF SYSTEM ANALYSIS

The main directions of library modernization and the development of innovative activities of libraries under the influence of this process are considered. The features of the initial stage of the transition of domestic libraries to the modernization path of development are characterized. External and internal factors are presented that necessitate innovative changes in the industry. The innovations occurring in the implementation of the basic functions of libraries are considered: informational, educational, cultural and educational, memorial, social and communicative. Analyzed are new social targets, tools and content of ongoing functional transformations of libraries, allowing them to become a visible structure of the modern information and media environment and the social communication system of the digital age.

КУЗНЕЦОВА ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-образовательного центра «АПРИКТ» Московского государственного института культуры

KUZNETSOVA TATYANA YAKOVLEVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor, Senior Research Fellow of the Scientific and Educational Center of the “Academy of Retraining of Workers of Art, Culture and Tourism”, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: aprikt.biblio02@inbox.ru
© Кузнецова Т. Я., 2018

Keywords: library science, library, social communications, modernization, innovative development, library innovation, library information function, educational, cultural and educational, memorial functions.

Для цитирования: Кузнецова Т. Я. Модернизация библиотек и их инновационные социальные практики: опыт системного анализа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 81–92.

Модернизация библиотечного дела в России началась в годы перестройки и была связана с внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в работу библиотек. Вместе с тем модернизация библиотечной сферы как комплексный системный процесс обусловлен не только её технологическими преобразованиями, но и общими тенденциями перехода от традиционализма во всех сферах общественной жизни к новой социокультурной парадигме, характерной для современного этапа мирового цивилизационного развития.

В общем плане модернизация определяется теоретиками как универсальный путь прогресса [3; 18; 19]. При этом в социокультурном аспекте модернизационного развития постулируется тезис о необходимости учёта значимости и особенностей локальной специфики и различных социальных институтов в этом процессе как важных условий сохранения устойчивости социума, вступившего на путь модернизации [2; 16].

В соответствии с общими тенденциями модернизации российского общества отечественное библиотечное дело на рубеже тысячелетий перешло от линейного прогресса, то есть экстенсивного пути развития, на интенсивный, предусматривающий качественные преобразования отрасли [11]. Это послужило главным стимулом для активных поисков инновационных форм и методов работы библиотек в целях повышения их востребованности в принципиально новых условиях формирования информационного общества.

С переходом страны на цифровую экономику российские библиотеки получили новый импульс для движения вперёд.

Цифровая экономика, наряду с прочим, предусматривает трансформацию информационного пространства и его инфраструктуры на основе использования отечественных ИКТ, а также создание новой технологической базы для экономического и социального развития. При этом ставится задача максимальной ориентации всех информационных структур на потребности граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений по вопросам экономики, бизнеса, образования, здравоохранения, экологии, социокультурной сферы, создания «умных городов».

Эти целевые установки определяют сегодня перспективные векторы деятельности библиотек как активных субъектов информационной инфраструктуры современного общества.

Пройденный российскими библиотеками путь модернизационного развития позволяет заключить, что применительно к библиотечному делу смысловое ядро модернизации отрасли включает в себя:

- новую парадигму позиционирования библиотек как социокультурных и информационно-коммуникативных институций;
- кардинальную смену технологий библиотечного производства: от рутинных к цифровым, в том числе сетевым;
- корпоративность в создании информационно-поисковых систем, раскрываю-

щих фонды библиотек и их информационные ресурсы;

- инновационные преобразования всех функциональных направлений библиотечной деятельности;

- трансформацию организационно-функциональной структуры библиотек и системы библиотечно-информационного обслуживания населения;

- преобразование библиотечного пространства в целях создания комфортных условий для интеллектуального развития и реализации творческих инициатив пользователей, новых сервисов и услуг.

Немаловажное значение имеет и такой характерный для модернизационного процесса фактор как консолидация профессионального сообщества в целях реализации конкретных задач, стоящих перед отраслью. Это привело к созданию в 1995 году Российской библиотечной ассоциации – одного из крупнейших общественно-профессиональных объединений в социокультурной сфере, которое выполняет определяющую роль в интеграции и корпоративном сотрудничестве библиотек различных типов, видов и ведомственной принадлежности, в стимулировании процессов их инновационного развития.

Энтузиазм профессионального библиотечного сообщества, характерный для 1990-х годов, позволил российским библиотекам первыми из учреждений социокультурной сферы вступить на путь компьютеризации. Причём в новых технологических условиях библиотеки не только стали объектами информатизации, активно осваивающими компьютерный инструментарий, но явились активными субъектами этого процесса.

В частности, библиотеки целенаправленно занимались приобщением широких читательских кругов к работе в новом техноло-

гическом режиме, обеспечивающем выход в цифровое коммуникативное пространство. Тем самым они содействовали постепенному формированию у различных слоёв российского общества 1990-х годов так называемого информационного поведения, то есть умения использовать компьютерную технику для поиска необходимой информации в целях решения управленческих, производственных, образовательных, бытовых и других задач.

В это же время многое делалась библиотеками для повышения уровня информированности всех слоёв населения об актуальных проблемах общественной жизни. Широко развернулось движение по созданию на базе библиотек публичных центров правовой информации (ПЦПИ), цель которых – повышать уровень правовой культуры населения. Сегодня в стране их более 16 тысяч. Параллельно организовывались центры экологического просвещения, сыгравшие заметную роль в формировании экологической культуры и информационном обеспечении природоохранной деятельности [12]. В конце 1990-х годов библиотеки выступили инициаторами информационной поддержки института местного самоуправления, став своеобразным «информационным мостом» между региональной властью и населением [1].

В последующее десятилетие модернизация отрасли расширила возможности публичных библиотек по оказанию информационных, образовательных и интеллектуально-досуговых услуг для различных категорий пользователей, что привело к преобразованию многих городских библиотек в информационные интеллект-центры. В большинстве регионов страны началось движение за создание образцовых сельских модельных библиотек, максимально оснащённых компьютерной техникой с выходом в

интернет-пространство и современными информационными ресурсами.

Следует отметить, что модернизация в российском библиотечном деле осуществлялась при значительном влиянии западных моделей, которые в первую очередь использовались в технологических нововведениях, организационных формах и методах социального позиционирования библиотек. Однако взятые за образцы западные модели трансформировались, зачастую радикально и творчески, в процессе их освоения отечественной библиотечной практикой, стоящей на ином цивилизационном фундаменте. Особенно ярко это проявилось в создании ПЦПИ, центров экологического просвещения, расширении диапазона краеведческой работы библиотек.

Одной из проблем, с которой столкнулась отрасль, вступив на путь модернизации, было противоречие между новым и старым. На начальном этапе этого процесса весьма дискуссионным был вопрос о соотношении модернизации и традиций в развитии отечественных библиотек [14].

Согласно современной теории модернизационного развития, кардинальное противопоставление модернизации и традиций является малопродуктивным и даже опасным, поскольку мешает движению вперёд и зачастую является искусственным [3, с. 10–37]. Но в библиотечном деле дискуссии о диалектике взаимосвязей традиций и инноваций носили в большинстве своём конструктивный характер и, как правило, способствовали переходу на новую качественную ступень профессионального развития.

Продолжение лучших традиций прошлого на новом технологическом фундаменте и с новым смысловым контентом во многом определяет современные направления модернизации библиотечной отрасли и слу-

жит залогом успешного и устойчивого движения библиотек по пути модернизационных изменений.

Темпы модернизации как сложнейшего трансформационного процесса зависят от множества факторов, среди которых немаловажное значение имеет степень готовности его субъектов к преобразованиям. В связи с этим модернизация библиотечного дела тоже осуществлялась неравномерно и синхронно. На начальных этапах этого процесса возникали своего рода «анклавы современности», модернизационное развитие которых значительно опережало их окружение. К таким более передовым в модернизационном аспекте территориям страны в 1990-е годы относились библиотечные системы Ханты-Мансийского автономного округа, Белгородской, Омской, Екатеринбургской и ряда других областей. И сегодня эти регионы во многом определяют тренды инновационного преобразования российских библиотек.

В последнее десятилетие происходит трансформация инструментальной, то есть технологической, модели модернизации библиотечного дела в концептуальную, ориентированную на реализацию новой социокультурной миссии библиотек в информационном обществе, основанном на знаниях [7; 17; 20]. Эта новая концептуальная модель модернизации российских библиотек определила основные векторы инновационных изменений в библиотечном деле, характерные для современного этапа развития отрасли, наполнила их новым смыслом и содержанием.

Инновационные преобразования касаются всех направлений деятельности библиотек и затрагивают все без исключения сферы их функционирования, включая коммуникативные взаимосвязи с внешней сре-

дой [5; 6; 14]. Параллельно с этим продолжается активное технологическое обновление библиотечной системы.

Основные факторы, которые детерминируют инновационные процессы в библиотечном деле, можно разделить на *внешние*, обусловленные особенностями социально-экономического, культурного и информационно-технологического развития страны, и *внутренние*, связанные с деятельностью библиотек как организационно оформленных структур социокультурной сферы.

К базовым *внешним* факторам относятся:

- политическая, экономическая, социальная, информационная и культурная стратегия развития государства;

- регионализация социально-экономической жизни страны, формирование института местного самоуправления и муниципализация социокультурных объектов в рамках административных реформ;

- глобальный процесс информатизации общественного развития, связанный с внедрением цифровых технологий во все производственные сферы и превращением информационных ресурсов, в том числе сетевых, в важнейший стратегический продукт, от которого зависят темпы развития цифровой экономики;

- интенсивное развитие рынка информационных и медиапродуктов и услуг, в частности его крупнейших сегментов – книгоиздательского рынка и рынка компьютерной техники и программ;

- реорганизация системы образования.

Среди *внутренних* факторов наибольшее значение имеют:

- развитие и укрепление законодательных основ библиотечного дела и региональной правовой среды функционирования библиотек;

- переход к долгосрочному стратегическому государственному управлению приоритетными направлениями развития библиотечной деятельности на основе общенациональных и региональных программ, проектов и концепций (например: «Основные направления развития Общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ до 2020 года», «Концепция развития библиотечного дела Республики Карелия до 2020 года и на период до 2025 года»);

- реструктуризация библиотечной сети на региональном и муниципальном уровнях;

- внедрение во все библиотечные процессы современных цифровых технологий, обеспечивающих выход библиотекам в мировое информационное пространство и позволяющих создавать собственные цифровые продукты, осваивать новые сервисы и услуги, в том числе в корпоративных и сетевых форматах;

- расширение видовой структуры информационно-библиотечных ресурсов за счёт широкого включения в них электронных и сетевых источников информации;

- динамичные изменения структуры общественных информационных потребностей и технических возможностей удовлетворения их в условиях библиотек;

- освоение методологии библиотечного менеджмента и маркетингового инструментария, включая проектную деятельность;

- развитие социального позиционирования библиотек, формирование более тесных связей с местным сообществом;

- профессиональная консолидация и укрепление профессиональных коммуникаций и диалога между библиотеками различного уровня.

Под влиянием обозначенных выше факторов серьёзные изменения начинают проис-

ходить и в реализации базовой социальной функции библиотек – *информационной*. Акцент на данной функции повышает их статус в современном обществе, которое ориентируется на цифровую экономику. Новизна в реализации информационной функции библиотек заключается в том, что она приобретает ресурсно-оценочный и ресурсно-ориентирующий характер, и это весьма важно, учитывая качественную неоднородность современного информационного пространства. *Профессиональная ориентация* в информационных ресурсах – *анализ и оценка* качественного уровня этих ресурсов – *структурирование и переработка* ресурсов с учётом поставленных информационно-поисковых задач – *обеспечение доступа* к надёжным и достоверным ресурсам – такова формула реализации информационной функции библиотек в современных условиях [8].

Не менее важен и новый вектор информационной деятельности современной библиотеки: организация и управление массивами знаний. Аналитический подход к работе с различного вида информационными объектами, включая медиапродукты и сетевые ресурсы, открывает перед библиотеками реальные перспективы стать авторитетными экспертами цифровых массивов знаний и надёжными терминалами выхода на более широкие информационные магистрали.

В целом инновационные практики библиотек ориентированы на повышение их общественного статуса и обеспечение социальной конкурентоспособности в условиях современной цифровой среды. На это нацелен и один из крупнейших информационных проектов – создание Национальной электронной библиотеки как универсального цифрового массива знаний и включение библиотек страны в её сетевое интеллектуальное пространство.

Инновационные изменения проявились и в *образовательной функции* библиотек. Сегодня библиотеки позиционируют себя как открытые, неформальные познавательные площадки для людей любого возраста. В процессе освоения многоаспектных социокультурных практик и благодаря богатому арсеналу форм и методов интеллектуально-просветительской деятельности библиотеки включаются в процессы образования на протяжении всей жизни человека. При этом акцент делается на информационной поддержке непрерывного образования и самообразования. В результате библиотеки выступают как своеобразные «открытые университеты», доступные для всех, главная задача которых – обеспечивать ориентацию в информационном пространстве и доступ к достоверным и авторитетным источникам, что в современных условиях обилия информации, зачастую псевдонаучной и фейковой, чрезвычайно важно.

Поэтому сегодня во многом по-новому, более системно и многопланово осуществляется деятельность библиотек по повышению информационной грамотности населения, формированию информационной культуры. Одно из направлений – приобщение пользователей к работе с конструктами «свёрнутого» знания – электронными библиотеками и каталогами, библиографическими, фактографическими и иными цифровыми базами данных как инструментами поиска необходимой информации и доступа к полному знанию.

Следует подчеркнуть, что основой реализации образовательной функции библиотек выступают *книга и чтение* – главные объекты и инструменты их институциональной деятельности.

Именно в такой парадигме можно рассматривать деятельность современных биб-

лиотек по продвижению чтения в рамках Национальной программы поддержки и развития чтения. Создаются необходимые условия для развития различных видов чтения – инструментального, образовательного, развивающего, рекреационного. Важнейшая цель этой деятельности – с помощью книги и чтения передавать подрастающему поколению знания и морально-этические нормы межличностных и социальных отношений, оказывать влияние на формирование гармоничного человека, способного к созидательной продуктивной деятельности в принципиально меняющемся мире.

Расширение и усложнение задач образовательной деятельности библиотек оказали значительное влияние на реализацию их традиционной *культурно-просветительной функции*, которая сегодня также претерпевает значительные изменения. В последние два десятилетия существенно обогатился арсенал её форм, методов, технологий. Прекрасно зарекомендовали себя такие формы культурно-просветительной и интеллектуально-досуговой деятельности, как литературные и научно-познавательные лектории, публичные дискуссии, обучающие семинары, литературные гостиные, квесты, музыкально-литературные и поэтические вечера, читательские театры, форум-спектакли, фестивали, бенефисы и премьеры книг, библионочи, библиопикники и библиовечеринки, поэтические концерты, конкурсы знатоков, юных живописцев, начинающих поэтов. Широко практикуются клубные и кружковые формы интеллектуального досуга: клубы любителей поэзии, научной фантастики, интеллектуальных игр, историков-краеведов, путешественников, молодой семьи и многие другие.

Стремление инновационных библиотек стать центром притяжения для окружающе-

го сообщества нашло воплощение в модели «Библиотека – третье место», помимо работы и дома [13; 15]. Для этого библиотека меняет не только своё отношение к посетителям, создавая особую атмосферу гостеприимства, благожелательности, радушия, но и всю организацию библиотечного пространства, делает её максимально благоприятной для занятий, творчества, общения, отдыха. Тем самым библиотека становится центром притяжения для местного сообщества, подтверждает свою значимость в качестве комфортной интеллектуально-досуговой площадки, открытой для всех желающих.

Новыми смыслами наполняется сегодня и другая базовая функция библиотек – *мемориальная*, обеспечивающая собрание и хранение документной информации как ценной части научного и историко-культурного наследия [9].

Наиболее полно эта функция реализуется в инновационном подходе к организации работ с редкими изданиями и книжными памятниками, что нашло отражение в системе мероприятий по их идентификации, библиографической реконструкции и созданию цифрового свода, обеспечению необходимых режимов хранения и доступа к использованию. Одновременно центральные региональные библиотеки создают цифровые репертуары национальной печати, сводные электронные каталоги, издания краеведческой библиографии.

Работа с документным научным и культурным наследием – это создание надёжного фундамента для будущего развития науки и культуры, а регистрация современного документного потока обеспечивает формирование основ для историко-культурной реконструкции современности будущими поколениями. Именно такое историко-культурное значение имеет инновационная де-

тельность по созданию Сводного каталога библиотек России (СКБР) в рамках реализации государственной программы «Основные направления развития Общероссийской информационно-библиотечной компьютерной сети ЛИБНЕТ на 2011–2020 годы».

Трудно переоценить историко-культурное значение системной работы над Всероссийским сводом книжных памятников в соответствии с задачами государственной программы «Основные направления развития деятельности по сохранению библиотечных фондов в Российской Федерации на 2011–2020 годы». Не менее важны в историко-культурном аспекте цифровые форматы государственной библиографии, репертуары национальной и местной печати субъектов России, электронные коллекции и библиотеки региональной памяти.

Мемориальная направленность в значительной степени характерна для краеведческой деятельности библиотек, которая сегодня всё чаще использует источниковедческие, историографические и этнографические методы работы с различными документными источниками [10]. Это ложится в основу воссоздания генеалогии семей, написания летописи населённых пунктов. Включение в объекты библиотечной деятельности артефактов бытовой культуры привело к созданию на базе библиотек музейных экспозиций [14]. Музеефикация библиотек и развитие их экскурсионно-краеведческой деятельности позволяют обогатить и сделать более выразительным и информационно ёмким историко-культурный и познавательный контент библиотечного краеведения.

Важно подчеркнуть, что в условиях преобладания технократической парадигмы развития современного мира роль библиотек в сохранении и ретрансляции исторической памяти человечества, зафиксирован-

ной на документных носителях, приобретает особое социокультурное значение, поскольку способствует не только сохранению культурного наследия, но и гуманизации общественных отношений в целом.

Принципиально новый инструментарий используют библиотеки для реализации *социально-коммуникативной функции*, которая в современных условиях во многих аспектах становится приоритетной, так как позволяет библиотекам установить более тесные контакты с окружающим социумом и наполняет их деятельность новыми смыслами. Наиболее выразительно эта функция проявляется в социальном партнёрстве и представительстве библиотек в сетевых социальных медиа.

Благодаря социальному партнёрству библиотеки встраиваются в систему жизнедеятельности окружающего социума и могут реализовать свои возможности с большей пользой для общества. Партнёрские связи – важное условие включения библиотек в решение актуальных социальных проблем и повышения их авторитета в обществе. Одновременно это мощный стимул развития информационно-ресурсной базы библиотек, расширения диапазона их функционала и сервисов, совершенствования организационной структуры.

Новые возможности представления библиотек в современном коммуникативном пространстве появились благодаря их активному включению в популярные социальные сети и сетевые сообщества [4]. Это максимально приближает библиотеки к пользователям, создаёт более комфортную среду общения. Библиотечные блоги, новостные каналы, электронные книжные выставки, виртуальные форматы библиотечного и справочного обслуживания, цифровой контент, в виде отзывов, тегов, вики и дру-

гие медиасредства позволяют не только осуществлять регулярные интерактивные контакты с пользователями, но и создавать информационные продукты, которые могут использоваться максимально широкой аудиторией. Не менее важно то, что виртуальная сетевая среда библиотек способствует появлению новых партнёрских связей, контактов, организации сетевых проектов.

Следует подчеркнуть, что социальный эффект, который получает общество от различных библиотечных инноваций, меняет стереотипы отношения к библиотекам, которые в связи с внедрением цифровых технологий во все сферы производства и общественной жизни в определённом смысле оказались отодвинутыми на периферию современных социальных коммуникаций.

Всё многообразие библиотечных инноваций, на наш взгляд, можно разделить на шесть основных блоков:

- социально-коммуникативный блок, связанный с изменением системы отношений «библиотеки – общество», «библиотеки – пользователи»;
- инструментально-технологический блок, ориентированный на активное освоение цифровых технологий и их широкое использование в развитии информационно-ресурсной базы библиотек и системы библиотечно-информационного обслуживания пользователей;
- функционально-содержательный блок, связанный с расширением диапазона деятельности библиотек как информационных, культурных, образовательных и просветительных институций и наполнением её новым содержанием;
- инфраструктурный блок, обеспечивающий включение библиотек в качестве активного субъекта в наиболее значимые сферы общественной жизни: местное само-

управление и формирование местных сообществ, развитие правовой культуры населения, природоохранная деятельность, общее и профессиональное образование, создание комфортной среды для интеллектуального досуга и реализации творческих инициатив граждан;

- организационно-управленческий блок, предусматривающий внедрение новых форм и методов управления библиотекой и отдельными производственными процессами на основе достижений теории и практики библиотечного менеджмента, социокультурного и информационного маркетинга; создание новых организационных структур, наиболее адаптированных к решению современных задач библиотечно-информационного обслуживания населения;

- хозяйственно-экономический блок, ориентированный на освоение инструментария хозяйственной деятельности библиотеки как субъекта рынка информационной продукции и услуг, с одной стороны, и как некоммерческой организации в социокультурной сфере – с другой.

Важно отметить, что импульс к инновационным преобразованиям библиотечной деятельности был рождён в профессиональной библиотечной среде и явился своеобразным ответом на вызовы меняющегося мира.

Таким образом, можно сделать вывод, что модернизация библиотечной отрасли, осуществляемая в последние десятилетия, явилась базовым фундаментом и стимулом всех инновационных преобразований в деятельности библиотек, которые обогатили и расширили их функциональные возможности и информационно-ресурсную базу, обеспечили освоение новых сервисов и создание новых услуг для пользователей, укрепили взаимосвязи с окружающим социумом. Главный результат этих позитивных про-

цессов заключается в том, что отечественные библиотеки выступают сегодня в статусе активных субъектов современной социально-коммуникативной системы, включённых

в решение актуальных проблем современности. И это надёжная гарантия того, что у библиотек эпохи цифровых технологий и общества знаний есть успешное будущее.

Примечания

1. Библиотеки. Население. Местная власть : Информационное сотрудничество продолжается : сборник документов и материалов / [ред.-сост. И. Михнова ; под ред. Т. Л. Маниловой]. Москва : Либерия, 2003. 192 с.
2. Гавров С. Н. Модернизация незападных обществ: соотношение локального и универсального // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2003. № 2. С. 5–11.
3. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
4. Гриханов Ю. А., Монахов В. Н. Информационно-коммуникационные технологии в публичной библиотеке. Развитие. Проблемы. Перспективы. Москва : ЦУНБ имени Н. А. Некрасова, 2013. 284 с.
5. Гусева Е. Н. Инновации в библиотеках страны: подходы, проблемы, проекты // Библиотечное дело – XXI век : научно-практический сборник : приложение к журналу «Библиотечное дело» / ФГБУ «Российская государственная библиотека». Москва : Российская государственная библиотека, 2002-. Том 1(19). 2010. С. 93–116.
6. Инновации в библиотеках : сборник статей / Российская государственная библиотека, Научно-исследовательский отдел библиотечного дела ; [сост.: М. Я. Дворкина, Е. Н. Гусева]. Москва : Пашков дом, 2010. 130 с.
7. Кузнецова Т. Я. Библиотека в информационном обществе: онтологические основания социокультурных трансформаций // Библиотечное дело. 2011. № 1. С. 28–33.
8. Кузнецова Т. Я. Библиотеки в цифровую эпоху: социальные функции, сервисы, ресурсы (по материалам проектного исследования) // Трансформация библиотеки в цифровую эпоху : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Москва, 11–12 ноября 2015 года) / Российская государственная библиотека для слепых ; [сост. Е. В. Захарова]. Москва : РГБС, 2016. С. 75–86.
9. Кузнецова Т. Я. Инновационная модель библиотеки как субъекта системы социальных коммуникаций // Инновации в науке и практике : сборник статей по материалам IV Международной научно-практической конференции (19 декабря 2017 года, г. Барнаул) : в 4 частях. Часть 4. Уфа : Дендра, 2017. С. 149–161.
10. Кузнецова Т. Я. Инновационные практики современной библиотеки // Библиотека. 2009. № 2. С. 10–13.
11. Кузьмин Е. В. Библиотечная Россия на рубеже тысячелетий. Государственная политика и управление библиотечным делом: смена парадигмы. Москва : Либерия, 1999. 224 с.
12. Кузьмин Е. И., Муравана Т. А. Доступ к правовой и иной социально значимой информации в библиотеках России. Развитие правовой культуры граждан. Аналитический доклад. Москва : МЦБС, 2011. 288 с.
13. Лисицкий А. В. Библиотека как «третье место»: российское измерение [Электронный ресурс]. URL: <http://metod.library.karelia.ru/files/223.pdf>
14. Матлина С. Г. Публичная библиотека: пути инновационного развития : избранное. Санкт-Петербург : Профессия, 2009. 376 с.
15. Михнова И. Б. Пространство возможностей: заметки на полях библиотечного дела : сборник полемических статей. Москва : Российская государственная библиотека для молодежи, 2017. 132 с.

16. Орлова Э. А. Социокультурные предпосылки модернизации в России // Библиотека в эпоху перемен : информационный сборник (дайджест). Выпуск 2 (10). Москва : Издательство Российской государственной библиотеки, 2001. С. 7–25.
17. Соколов А. В. Российские библиотеки в информационном обществе : профессионально-мировоззренческое пособие. Москва : Литера, 2012. 400 с.
18. Тихонова В. А. Модернизация в контексте цивилизационного развития // Вестник Московского государственного института культуры. 2016. № 2. С. 16–19.
19. Хорос В. Г. Модернизация как общемировой процесс [Электронный ресурс]. URL: http://www.politology.vuzlib.ru/book_o236_page_22.html
20. Шрайберг Я. Л. Интеграция библиотек в развивающееся информационное общество: что нас ждёт впереди? : Ежегодный доклад конференции «Крым». Год 2012. Москва : ГПНТБ России, 2012. 62 с.

References

1. Mikhnova I., comp., Manilova T. L., ed. *Biblioteki. Naselenie. Mestnaya vlast': Informatsionnoe sotrudnichestvo prodolzhaetsya. Sbornik dokumentov i materialov [Libraries. Population. Local authorities: Information cooperation continues. A collection of documents and materials]*. Moscow, Liber publisher, 2003. 192 p.
2. Gavrov S. N. Modernizatsiya nezapadnykh obshchestv: sootnoshenie lokal'nogo i universal'nogo [Modernization of non-Western societies: the ratio of local and universal]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2003, no. 2, pp. 5–11.
3. Gavrov S. N. *Modernizatsiya vo imya imperii. Sotsiokul'turnye aspekty modernizatsionnykh protsessov v Rossii [Modernization in the name of empire. Social and cultural aspects of modernization processes in Russia]*. Moscow, Editorial URSS, 2004. 352 p.
4. Grikhanov Yu. A., Monakhov V. N. *Informatsionno-kommunikatsionnye tekhnologii v publichnoy biblioteke. Razvitie. Problemy. Perspektivy [Information and communication technologies in the public library. Development. Problems. Perspectives]*. Moscow, Publishing house of the Nekrasov Central Universal Scientific Library, 2013. 284 p.
5. Guseva E. N. Innovatsii v bibliotekakh strany: podkhody, problemy, proekty [Innovations in the libraries of the country: approaches, problems, projects]. *Biblioteknoe delo – XXI vek. Nauchno-prakticheskiy sbornik. Prilozhenie k zhurnalu "Bibliotekovedenie". Tom 1(19) [Library work – 21st century. Scientific and practical collection. Supplement to the journal "Library Science". Vol. 1 (19)]*. Moscow, Publishing house of the Russian State Library, 2010. Pp. 93–116.
6. Dvorkina M. Ya., Guseva E. N., comp. *Innovatsii v bibliotekakh. Sbornik statey [Innovations in libraries. A collection of articles]*. Moscow, Russian State Library 'Pashkov Dom' Publishing, 2010. 130 p.
7. Kuznetsova T. Ya. Biblioteka v informatsionnom obshchestve: ontologicheskie osnovaniya sotsiokul'turnykh transformatsiy [Library in the information society: ontological foundations of social and cultural transformations]. *Bibliotekovedenie [The Library Science]*. 2011, no. 1, pp. 28–33.
8. Kuznetsova T. Ya. Biblioteki v tsifrovuyu epokhu: sotsial'nyye funktsii, servisy, resursy (po materialam proektnogo issledovaniya) [Libraries in the digital age: social functions, services, resources (based on the materials of project research)]. In: Zakharova E. V., comp. *Transformatsiya biblioteki v tsifrovuyu epokhu. Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 11–12 noyabrya 2015 goda) [Transformation of the Library into the Digital Age. A collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Moscow, November 11–12, 2015)]*. Moscow, Publishing house of the Russian State Library for the Blind, 2016. Pp. 75–86.
9. Kuznetsova T. Ya. Innovatsionnaya model' biblioteki kak sub'yekta sistemy sotsial'nykh kommunikatsiy [Innovative model of the library as a subject of the social communication system]. *Innovatsii v nauke i*

praktike. Sbornik statey po materialam IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (19 dekabrya 2017 goda, g. Barnaul). V 4 chastyakh. Chast' 4 [Innovations in science and practice. A collection of articles based on the materials of the IV International Scientific and Practical Conference (December 19, 2017, Barnaul). In 4 parts. Part 4]. Ufa, Publishing house "Dendra", 2017. Pp. 149–161.

10. Kuznetsova T. Ya. Innovatsionnye praktiki sovremennoy biblioteki [Innovative practices of the modern library]. *Biblioteka [The Library]*. 2009, no. 2, pp. 10–13.

11. Kuzmin E. V. *Bibliotchnaya Rossiya na rubezhe tysyacheletiy. Gosudarstvennaya politika i upravlenie bibliotchnym delom: smena paradigmy [Library Russia at the turn of the millennia. Public policy and library management: a paradigm shift]*. Moscow, Liber publisher, 1999. 224 p.

12. Kuzmin E. V., Muravana T. A. *Dostup k pravovoy i inoy sotsial'no znachimoy informatsii v bibliotekakh Rossii. Razvitie pravovoy kul'tury grazhdan. Analiticheskij doklad [Access to legal and other socially significant information in Russian libraries. Development of the legal culture of citizens. Analytical report]*. Moscow, Publishing house of the Interregional Center for Library Cooperation, 2011. 288 p.

13. Lisitsky A. V. *Library As Third Place: Russian Dimension*. Available at: <http://metod.library.karelia.ru/files/223.pdf> (In Russian)

14. Matlina S. G. *Publichnaya biblioteka: puti innovatsionnogo razvitiya [Public library: ways of innovation development]*. St. Petersburg, "Professija" Publishing House, 2009. 376 p.

15. Mikhnova I. B. *Prostranstvo vozmozhnostey: zametki na polyakh bibliotchnogo dela. Sbornik polemicheskikh statey [Space of opportunity: notes on the margins of the library. A collection of polemical articles]*. Moscow, Publishing house of the Russian State Library for Young Adults, 2017. 132 p.

16. Orlova E. A. *Sotsiokul'turnye predposylki modernizatsii v Rossii [Social and cultural background of modernization in Russia]. Biblioteka v epokhu peremen. Informatsionnyy sbornik (dayzhest). Vypusk 2 (10) [Library in an era of change. Information collection (digest). Issue 2 (10)]*. Moscow, Publishing house of the Russian State Library, 2001. Pp. 7–25.

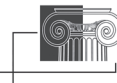
17. Sokolov A. V. *Rossiyskie biblioteki v informatsionnom obshchestve. Professional'no-mirovozzrencheskoe posobie [Russian libraries in the information society. Professional worldview handbook]*. Moscow, Publishing house "Litera", 2012. 400.

18. Tikhonova V. A. Modernization in the context of civilization development: social and philosophical aspect. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2016, No. 2 (70), pp. 19–19. (In Russian)

19. Khoros V. G. *Modernizatsiya kak obshchemirovoy protsess [Modernization as a global process]*. Available at: http://www.politology.vuzlib.su/book_o236_page_22.html

20. Shrayberg Ya. L. "Crimea" Conference Annual Paper the Topic of "Crimea 2012" 19th International Conference Annual Paper: "Library Integration into the Developing Information Society: What is There in Store for Us?". Moscow, Publishing house of the Russian National Public Library for Science and Technology, 2012. 62 p. (In Russian)

*

ИЗУЧЕНИЕ ДЕТСКОГО И ЮНОШЕСКОГО ЧТЕНИЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ И ПРОЕКТНЫЕ СТРАТЕГИИ

УДК 028.5

В. Я. Аскарова, Л. Б. Зубанова

Челябинский государственный институт культуры

Статья посвящена проблемам трансформации устойчивых читательских практик детей и юношества, формированию особого типа интернет-ориентированной аудитории. Авторы приходят к выводу о необходимости систематизации ключевых стимулов активизации читательской деятельности в детской и юношеской аудитории, разработки и внедрения цифровых форматов освоения художественной литературы, адекватных запросам и предпочтениям поколения XXI века. Проводится идея поиска новых стратегических и тактических решений по стимулированию читательской деятельности; оперативной фиксации актуальных (и регулярно обновляемых) практик чтения молодёжи. В статье анализируется потенциал использования комплекса опросных методов и методик, изучения документов, широкого спектра интернет-ресурсов, значимых для развития читательской деятельности молодёжи.

Ключевые слова: книжная культура, детское и юношеское чтение, стимулирование чтения, актуальные исследования и методы.

V. Ya. Askarova, L. B. Zubanova

Chelyabinsk State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Ordzhonikidze str., 36A, 454091, Chelyabinsk, Russian Federation

THE STUDY OF CHILDREN AND YOUTH READ IN THE AGE OF DIGITAL REALITY: RELEVANT RESEARCH AND DESIGN STRATEGIES

Article is devoted to problems of transformation steady reader's the practician of children and youth, to formation of special type of the Internet focused audience. Authors come to a conclusion about need of systematization of key incentives of activization of reader's activity for children's and youthful audience,

¹АСКАРОВА ВИОЛЕТТА ЯКОВЛЕВНА – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры библиотечно-информационной деятельности Челябинского государственного института культуры, председатель Центра детского и юношеского чтения

ASKAROVA VIOLETTA YAKOVLEVNA – Full Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Library and Information Activities, the Chelyabinsk State Institute of Culture, Chairman of the Center for Children and Youth Reading

²ЗУБАНОВА ЛЮДМИЛА БОРИСОВНА – доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии и социологии, директор Института культурной политики и проектного менеджмента Челябинского государственного института культуры

ZUBANOVA LYUDMILA BORISOVNA – Full Doctor of Cultural Studies, Professor, Professor of the Department of Cultural Science and Sociology, Director of the Institute of Cultural Policy and Project Management, the Chelyabinsk State Institute of Culture

e-mail: viovita@yandex.ru¹, milazubanova@gmail.com²

© Аскарова В. Я., Зубанова Л. Б., 2018

developments and deployments of the digital formats of development of fiction adequate to inquiries and preferences of generation of the 21st century. The idea of search of new strategic and tactical decisions on stimulation of reader's activity is carried out; expeditious fixing relevant (and regularly updated) the practician of reading youth. In article the potential of use of a complex of polling methods and techniques, studying of documents, a wide range of the Internet resources significant for development of reader's activity of youth is comprehended.

Keywords: book culture, children's and youthful reading, reading stimulation, relevant researches and methods.

Для цитирования: Аскарлова В. Я., Зубанова Л. Б. Изучение детского и юношеского чтения в эпоху цифровой реальности: актуальные исследовательские и проектные стратегии // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 93–102.

Современная социокультурная ситуация характеризуется рядом принципиальных «сдвигов» и трендов, обозначаемых С. П. Капицей как «цивилизационный переход»: научно-технические инновации, ускорение исторического времени, рождающиеся на наших глазах (буквально революционные) образы будущего и т.д. В результате произошедших изменений в различных сферах и областях действительности фиксируется понижение эффективности традиционных механизмов и практик, некогда стабилизирующих и упорядочивающих социокультурную реальность. Не становятся исключением и воспроизводимые досуговые практики поколений Y (*миллениалы, поколение Сети, поколение большого пальца* – люди, родившиеся в 1989–1999 годы) и Z (*цифровое поколение, поколение Интернета, поколение юзеров, цифровые люди* – те, кто рождены в 2003–2023 годы), в том числе – в области читательской деятельности [24].

По справедливому замечанию В. К. Степанова: «XXI век – эпоха, в которой самой постоянной вещью становятся изменения. Ширящееся с каждым годом проникновение цифровых технологий модернизирует, порой до неузнаваемости, все без исключения сферы человеческой жизни [21, с. 34]».

Цифровая реальность трансформирует устойчивые читательские практики и фор-

мирует особый тип интернет-ориентированной детской и юношеской аудитории [3; 6; 18], для которой традиционные формы продвижения и восприятия книги связываются с режимом ретроориентированности и символического устаревания. Это требует выявления и систематизации ключевых стимулов активизации читательской деятельности в детской и юношеской аудитории, наиболее популярных в этой среде практик чтения, а также разработки и внедрения цифровых форматов освоения художественной литературы, адекватных запросам и предпочтениям поколения XXI века.

В данном случае мы можем говорить о ситуации, обозначаемой М. Ю. Гудовой как *постграмотность* (вслед за М. Маклюэном, исследующим культурные трансформации, порождённые интенсивным развитием медиа), представляющей собой социокультурное явление, при котором пользовательская компьютерная грамотность и вовлечённость в процесс виртуального общения преобладают над традиционной грамотностью; сетевое электронное общение – над общением реальным, а электронное экранное чтение – над чтением книжным [5].

Другими словами, мы можем фиксировать проблемные аспекты, связанные не столько с кризисом чтения как социокультурной практики, сколько с устареванием

в восприятии молодёжной и подростковой аудитории *традиционных форм* (книга в текстовом формате, удовлетворение читательских предпочтений в библиотеках), *репрезентирующих данную практику*. Усиление динамики современной жизни, развитие технических средств коммуникации, хранения и передачи информации, повышение мобильности детской и юношеской аудитории в освоении цифровых форматов требуют актуализировать деятельность по реагированию на указанные тренды. Библиотечным сообществом остро осознаётся необходимость адаптации традиционных институций к инновационному развитию эпохи. Как подчёркивает Г. А. Иванова: «... осмысление теоретических и методических аспектов воспитания творческих читателей позволяет не только увидеть сложность этого процесса, влияние на него средств массовой информации, системы образования (и не только литературного), культуры общества, окружающей среды, но и осознать значение библиотеки как активного социального института поддержки и развития чтения [8, с. 164]».

В настоящее время в России заметны усилия, направленные на удержание ценности чтения на институциональном уровне; в частности, утверждена Концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации [10], осуществляется региональная программно-проектная деятельность (программы развития чтения в Республиках Карелия, Калмыкия, Хакасия, Саха (Якутия), Челябинской, Ленинградской, Ульяновской, Самарской областях, в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах); интенсивно проводятся профильные конференции и мероприятия соответствующей тематики [3].

Однако, несмотря на перспективность и известную результативность осуществляемых усилий, можно фиксировать существенное отставание исследовательских практик от происходящих изменений. Последнее ведёт к архаизации управленческих решений в сфере влияния на читательские процессы. В ситуации интенсивного внедрения цифровых форматов освоения книжной культуры (и художественной литературы как её основы), в ситуации постграмотности и доминирующего влияния digital-среды от научного сообщества требуется активная «ревизия» сложившихся подходов к анализу книжной культуры.

Анализ существования книжной культуры в условиях информационного общества обобщён в исследованиях М. Ю. Гудовой (культурологический анализ чтения в эпоху постграмотности [5]), Б. В. Ленского (актуализирующего проблематику будущего книги и книжной культуры в информационном обществе [13; 14]), Н. В. Лопатиной (сопряжение перспектив книжной культуры и информационного общества [15]); М. М. Назарова и П. А. Ковалева (на материале социологических замеров представивших изменения современных практик чтения в условиях влияния медиатехнологий [17]); Я. Л. Шрайберга (взаимодействие библиотек и интернет-технологий, представляющее, по мысли автора, как «единство и борьба противоположностей и загадочные перспективы в изменяющейся социокультурной и информационной среде» [23]). Д. К. Равинский обращает внимание на то, что и на Западе пытаются выработать новые методологические подходы к изучению читателей, грамотности чтения и функциональной грамотности в реалиях новых информационных технологий и развития мультимедийных носителей текста [19].

Научно-исследовательские изыскания, направленные на выявление мотивации чтения, построение типологий читательских интересов и запросов (с опорой на массовые опросы), представлены в работах российских исследователей И. А. Бутенко, Л. Д. Гудкова, Б. В. Дубина, Н. М. Зоркой, М. М. Назарова, С. Н. Плотникова; институционализировались в специальных исследовательских организациях, осуществляющих мониторинг читательских предпочтений (Межвузовский центр исследования чтения и информационной культуры, Фонд чтения имени Н. А. Рубакина, Левада-центр и другие). Эмпирическая исследовательская информация содержится в материалах Российской государственной детской библиотеки, материалах конференции по подготовке программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации, состоявшейся в 2018 году; исследованиях ГПНТБ СО РАН (2013–2016) «Традиции и современные тенденции в развитии книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» – в контексте практик трансформации книжной культуры под влиянием компьютерных технологий. История детского и подросткового чтения в России и за рубежом осмыслена в фундаментальных исследовательских трудах Г. А. Ивановой, Т. И. Михалевой, И. М. Немчиновой, В. П. Чудиновой и других.

Тем не менее сама разноуровневая и многоаспектная картина предпочтений современных читателей, фиксация факторов и обстоятельств, оказывающих стимулирующее воздействие на читательскую активность в век цифровой культуры, кардинальная ломка коммуникативных практик требуют существенного обновления и актуализации исследовательских стратегий, направленных на понимание нового сетевого пространства существования книги.

В современной информационно-коммуникативной культуре и сетевом пространстве существуют и активно развиваются различные формы представленности книжной культуры:

- сетевая (оригинальный контент) и оцифрованная (версия печатной продукции) литература;
- электронные библиотеки и порталы;
- традиционные библиотеки в цифровом формате: электронные каталоги, удалённый доступ, взаимодействие с читателями на сайтах, в блогах, социальных сетях и т.д.;
- литературные форумы и сообщества читателей в социальных сетях, буктьюберство в различных вариантах;
- онлайн-киноклубы, семинары, открытые лекции, дискуссионные веб-площадки, вебинары, связанные с книгой и чтением;
- профессиональные и непрофессиональные формы рекомендации книги: сайты книгоиздательских и книготорговых организаций, отдельных писателей и иные ресурсы, которые ещё предстоит выявить и систематизировать.

Интересна тенденция увеличения количества субкультур, ценностные ориентации которых связаны с миром книги и чтения. В настоящее время в актуальном российском информационном пространстве присутствуют: киберпанки, ванильки, нью-эйдж (New Age), фуммри, ролевики, анимешники (отаку), толкинисты, поттероманы, лукьянисты, акунисты, девочки-«винишко» и т.д. Например, киберпанки увлекаются произведениями жанра антиутопии (У. Гибсон, Ф. Дик, С. Лем, С. Лукьяненко, Д. Симмонс, Б. Стерлинг, Т. Уильямс и другие); ванильки и близкие к ним по духу девочки-«винишко» – псевдофилософской литературой и литературой романтической тематики; представители нью-эйдж тяготеют к чтению литерату-

ры, культивирующей духовное самосовершенствование; ролевика в основном выбирают произведения в жанре фэнтези, которые дают им возможность создавать игровые сценарии: Дж. Р. Р. Толкина («Хоббит», «Властелин колец»), Дж. Роулинг (серия «Гарри Поттер»), Дж. Р. Мартина (цикл романов, по которому снят сериал «Игра престолов»), С. Лукьяненко (серия «Дозоры»), Д. Глуховского (серия «Метро 2033») и т.д.

Однако названные формы, обладающие, безусловно, мощным потенциалом воздействия на современную аудиторию, всё же рассчитаны на читательский сегмент, осознающий ценность чтения и стремящийся к расширению «зоны контакта» с книгой и в виртуальной среде [20].

Вместе с тем очевидно, что значительная часть детской и юношеской аудитории дистанцируется от книжной культуры, не включена как в традиционные, так и в авангардные (сетевые) формы взаимодействия с книгой и в целом не отличается сформированной потребностью в расширении и углублении обозначенных контактов.

В сложившейся ситуации требуются новые стратегические и тактические решения по стимулированию читательской деятельности; назрела потребность оперативной фиксации актуальных (и регулярно обновляемых) практик чтения молодёжи; выявления их зависимости от носителей текста, изменившихся способов и средств чтения, организации его пространства в цифровом режиме, в активном взаимодействии с визуальными и медийными форматами [7; 8].

В частности, при анализе проблем современного чтения представляется необходимым использование комплекса опросных методов и методик (традиционный опрос, онлайн-опрос, методика фокус-групповых дискуссий), направленных:

- на выявление взаимосвязи между ценностными ориентациями (вербальный, поведенческий и эмоциональный компоненты) и читательской активностью детской и юношеской аудитории;
- на выявление основных стимулов чтения и социально-психологических механизмов побуждения к чтению;
- на фиксацию наиболее значимых для детей и юношества каналов распространения информации;
- на выявление роли интернет-технологий как потенциального ресурса стимулирования читательской деятельности респондентов (используемые ресурсы, степень и формы сетевой активности, участие в сообществах, посещение интернет-ресурсов, связанных с книгой и чтением);
- на выявление немассовых культурных практик детской и юношеской аудитории в зависимости от воздействия различных факторов (социально-демографических, социально-психологических, социокультурных и других).

Ценные результаты могут быть получены при изучении ряда документов в бумажной и электронной формах, позволяющих фиксировать проблемы, цели, задачи, формы и читательское назначение мероприятий (действий, событий, акций и т.д.). Подобный анализ должен сопровождаться выявлением эффективности данной деятельности по критериям социальной необходимости, социальной полезности и социальной привлекательности¹.

И если речь идёт о цифровом поколении (потенциальных или реальных) чита-

¹ Критерии социальной эффективности деятельности библиотек по продвижению чтения разработаны Е. И. Кузьминым, Э. А. Орловой, И. А. Урминой [11], однако выработанные ими критерии применимы и для других институтов, осуществляющих эту работу, в частности образовательных учреждений.

телей, особый интерес представляет анализ широкого спектра интернет-ресурсов, значимых для развития читательской деятельности молодёжи: сайтов институтов инфраструктуры чтения, содержания книжно-литературно-читательских блогов (в том числе букстаграмеров и буктьюберов), сетевых профессиональных и непрофессиональных рекомендательных сервисов и иных ресурсов, которые могут быть использованы в реализации культурного посредничества между читателем и произведениями письменной культуры.

Одним из результатов подобной работы может стать выявление возможностей Web 2.0 в практике работы по поддержке и развитию чтения (мультимедийные тексты и опросы, интерактивные презентации, облака слов, ленты времени, коллективный майдмэппинг, интерактивные онлайн-доски, интерактивные карты, конструкторы интерактивных заданий, скрайбинг, сторителлинг, веб-миксы); виртуальное представительство институтов инфраструктуры чтения в сетевом пространстве (блого-сфера, сайты, вики-среда, социальные сети, буктьюб, видеоблоги, социальная реклама); сетевая проектная деятельность (сетевые активности, сетевые библиотечные проекты) [9]; демонстрация возможностей и ситуаций применения интернет-ресурсов, сервисов и технологий в системе работы по поддержке и развитию чтения с примерами и ссылками на имеющийся опыт работы в этом направлении.

Наиболее значимым в данной работе представляется исследование различных форм коммуникации молодёжных групп по поводу книги и чтения. Эвристичность результатов могут обеспечить следующие ключевые вопросы: «Представители каких социокультурных групп входят в те или иные

сообщества»?; «Какие формы коммуникации ими практикуются»?; «Какие литературные явления становятся предметом обсуждения»?; «Какие читательские предпочтения проявляются»?; «С помощью каких лексических средств выражается отношение к прочитанному»?; «Какие рекомендуемые признаки используются»? и т.д.

Перспективным и актуальным направлением изучения читательских интересов на современном этапе является анализ целевых документов: ультра-коротких (не более 700 знаков с пробелами) эссе «Чтение, XXI век», собранных с помощью сетевого пространства (социальной сети, школьных, вузовских и библиотечных сайтов и других), а также сбор драбблов на тему «Я и книги» или «Я читаю»¹. Драббл, посвящённый художественному произведению, может стать фанфиком, написанным по собственному почину производным литературно-художественным произведением. Изучение фанфиков позволит понять, какие именно произведения затронули молодых людей в наибольшей степени, что именно для них оказалось наиболее значимым, какие темы и сюжетные линии вызвали у них определённые переживания и т.д. Драбблы также могут быть использованы при выявлении не всегда артикулируемых ожиданий от различных институтов книжного дела, скрытых потребностей (темой драббла, например, может быть визуальный стимул, где обыгрывается тема человеческой головы и библиотеки).

Драбблы, фанфики, буктрейлеры, различные мультимедийные продукты, созданные молодыми людьми в результате про-

¹ Драббл – зарисовка, короткая история длиной не больше 300 слов. В классическом варианте – 100, но в России прижился вариант с 300 словами. Информация почерпнута на сайте <https://ficbook.net/readfic/1414198>

ектной деятельности, могут оказаться богатейшим средством изучения читательских предпочтений, особенностей восприятия и дать ответы на вопросы: «Какие конкретно произведения привлекают молодых людей?»; «Какие аспекты книги представляются для них наиболее значимыми, какие герои – наиболее привлекательными?»; «Что именно они выделяют в качестве основного для себя, что конкретно они визуализируют, а для чего находят вербальные средства?»; «С помощью каких текстовых, аудиальных, лингвистических, пространственных и визуальных ресурсов передают своё впечатление о книге?» и т.д. Мультимедийные продукты, созданные молодыми людьми, должны быть подвергнуты внимательнейшему контент-анализу, который может дать намного больше информации, чем традиционный опрос.

Выявление наиболее результативных практик стимулирования читательской деятельности учащейся молодёжи на основе создания молодыми людьми различных продуктов творческой деятельности с их последующим анализом – направление исследования, базирующееся на экспериментальных стратегиях (в частности, на использовании телекоммуникационных проектов в качестве стимула повышения читательской активности молодёжи и развития её медийно-информационной грамотности). Эти проекты предполагают выполнение заданий различного уровня сложности в дистанционном режиме в ходе игровой познавательной деятельности и создания собственных мультимедийных продуктов на основе постановки целей, решения задач, связанных с выявлением, отбором, экспертизой и освоением как традиционных бумажных источников, так и интернет-ресурсов. Подобные проекты хорошо зарекомендовали себя в системе стимулирования читательской деятель-

ности школьников-подростков [9] и могут быть распространены на другие категории учащейся молодёжи. В библиотечных условиях могут быть апробированы такие популярные в молодёжной среде формы, как бар-кемпы (международная сеть конференций), разнообразные квесты, выступления в формате «печа-куча» и иные формы.

Главным результатом внедрения актуальных исследовательских стратегий должен стать комплексный анализ современных форматов освоения художественной литературы, адекватных запросам и предпочтениям аудитории XXI века, возможность определения дифференцирующих оснований взаимодействия институтов инфраструктуры чтения с детской и юношеской аудиторией [1; 2] и адаптации их действий по активизации читателей к изменившейся цифровой реальности.

В настоящее время в Челябинске разрабатываются программы двух масштабных исследований: «Чтение российской молодёжи в век цифровых технологий: стимулы и практики», «Детское и юношеское чтение в эпоху цифровой реальности: актуальные форматы продвижения книжной культуры», инициированные Центром чтения и Институтом культурной политики и проектного менеджмента Челябинского государственного института культуры. Стратегия исследований связана с научным направлением Digital Humanities: методология и практика исследования социокультурных последствий цифровых технологий, критический анализ их возможностей и ограничений в гуманитарных науках и образовании. Опыт внедрения цифровых технологий в гуманитарную сферу – проблематика, вызывающая интерес современных исследователей [4; 12; 16]. На основе применения методологии Digital Humanities возможно внедрение особой про-

ектной стратегии, обозначенной нами как «book-геймификация»: разработка цифрового продукта – компьютерных игр для детей и юношества, основанных на различных способах и форматах адаптации и популяризации литературы в игровом режиме (это может быть серия компьютерных игр на основе сюжета литературного произведения, биографии писателя, идентификации с героями произведений).

В целом обозначенные исследовательские и проектные стратегии могут рассматриваться как основа для теоретических и методических решений, связанных со сбо-

ром и анализом эмпирического материала, разработкой проектов социально-культурной деятельности по популяризации книжной культуры и чтения среди детской и молодёжной аудиторий.

Названные исследования в той или иной мере направлены на фиксацию ключевых стимулов чтения среди детской и юношеской аудиторий, выявление основных практик чтения, читательской деятельности и на систематизацию на основе полученных данных наиболее востребованных форматов, позволяющих создавать новые образы будущего книги.

Примечания

1. Аскарова В. Я. Возможности искусствоведческого, социологического, культурологического и иных подходов к исследованию читательской и литературной моды // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2009. № 3 (19). С. 105–119.
2. Аскарова В. Я., Качева Е. В. Школьная библиотека как системообразующий фактор развития читательской культуры современной школы // Чтение+ : учебно-методическое пособие : подготовка педагогов к реализации междисциплинарной программы «Основы смыслового чтения и работа с текстом» / Т. Г. Галактионова, Е. О. Галицких, Е. И. Казакова и др. ; научный редактор: Т. Г. Галактионова. Санкт-Петербург : Лема, 2017. С. 58–73.
3. Актуальные проблемы детского чтения и подготовки педагогов-библиотекарей : сборник материалов международной научно-практической конференции / науч. ред.: Г. А. Иванова, А. С. Матвеева. Москва : МГУКИ, 2013. 167 с.
4. Голенок М. П., Осипова Н. О. Digital humanities: проблемное поле и перспективы развития // Научное обозрение : Международный научно-практический журнал. 2018. № 1. С. 7–10.
5. Гудова М. Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ : дис. на соиск. учёного степен. доктора культурологии : 24.00.01 / Гудова Маргарита Юрьевна ; Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина. Екатеринбург, 2015. 329 с.
6. Гушул Ю. В., Тесля Е. В. Сервис-ориентированные технологии библиотечно-библиографического обслуживания и поддержки чтения поколения Z // Вестник культуры и искусств. 2018. № 3 (55). С. 45–53.
7. Зубанова Л. Б. Визуальная и книжная культура: идеология информационно-медийных предпочтений // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (260). С. 55–59.
8. Иванова Г. А. Поддержка и развитие детского и юношеского чтения как приоритетное направление библиотечной педагогики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 6 (80). С. 162–167.
9. Качева Е. В. Роль и место сетевых библиотечных проектов в образовательном процессе школы // Вестник культуры и искусств. 2017. № 2 (50). С. 61–69.
10. Концепция Национальной программы поддержки детского и юношеского чтения в Российской Федерации. Москва : Б. и., 2016. 25 с.
11. Кузьмин Е. И., Орлова Э. А., Урмина И. А. Оценка социальной эффективности деятельности по продвижению чтения [Электронный ресурс]. URL: <https://refdb.ru/look/2624868.html>
12. Лаптева М. А., Гордеева Е. А. Digital Humanities в России: перспективы развития // Прикладная информатика. 2018. Том 13. № 1 (73). С. 44–51.

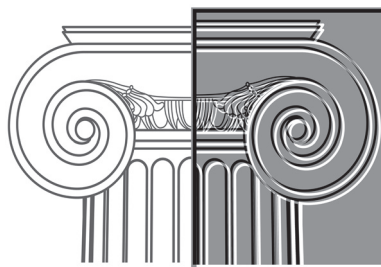
13. Ленский Б. В. Будущее книги в информационном веке // Вестник Московского государственного университета печати имени Ивана Федорова. 2011. № 3. С. 67–85.
14. Ленский Б. В. Перспективы развития книжной культуры в информационном обществе // Книга. Исследования и материалы. 2011. Том 2. № 94.
15. Лопатина Н. В. Книжная культура информационного общества // Культура: теория и практика. 2016. № 5–6 (14–15).
16. Можяева Г. В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9. С. 8–23.
17. Назаров М. М., Ковалев П. А. Изменение медиасреды и современные практики чтения // Социологические исследования. 2017. № 2 (394). С. 84–95.
18. Пошехонова В. А. Образовательная гуманитарная технология цифрового поколения // Педагогическое образование в России. 2018. № 5. С. 13–20.
19. Равинский Д. К. Чтение. Грамотность. Библиотеки: что сейчас обсуждают на Западе // Кризис чтения: энергия преодоления : сборник научно-практических материалов / редактор-составитель В. Я. Аскарова. Москва : МЦБС, 2013. С. 53–65.
20. Рубанова Т. Д. Поддержка чтения в пространстве книжных социальных сетей // Вестник культуры и искусств. 2018. № 3 (55). С. 45–53.
21. Степанов В. К. Библиотеки цифровой эпохи: к разработке стратегии и тактики преобразований // Современная библиотека. 2014. № 9. С. 34–36.
22. Степанов В. К. Больше, чем книги: библиотека и библиотекари в мире, где меняется всё // Научные и технические библиотеки. 2017. № 1. С. 19–25.
23. Шрайберг Я. Л. Библиотеки и интернет: единство и борьба противоположностей и загадочные перспективы в изменяющейся социокультурной и информационной среде : ежегодный доклад Конференции «Крым». Год 2014 // Научные и технические библиотеки. 2014. № 10. С. 5–51.
24. Шамис Е., Никонов Е. Теория поколений. Необыкновенный Икс. 2-е изд., стер. Москва : Университет Синергия : Школа Бизнеса, 2017. 138 с.

References

1. Askarova V. Ya. Vozmozhnosti iskusstvovedcheskogo, sotsiologicheskogo, kul'turologicheskogo i inykh podkhodov k issledovaniyu chitatel'skoy i literaturnoy mody [Possibilities of art history, sociological, cultural and other approaches to the study of reading and literary fashion]. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2009, no. 3 (19), pp. 105–119.
2. Askarova V. Ya., Kacheva E. V. Shkol'naya biblioteka kak sistemoobrazuyushchiy faktor razvitiya chitatel'skoy kul'tury sovremennoy shkoly [School library as a backbone factor in the development of the reading culture of the modern school]. In: Galaktionova T. G., ed. *Chteniyev+: uchebno-metodicheskoye posobiye: podgotovka pedagogov k realizatsii mezhdistsiplinarnoy programmy "Osnovy smyslovogo chteniya i rabota s tekstom"* [Reading+: teaching aid: preparing teachers for the implementation of the interdisciplinary program "Fundamentals of semantic reading and working with text"]. St. Petersburg, Publishing house "Lema", 2017. Pp. 58–73.
3. Ivanova G. Ya., Matveeva A. S., eds. *Aktual'nye problemy detskogo chteniya i podgotovki pedagogov-bibliotekarey. Sbornik materialov mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Actual problems of children's reading and teacher training for librarians. A collection of materials of the international scientific-practical conference]. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2013. 167 p.
4. Golenok M. P., Osipova N. O. Digital Humanities: a problematic sphere and development tendency. *Scientific Review. The international scientific and practical journal*. 2018, no. 1, pp. 7–10. (In Russian)
5. Gudova M. Yu. *Chtenie v epokhu postgramotnosti: kul'turologicheskii analiz. Diss. dok. kul'tur. [Reading in the era of post-literacy: cultural analysis. Doc. Cultural Studies diss.]*. Ekaterinburg, 2015. 329 p.

6. Gushul Yu. V., Teslya E. V. Forms of library service in support of generation z reading. *Culture and Arts Herald*. 2018, no. 3 (55), pp. 45–53. (In Russian)
7. Zubanova L. B. Vizual'naya i knizhnaya kul'tura: ideologiya informatsionno-mediynykh predpochteniy [Visual and book culture: ideology of information and media preferences]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2012, no. 5 (260), pp. 55–59.
8. Ivanova G. A. Support and development of children's and young people's reading as a priority area of library pedagogy. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2017, no. 6 (80), pp. 162–167. (In Russian)
9. Kacheva E. V. The role and place of network library projects in the educational process of the school. *Culture and Arts Herald*. 2017, no. 2 (50), pp. 61–69. (In Russian)
10. *Kontsepsiya Natsional'noy programmy podderzhki detskogo i yunosheskogo chteniya v Rossiyskoy Federatsii [The concept of the National program of support for children and youth reading in the Russian Federation]*. Moscow, 2016. 25 p.
11. Kuzmin E. I., Orlova E. A., Urmina A. A. Otsenka sotsial'noy effektivnosti deyatelnosti po prodvizheniyu chteniya [Evaluation of the social effectiveness of reading promotion activities]. Available at: <https://refdb.ru/look/2624868.html>
12. Lapteva M. A., Gordeeva E. A. Digital Humanities in Russia: development prospects. *Journal of Applied Informatics*. 2018, vol. 13, no. 1 (73), pp. 44–51. (In Russian)
13. Lensky B. V. Budushchee knigi v informatsionnom veke [The future of the book in the information age]. *Bulletin of the Moscow State University of Printing Arts*. 2011, no. 3, pp. 67–85.
14. Lensky B. V. Perspektivy razvitiya knizhnoy kul'tury v informatsionnom obshchestve [Prospects for the development of book culture in the information society]. *Kniga. Issledovaniya i materialy [Book. Research and materials]*. 2011, vol. 2, no. 94.
15. Lopatina N. V. Book culture in the information society. *Culture: theory and practice*. 2016, no. 5–6 (14–15). (In Russian)
16. Mozhaeva G. V. Digital Humanities: digital turn in the humanities. *Humanitarian informatics*. 2015, no. 9, pp. 8–23. (In Russian)
17. Nazarov M. M., Kovalev P. A. Media landscape changes and current reading practices. *Sociological Studies*. 2017, no. 2 (394), pp. 84–95. (In Russian)
18. Poshekhonova V. A. The humanities educational technology of the digital age. *Pedagogical Education in Russia*. 2018, no. 5, pp. 13–20. (In Russian)
19. Ravinsky D. K. Chtenie. Gramotnost'. Biblioteki: chto seychas obsuzhdayut na Zapade [Reading. Literacy. Libraries: what is being discussed in the West]. In: Askarova V. Ya., ed. *Krizis chteniya: energiya preodoleniya. Sbornik nauchno-prakticheskikh materialov [Reading crisis: energy to overcome. A collection of scientific materials]*. Moscow Published by Interregional Center for Library Cooperation, 2013. Pp. 53–65.
20. Rubanova T. L. Support of reading in books social networks environment. *Culture and Arts Herald*. 2018, no. 3 (55), pp. 45–53. (In Russian)
21. Stepanov V. K. Biblioteki tsifrovoy epokhi: k razrabotke strategii i taktiki preobrazovaniy [Libraries of the digital age: to the development of strategy and tactics of transformations]. *Sovremennaya biblioteka [Modern Library]*. 2014, no. 9, pp. 34–36.
22. Stepanov V. K. Libraries and librarians in the world where everything is changing. *Scientific and Technical Libraries*. 2017, no. 1, pp. 19–25. (In Russian)
23. Shrayberg Ya. L. Libraries and Internet: unity and struggle of opposites and mysterious prospects in changing sociocultural and information environment. “Crimea-2014” Conference Annual Paper. *Scientific and Technical Libraries*. 2014, no. 10, pp. 5–51. (In Russian)
24. Shamis E., Nikonov E. *Teoriya pokoleniy. Neobyknovennyy Iks [Theory of generations. Unusual X]*. 2nd edition. Moscow, Published by University “Sinergiya”, 2017. 138 p.

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

К

УЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ ПАРКА КАК ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА АКТИВНОГО ДОСУГА

УДК 71:364.446

Н. В. Шарковская

Московский государственный институт культуры

В статье раскрыты созидательные смыслы парка как открытого общественного пространства организации активного досуга. Выделены существенные признаки общезначимых вех становления и развития отечественной садово-парковой культуры. Дана содержательная характеристика центровым функциям парка: мировоззренческой, просветительной, прогностической, способствующим развитию наглядно-образного мышления посетителей, реализации разных видов культурной деятельности, в том числе межкультурной досуговой коммуникации. Обозначена роль социальных взаимодействий в подсистемах «человек – человек», «человек – природная среда», «человек – культурные ценности» при создании культуротворческого пространства как в традиционных (парк культуры и отдыха), так и в инновационных (парк настоящего будущего, кемпинг-парк) видах парка. Конкретизирована система их принципов: культуросообразности и природосообразности, гуманизма и ценностных установок, преемственности культурных досуговых традиций, ненасилия как способности позитивного отношения к другим людям, окружающей природной среде.

Ключевые слова: садово-парковая культура, личность, парк, функции парка, социальное взаимодействие, активный досуг.

N. V. Sharkovskaya

Moscow State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CULTURAL SENSE OF THE PARK AS A PUBLIC SPACE OF ACTIVE LEISURE

The article reveals the creative meanings of the park as an open public space for the organization of active leisure. Significant signs of universally significant milestones in the formation and development of the national landscape gardening culture are highlighted. An informative characteristic is given to the center functions of the park: ideological, educational, prognostic, contributing to the development of visual and imaginative thinking of visitors, the implementation of various types of cultural activities, including

---

ШАРКОВСКАЯ НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SHARKOVSKAYA NATALIYA VLADIMIROVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Departments of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: 7948493@mail.ru
© Шарковская Н. В., 2018

intercultural leisure communication. The role of social interactions in the subsystems “man-man”, “man-natural environment”, “man-cultural values” when creating cultural space in traditional (culture and recreation park), and in innovation (the park of the present future, camping park) views of the park. The system of their principles was concretized: culture and nature, humanism and values, succession of cultural leisure traditions, non-violence as an ability of a positive attitude towards other people around the natural environment.

Keywords: landscape gardening culture, personality, park, park functions, social interaction, active leisure.

Для цитирования: Шарковская Н. В. Культуротворческие смыслы парка как общественного пространства активного досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 104–110.

«Многоликость» осмысления созидательной сущности парка – публичного озеленённого пространства, предназначенного для свободного времяпрепровождения посетителей; доступной территории, в которой воплощена идея осуществления человеком субъективного восприятия окружающей природы, а также приобщения к системе моральных ценностей, – характерна для организационных процессов упорядочивания культурной жизнедеятельности всех обществ и социальных групп.

Прообраз отечественного парка в виде особой сферы русской садово-парковой культуры, которая своими истоками уходит в глубокую древность, а последующее её развитие связывается со сводом правил «Кормчей книги» – сборника церковных и светских законов (XIII век), восходит к созданию монастырских садов, которые можно причислить к средневековым моделям европейских садов. Так, московским садам, тесно связанным с территориальным устройством города и повседневным бытом людей, были присущи колоритность пейзажа обжитой природы и художественное своеобразие способов выражения их практической пользы. Археолог, специалист по истории города Москвы И. Е. Забелин в работе «Московские сады в XVII столетии» отмечал, что «... о садах боярских с прудами упоминается ещё в актах XVI сто-

летия [5, с. 19]», а «обозрение московского садоводства в первой половине XVII столетия заключалось двумя статьями X главы Соборного уложения царя Алексея Михайловича, из которых статья 221 касается создания садов как части хозяйства весьма важной в домашнем быту и распространённой в Москве [4, с. 5]». В данном труде представлено подробное описание всех дворцовых садов Москвы, «к устройству которых государь Алексей Михайлович приступил в 1666 году, в том числе: Аптекарского сада, трёх садов села Измайлово, шести садов села Коломенское [5, с. 24]», а также непосредственно досуговых увлечений царя, в том числе соколиной охотой.

Активное развитие российской садово-парковой культуры первой половины XVIII века связано с именем Петра I. Регулярные сады и парки: Летний сад, парки Петергофа и Стрельны – это центры культуры и общественной жизни, место сосредоточения произведений искусства и различных природных раритетов. Они предназначались «не только для празднеств и прогулок, но и приобщения к широкому кругу гуманитарных знаний, истории, мифологии и общественно-политическим проблемам своего времени [7, с. 12]». Летний сад (1704), в котором был создан первый в России скульптурный лабиринт, посвящённый басням Эзо-

па, один из основных и наиболее полно сохранившихся памятников садово-паркового творчества Петровской эпохи.

Именно во второй половине XVIII века началось интенсивное совершенствование усадебного пейзажного парка, которым как раз отличается отечественная садово-парковая культура. Отвечая культурно-историческим, природным реалиям, данный тип парка, примером которого являлся Богородицкий парк в Тульской губернии, спроектированный А. Т. Болотовым (1783), был не только произведением садового зодчества, но и пространством активного досуга, предназначенным для прогулок, чтения книг, в частности романов, обмена полезными знаниями о садоводстве, земледелии и т.д. [2]. Многочисленные статьи А. Т. Болотова по садово-парковому искусству, написанные в стиле диалога с читателем в издаваемых им журналах «Сельский житель. Экономическое в пользу сельских жителей служащее издание» (1776–1779) и «Экономический магазин» (1780–1790), отражали суть его эстетических взглядов на значимость творческого подхода к созданию русского типа парка как «художественного произведения самой природы [1, с. 224]».

Организация культурной жизнедеятельности в садах, парках XIX века, связанная с возрождением идеи творческого обустройства «зелёных апартаментов», созданием благоприятной рекреационной среды в камерных природных ландшафтных зонах, способствовала пробуждению к ним познавательного интереса среди широких слоёв городского населения. Это, в свою очередь, стимулировало появление такой разновидности садово-парковых учреждений, как художественные центры при усадьбах, которые стали существенным культурным явлением, способным объединить созидательные за-

мысли художников, музыкантов, скульпторов, театральных деятелей. Одновременно с ними стали появляться усадебные библиотеки – самостоятельная организационная структура, направленная на реализацию духовных потребностей, целевых предпочтений их владельцев в приобщении читателей, посетителей к общечеловеческим культурным ценностям, в том числе к ценности познания специфики паркового искусства.

Значимость культуротворческих смыслов парка XX века, отражённая в работах Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачёва, Е. В. Триодина, Ю. Д. Красильникова и других, прослеживается как на вербальном (культурный текст как «смысловой генератор» участников коммуникации), так и невербальном (общечеловеческие символы, инициативные формы организации свободного времени, фотографии) уровнях социального поведения посетителей в конкретной парковой микросреде. Если к известным видам парка в контексте создания социокультурных условий реализации духовных потребностей и ценностно-смысловых ориентаций участников парковой рекреации исследователи относят парки культуры и отдыха, парки скульптур, то к инновационным – парки настоящего будущего, кемпинг-парки, этнопарки, парки развлечений (тематический парк, парк аттракционов), археопарки и т.д.

Так, центровые функции парка культуры и отдыха в плане их структурной упорядоченности – это *мировоззренческая* функция, способствующая выработке наглядно-образного мышления посетителей, характеризующегося отражением многообразия ценностных характеристик парка, упорядоченности их существования; *просветительная* функция, связанная с реализацией разных видов культурной деятельности, в том числе межкультурной досуговой коммуни-

кации; *прогностическая* функция, нацеленная на совершенствование процессов регуляции парковых норм, традиций, их социальной полезности и востребованности. Основными предназначениями этого традиционного типа парка при реализации творческих начинаний и любительских интересов посетителей, по мнению Ю. Д. Красильникова, выступают: рекреация, организация массового отдыха и развлечений, информационно-просветительная и физкультурно-оздоровительная работа [6, с. 323]. Динамичность и взаимообусловленность вышеуказанных функций, а также типичных их эквивалентов сопряжена с магистральными направлениями реализации социально-культурной деятельности, нацеленной на формирование культурной мотивации социального поведения конкретной личности посетителя, влияющей на способность к самостоятельной рефлексии в предметном общественном пространстве парка культуры и отдыха.

Сущностный смысл творческой ориентированности современных парков культуры и отдыха во многом обусловлен применением такого рода социально-культурных технологий, как рекреативные технологии, в том числе технологий формирования рекреационных потребностей личности, стимулирования рекреационной активности, организации рекреативной деятельности [3, с. 12]. Названные технологии позволяют оптимизировать процессы функционирования различных парковых зон и секторов, прежде всего физкультурно-спортивных, развлекательно-игровых, природоохранных. Именно в этих зонах и секторах реализуются культурно-досуговые программы и проекты, представленные в разных форматах: кинолектории под открытым небом, арт-перформанс, мастер-классы, фотоквесты, обра-

зовательные дебаты, экологические марафоны и экопикники, спортивные велогонки, народные праздники, а также фестивали, в том числе загородной культуры, клоунского искусства и т.д. Среди наиболее известных социокультурных проектов в московских парках культуры и отдыха выделяются: совместный проект Парка культуры и отдыха имени М. Горького и Московского академического Музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко – «Балет «Жизель»; выставочные проекты «Тайны мировой культуры» – презентация первого рукописного варианта Конституции Российской Федерации и церемония открытия первой в России Национальной школы красивого письма (природно-исторический парк «Сокольники»).

Обеспечивая свободный и самостоятельный выбор, а также добровольность участия, эти технологии способствуют созданию условий для «расширения социального и культурного опыта посетителей, мотивации их художественного творчества, осуществления личностной досуговой самореализации в природно-ландшафтной и социально-культурной среде [8, с. 14]». С позиции целеполагающей досуговой деятельности участников парковой рекреации их результативность прослеживается в активизации организационных, психолого-педагогических факторов как движущих сил процесса формирования их экологической культуры; в улучшении эмоционального и физического здоровья; стимулировании смысловых и целевых культуротворческих установок, ориентированных на приоритетность избрания тех или иных форм продуктивного проведения свободного времени.

Востребованность современным социумом инновационных моделей парка, прежде всего таких, как природно-ландшафт-

ный парк «Зарядье», кемпинг-парк, связана с глобальным общественным движением за охрану окружающей природной среды, экологическое просвещение людей. Реальная миссия деятельности парка «Зарядье», успешно соединяющего в себе социокультурную, рекреационную, просветительскую и коммуникативную функции, состоит в формировании творческого и ответственного отношения посетителей к российской природе. Среди основных задач парка выделяются: создание позитивной атмосферы для организации культурного досуга населения на основе разных видов рекреационной, выставочной и музейной деятельности; осуществление различных по тематической направленности социальных общекультурных массовых мероприятий, прежде всего информационно-просветительных, физкультурно-оздоровительных, экологических, с использованием природных и досугово-рекреационных комплексов парка. Являясь парком национального масштаба, «Зарядье» реализует культурно-просветительные задачи в научно-познавательном центре «Заповедное посольство», тематическом центре «Ледяная пещера», экспозиционном культурном комплексе и медицентре при поддержке ГУП «Природоохранный центр», РНИМУ имени Н. И. Пирогова, а также в экоцентре «Заповедники». В качестве аксиологической функции парка выступают следующие ценности-цели: *открытость* новым людям, идеям, технологиям, осознание исключительности и незаурядности каждого человека, природного явления и культурного феномена; поддержка *инициативы, активной социальной позиции* волонтеров в процессе участия во всех сферах жизни парка; *ответственное отношение* к культурному наследию и экосистеме парка; *междисциплинарность*, выраженная в сборе, трансляции знаний из

различных областей науки и культуры и отражённая в социокультурных проектах [11].

Кемпинг-парк – это современный парк активного досуга, предоставляющий культурные услуги в плане комфортного проживания на природе. Специфика его в том, что спроектированная культурная среда предназначена для самостоятельного комфортного проведения дней молодёжного, семейного отдыха в загородных лесах без нанесения им ущерба. Среди потенциальных мотивов, определяющих выбор типа кемпинг-парка, выделяются потребности в туристской рекреации, неформальном общении с друзьями, близкими людьми в новой роли кемпинг-туристов, обмене личностными ценностями как факторе регуляции досугового поведения на природе. Ведущие функции кемпинг-парков – социоэкологическая реабилитация посетителей и гедонистическая адаптация к природной составляющей среде обитания, сориентированные на познание окружающего мира природы при условии её целостного сохранения, – реализуются как в типовых моделях этого вида парка, так и в кластерах экологического и культурно-образовательного туризма (парк-музей «Этномир», парк птиц «Воробьи», Калужская область; природный парк «Птичья гавань», г. Омск и другие). Выступая в виде нестандартного типа экологического клуба, популяризирующего ценности экологического туризма, кемпинг-парки являются «модификацией поведения» отдыхающих в русле парадигмы «бережного отношения к природе [9, с. 22–23]».

Культуротворческое пространство не только традиционных, но и инновационных видов парка, нацеленное на восстановление общего эмоционального фона посетителей, психологических ресурсов их здоровья, трудоспособности, аккумулирует не-

сколько типов социальных взаимодействий, представленных:

- в подсистеме «человек – человек», критерием полезности которой является установление межличностных отношений в диалоге «Я – Ты», в котором проявляется как личная ответственность Я за Ты, основанная на осознании значимости друг для друга, коммуникативных средств досугового общения, так и социальная ответственность, базирующаяся на общности культурных потребностей, активном выражении собственного мнения, в частности – по вопросам организации культуротворческой среды парка;

- в подсистеме «человек – природная среда», предусматривающей достижение гармоничности сосуществования посетителя в парковом пространстве, основанной на эмоционально-нравственном его отношении к природному ландшафту парка, соблюдении морально-этических норм поведения как результата личностной культурной самоорганизации, успешной самореализации;

- в подсистеме «человек – культурные ценности», способствующей приобщению посетителя к системе ценностей парковой культуры; формированию его художественного вкуса восприятия открытых парковых пространств и композиций, стремле-

нию к разумному развлечению; желанию выстраивать отношения с окружающей природой, людьми на приоритетных основах сотрудничества [10, с. 116–117]. Продуктивность развития данных типов социальных взаимодействий в значительной мере обусловлена степенью определённости ключевых принципов их организации: культуросообразности и природосообразности, гуманизма и ценностных установок, преемственности культурных досуговых традиций, ненасилия как способности позитивного отношения к другим людям, окружающей природной среде.

Актуализация созидательных смыслов парка на личностном и деятельностном уровнях организации активного досуга посетителей обусловлена поиском продуктивных организационных, информационно-коммуникационных средств регулирования их социального поведения (привычных досуговых действий, целенаправленных творческих действий, жизненных стремлений), а также эффективных технологий, позволяющих реализовать духовные потребности каждого посетителя, в том числе в общей самоактуализации, раскрытии резервных креативных возможностей, а также в выборе форм собственной культурной активности.

Примечания

1. Вергунов А. П., Горохов В. А. Вертоград: садово-парковое искусство России (от истоков до начала XX века). Москва : Культура, 1996. 431 с.
2. Веселова А. Ю. Эстетика Андрея Тимофеевича Болотова : Литературная критика и садово-парковое искусство : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата филологических наук : 10.01.01 / Веселова Александра Юрьевна ; Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2000. 19 с.
3. Демченко О. А. Социально-культурные технологии рекреации городского населения в парках культуры и отдыха : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Демченко Олег Александрович. Москва, 2007. 23 с.
4. Забелин И. Е. Московские сады в XVII столетии. Часть I. Б/г., б/м. 15 с.
5. Забелин И. Е. Московские сады в XVII столетии. Часть II. Б/г., б/м. 30 с.
6. Киселева Т. Г., Красильников Ю. Д. Социально-культурная деятельность : учебник. Москва : МГУКИ, 2004. 539 с.

7. Кючарианц Д. А., Раскин А. Г. Сады и парки дворцовых ансамблей Санкт-Петербурга и пригородов. Санкт-Петербург : Паритет, 2003. 448 с.
8. Родионов И. М. Организационно-педагогические условия развития познавательной активности детей и подростков в деятельности парков культуры и отдыха : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Родионов Игорь Михайлович. Москва, 2011. 24 с.
9. Чахова Д. А. Кемпинг-парки как учреждения культуры нового типа. Казань : Бук, 2016. 44 с.
10. Шарковская Н. В. Социально-культурные институты: типология, содержание, деятельность : монография. Москва : МГИК, 2017. 148 с.
11. Официальный сайт ГАУК г. Москвы «Парк «Зарядье». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zaryadyepark.ru>

References

1. Vergunov A. P., Gorokhov V. A. *Vertograd: sadovo-parkovoe iskusstvo Rossii (ot istokov do nachala XX veka) [Vertograd: landscape art of Russia (from the origins to the beginning of the 20s century)]*. Moscow, 1996. 431 p.
2. Veselova A. Yu. *Eстетика Andrey Timofeevicha Bolotova: Literaturnaya kritika i sadovo-parkovoe iskusstvo. Avtoreferat diss. cand. filol. nauk [Aesthetics of Andrey Timofeevich Bolotov: Literary criticism and landscape art. Synopsis cand. filol. sci. diss.]*. St. Petersburg, 2000. 19 p.
3. Demchenko O. A. *Sotsial'no-kul'turnye tekhnologii rekreatsii gorodskogo naseleniya v parkakh kul'tury i otdykha. Avtoreferat diss. cand. ped. nauk [Social and cultural technologies of recreation of the urban population in parks of culture and recreation. Synopsis cand. ped. sci. diss.]*. Moscow, 2017. 23 p.
4. Zabelin I. E. *Moskovskie sady v XVII stoletii. Chast' 1 [Moscow gardens in the 17s century. Part 1]*. 15 p.
5. Zabelin I. E. *Moskovskie sady v XVII stoletii. Chast' 2 [Moscow gardens in the 17s century. Part 2]*. 30 p.
6. Kiseleva T. G., Krasilnikov Yu. D. *Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' [Social and cultural activity]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2004. 539 p.
7. Kyuchariants D. A., Raskin A. G. *Sady i parki dvortsovykh ansambley Sankt-Peterburga i prigorodov [Gardens and parks of palace ensembles of St. Petersburg and suburbs]*. St. Petersburg, Publishing house "Paritet", 2003. 448 p.
8. Rodionov I. M. *Organizatsionno-pedagogicheskie usloviya razvitiya poznavatel'noy aktivnosti detey i podrostkov v deyatel'nosti parkov kul'tury i otdykha. Avtoreferat diss. cand. ped. nauk [Organizational and pedagogical conditions for the development of cognitive activity of children and adolescents in the activities of recreation parks. Synopsis cand. ped. sci. diss.]*. Moscow, 2011. 24 p.
9. Chakhova D. A. *Kemping-parki kak uchrezhdeniya kul'tury novogo tipa [Camping parks as a new type of cultural institution]*. Kazan, 2016. 44 p.
10. Sharkovskaya N. V. *Sotsial'no-kul'turnye instituty: tipologiya, sodержание, deyatel'nost' [Social and cultural institutions: typology, content, activity]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 148 p.
11. *Official site of the Zaryadye Park*. Available at: <https://www.zaryadyepark.ru>

*

М ОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 37.017.4:379.8

Д. В. Шамсутдинова

Казанский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации

В статье обосновано применение метода теоретического моделирования в решении задач педагогической теории социально-культурной деятельности. Представлена центрическая модель социально-культурного процесса в системе формирования гражданско-правовой культуры молодёжи. Принципиальное отличие центрической модели от других моделей состоит в использовании так называемых колец, которые состоят из научно-практических дидактических единиц определённой области знания. Логика проектирования такой модели основана на дроблении информации на отдельные блоки с целостным и завершённым содержанием. Автором предложена трактовка формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в условиях социально-культурной деятельности как системной совокупности инновационных процессов, определяющих качество гражданско-правовой культуры, базирующейся на общесистемном принципе дифференцированного подхода и представляющей собой взаимосвязь – целевого, содержательного, парадигмального, центрического и результативного компонентов-колец, определяющих воспитание навыков гражданско-правового поведения молодёжи. При этом социально-культурная деятельность отражает всю совокупность применения инновационных технологий и структурирования небольших зон ближайшего развития, позволяющих личности усваивать гражданско-правовые ценности при наличии оптимального баланса индивидуального и социального уровней культуры личности молодого человека.

Ключевые слова: гражданско-правовая культура, молодёжь, досуг молодёжи, центрическая модель, социально-культурная деятельность.

D. V. Shamsutdinova

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the Minister of Internal Affairs of the Russian Federation, Magistralnaya str., 35, 420108, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

MODEL OF FORMATION OF CIVIL LEGAL CULTURE OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY

The article substantiates the application of the method of theoretical modeling in solving the problems of pedagogical theory of social and cultural activity. The centric model of social and cultural process in

---

ШАМСУТДИНОВА ДАРИНА ВЕНИРОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

SHAMSUTDINOVA DARINA VENIROVNA – Ph.D. (Pedagogical Sciences), Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines, the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

e-mail: shamsutdinova.darina@bk.ru
© Шамсутдинова Д. В., 2018

system of formation of civil culture of youth is presented. The principal difference between the centric model and other models is the use of so-called “rings”, which consist of scientific and practical didactic units of a certain field of knowledge. The logic of designing such a model is based on the fragmentation of information into separate blocks with a complete and complete content. The author proposes the interpretation of the formation of civil culture of youth in the conditions of social and cultural activity as a system of innovative processes that determine the quality of civil culture, based on the system-wide principle of a differentiated approach and is a relationship – target, meaningful, paradigm, centric and effective components-rings that determine the education skills of civil behavior of youth. At the same time, social and cultural activity reflect the whole set of innovative technologies and structuring of small zones of immediate development, allowing the individual to assimilate civil and legal values in the presence of an optimal balance of individual and social level of culture of the young person.

Keywords: civil law culture, youth, leisure of youth, centric model, social and cultural activity.

Для цитирования: Шамсутдинова Д. В. Модель формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в условиях социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 111–120.

Формирование гражданско-правовой культуры молодёжи обусловлено появлением новых гражданских институтов, выявлением специфики деятельности социально-культурных учреждений, которые стремятся сегодня к взаимодействию с различными коммерческими учреждениями и государственными органами и ведомствами, реализующими программы гражданско-правового образования и воспитания. В современной теории социально-культурной деятельности сегодня накоплен достаточный потенциал для осмысления педагогических закономерностей взаимодействия социальных институтов, ориентированных на формирование гражданско-правовой культуры молодёжи. Однако сегодня требуется уточнение содержания и выявление структурных особенностей данного процесса, рассматриваемых прежде всего на уровне теоретической рефлексии. Одним из эффективных методов такого анализа является метод теоретического моделирования.

Модель процесса формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в условиях социально-культурной деятельности рассматривается нами как системное струк-

турирование его компонентов, расположенных в логической взаимосвязи. При этом особенности реализации потенциала социально-культурной деятельности, её образовательных и досуговых ресурсов, адекватных потребностям молодёжи, наиболее полно раскрывает центрическая модель процесса формирования гражданско-правовой культуры.

Центрическая модель – это системное и структурированное образование, связанное с разработкой самостоятельных компонентов-колец, обеспечивающих концептуальное раскрытие содержания исследуемого процесса на основе выявления связующих компонентов. Применение центрической модели как средства формирования гражданско-правовой культуры остаётся мало разработанной областью, поэтому центрическая модель – явление редкое для теории социально-культурной деятельности. Однако её использование оправданно, так как её принципиальное отличие от других моделей состоит в использовании так называемых колец, которые состоят из научно-практических дидактических единиц определённой области знания.

Логика проектирования такой модели основана на дроблении информации на отдельные блоки с целостным и завершённым содержанием.

Так, Е. А. Маралова считает, что проблемно-центрическая модель – это модель, представленная укрупнением дидактических единиц, где концентрически «кольцом» охватывают актуальную проблему и раскрывают её с ракурса обзора, продиктованного методологическим подходом ключевой – для конкретного «кольца» – науки. По её мнению, в модели вокруг проблемы концентрически расположены «кольца», в которых сосредоточены: анализ причин и факторов возникновения негативных особенностей развития учебных возможностей; психолого-педагогическая диагностика реальных отклонений траектории развития и учебной деятельности; обзор мирового педагогического опыта в образовательном процессе для решения подобных проблем в контексте индивидуализации на основе психолого-педагогической диагностики; стратегия освоения и инновационной переработки имеющихся позитивных образцов мирового опыта для переноса идей в индивидуальную педагогическую практику [5].

В статье Е. В. Радыгиной представлена полицентрическая модель социокультурного развития региона с внешними и формируемыми внутренними центрами. Полицентрическая модель характеризует этап перехода от зависимой к относительно самостоятельной стратегии освоения территории региона и отличается мощными внутренними и сменившимися внешними центрами, характером развития самостоятельной стратегии, реализацией системы базовых ценностей, этических взаимоотношений в обществе, реализацией исторической памяти и различных перспектив [8].

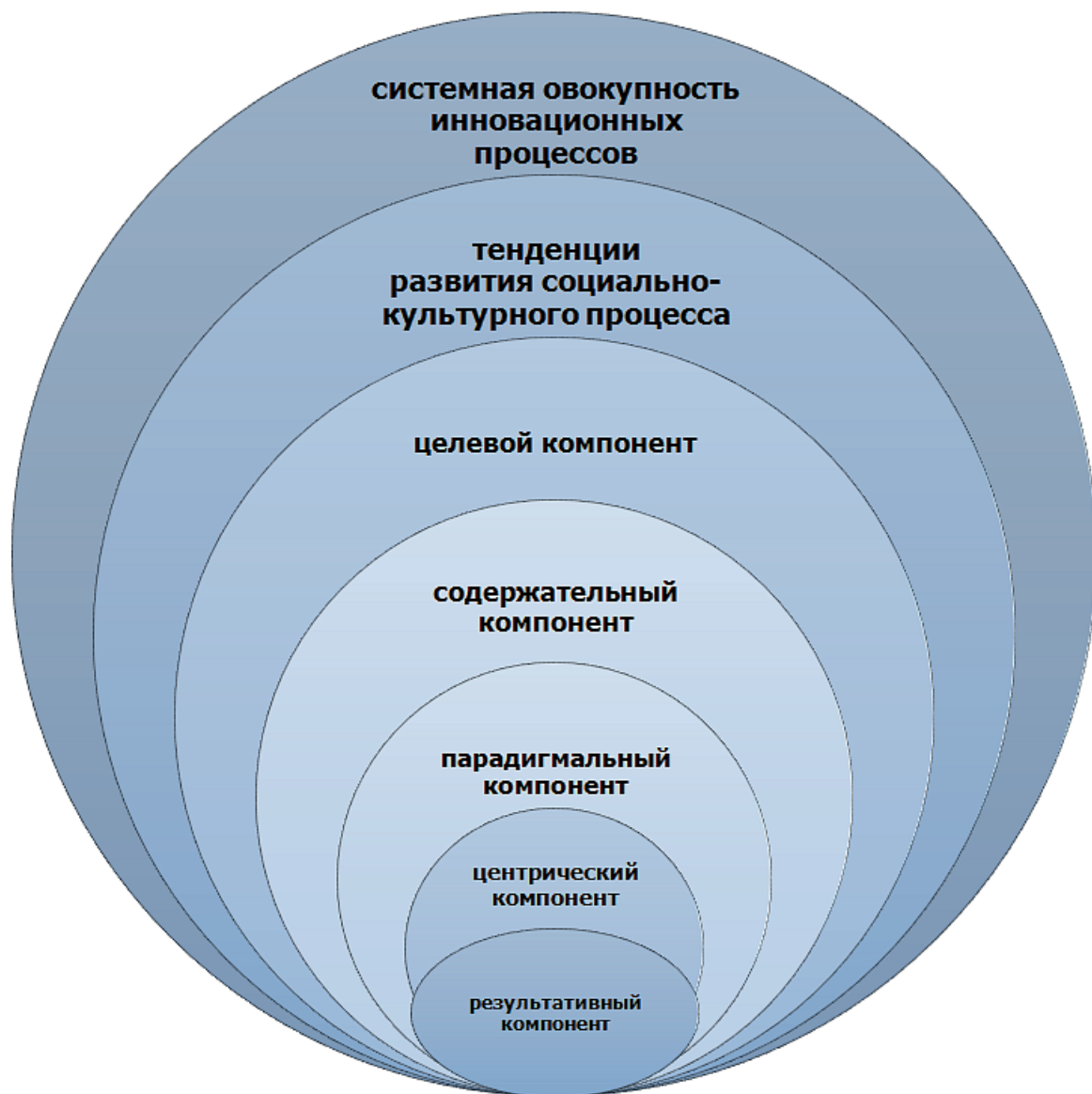
Таким образом, центрическая модель – это модель, рассматривающая исследуемый процесс с разных точек зрения для формирования разностороннего, многопланового представления о педагогической реальности и стратегии оптимизации социально-культурной деятельности в каждом конкретном случае.

На наш взгляд, центрическая модель формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в условиях социально-культурной деятельности – это системная совокупность инновационных процессов, определяющих качество гражданско-правовой культуры, которая базируется на общесистемном принципе дифференцированного подхода и представляется собой взаимосвязь целевого, содержательного, парадигмального и результативного компонентов-колец, связанных тенденциями развития социально-культурного процесса и направленных на реализацию навыков гражданско-правового поведения молодёжи (см. схему 1).

Рассмотрим первое связующее «кольцо» – *системную совокупность инновационных процессов*, определяющих качество гражданско-правовой культуры. По нашему мнению, они состоят в следующем:

1. Первый процесс – век глобализации является открытой системой, так как предоставляет возможность каждому участнику, используя информационные, компьютерные, телекоммуникационные технологии, построить индивидуальную траекторию социокультурного развития.

2. Второй процесс – урбанизация, ускорение темпа жизни, информационные перегрузки, обширные информационные связи с социальной средой обеспечивают постоянный информационный контакт участников с обществом, имеющим гражданско-правовые проблемы.

Схема 1. Центрическая модель формирования гражданско-правовой культуры молодежи в условиях социально-культурной деятельности

3. Третий процесс – необходимость реализации новых социально-культурных и педагогических механизмов, зависимость от оптимального функционирования социальных субъектов различного уровня сложности влияют на особенности формирования общественного и личного мышления молодёжи.

4. Четвертый процесс – фундаментальная основа развития гражданско-правовой культуры молодёжи базируется на интеграции социально-культурных, гражданско-правовых и педагогических технологий формирования личности в социуме.

5. Пятый процесс – новые организационные формы развития гражданско-правовой культуры молодёжи развиваются на основе новых коммуникационных технологий, системы управления информационными потоками.

6. Шестой процесс – развитие современной цивилизации связано с повышением значения деятельности социальной, культурной и политической направленности.

Рассмотрим второе связующее «кольцо» – *тенденции развития социально-культурного процесса*, связывающие кольца-компоненты исследуемой модели:

1. Многочисленные исторические и социально-культурные процессы обусловлены перерастанием процессов социокультурного развития из региональных в глобальные, становлением мультикультурной цивилизации, разрушением многих основ традиционного жизненного уклада, переносом интереса науки с человека делающего на человека развивающегося.

2. Ценностно-нормативная структура государства служит ориентиром мотивации социального развития личности.

3. Система объективных смыслов и ценностных ориентаций молодёжи складыва-

ется в результате реализации государственной культурной политики, приоритетных направлений деятельности высших и средних учебных заведений.

4. Социально-дифференцированный подход в формировании гражданско-правовой культуры молодёжи обеспечивает развитие высоких социальных потребностей молодёжи.

5. Идея государственной ответственности осуществляется непосредственно в учебных заведениях.

Цель центрической модели – сформировать гражданско-правовое сознание молодёжи, обеспечивающее чёткую гражданско-правовую позицию, связанную с усвоением ценностей и норм общества и направленную на гармоничное соотношение социальной и культурной идентичностей, обеспечивающих процесс роста личности в результате влияния объективных и субъективных факторов.

Концептуальные основы разрабатываемой центрической модели:

1. Понятийно-категориальный аппарат процесса формирования гражданско-правовой культуры базируется на содержании, результатах теории, методике и организации социально-культурной деятельности.

2. Функциональная специфика исследуемого процесса дополняется субъективными и объективными факторами, связанными с преобразованием педагогических объектов.

3. Система научных взглядов базируется на изучении гражданско-правовых потребностей молодёжи, специфики их удовлетворения в социально-культурной деятельности.

4. Разрешение противоречий в системе личных и общественных отношений обусловлено необходимостью соединения со-

циально-культурной деятельности с жизнью общества.

5. Сложность социально-культурной деятельности определяется необходимостью применения различных социально-культурных технологий в формировании гражданско-правового сознания молодёжи.

6. Система формирования гражданско-правовой культуры молодёжи направлена на реализацию структурных компонентов педагогического и социокультурного процессов.

7. Цель реализации исследуемых задач зависит от целенаправленной организации культурной и социальной деятельности молодёжи.

8. Результативность воздействия педагогических процессов на формирование гражданско-правовой культуры молодёжи определяется системой проектирования результатов социально-культурной деятельности.

9. Совокупность используемых форм и методов формирования гражданско-правового сознания молодёжи обеспечивается за счёт применения инновационных технологий.

10. Системное моделирование исследуемого процесса зависит от комплексного программирования и проектирования путей построения эффективной социально-культурной сферы для реализации заявленных задач исследования.

Содержательный компонент направлен на определение путей качественного формирования гражданско-правовой позиции молодёжи в условиях формирования единого социально-культурного пространства через фундаментальную основу социального функционирования механизмов социализации личности. Содержательный компонент модели связан с определёнными аспектами и проблемами:

- с повышенным интересом молодёжи и гражданского общества, а также СМИ к проблемам гражданско-правового решения проблем общества, способности государства выполнять свои функции, законности и обоснованности его действий, влияющих на восприятие гражданского общества;

- с усилением криминализации общества, нарастающей наркоугрозой и алкоголизацией населения, попытками неправового влияния на различные сферы государственной общественной жизни со стороны различных структур, социальными и экономическими катаклизмами;

- с перспективами обострения общественно-правовой ситуации в свете нарастания последствий экономического кризиса и попыток деструктивного влияния на положение дел в стране со стороны международных экстремистских и террористических организаций;

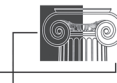
- со всё ещё недостаточным уровнем готовности специалистов социально-культурной деятельности к участию в процессе формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в силу экономических и социальных причин, проблем организации обучения молодёжи в условиях досуга.

Парадигмальный компонент направлен на реализацию социально-культурного развития личности по следующим направлениям:

- осмысление социально-культурного процесса, направленного на взаимодействие между субъектами досуга в процессе достижения культурно-досуговых целей;

- применение инновационных методов преобразования педагогической действительности, соответствующих прогрессивным тенденциям в социально-культурной сфере;

- реализация педагогических парадигм при наличии причинно-следственных свя-

зей, порождающих различные философские, педагогические теории, культурно-воспитательные системы, педагогические и социально-культурные явления;

- отбор образовательных моделей, социально-культурных технологий, систематизация педагогического знания о существующих путях и способах социально-культурного процесса, выработка определённых теорий формирования гражданско-правовой культуры в конкретно-исторических и социокультурных условиях;

- выявление базовых моделей социально-культурного процесса в условиях гармонизации личных и общественных интересов;

- создание эффективного социально-культурного пространства в условиях субъективированного и персонифицированного знания, отражающего уникальный и индивидуальный опыт участников;

- реализация основополагающей идеи гражданско-правового развития личности на основе целостного понимания сущности этого процесса;

- разработка соответствующей теории на основании совокупности теоретических и методологических предпосылок, определяющих конкретные ценности и направление педагогического процесса

- применение социально-культурных технологий, рассчитанных на передачу культурно-исторического опыта или на развитие личностного потенциала участника.

Парадигмальный компонент модели позволяет рассматривать процессы формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в русле концепций формирования гражданственности и гражданского поведения с учётом интеграции целей разного уровня и системы организации социально-культурной деятельности.

Проектный компонент – это компонент, обеспечивающий широкое структурированное проектирование на основе преемственности уровней и ступеней социально-культурного развития молодёжи.

Нами выделены пять уровней социально-культурного развития молодёжи в процессе формирования её гражданско-правовой культуры.

Первый уровень социально-культурного развития молодёжи связан с развитием мировоззрения, влияющего на эффективность процесса формирования гражданско-правовой культуры как результата личностного развития.

Второй уровень социально-культурного развития молодёжи связан с преодолением социального и духовного кризиса, обеспечением высокого качества гражданско-правовой позиции, созданием условий для воспитания патриотизма, обеспечением гражданского участия в условиях правового, демократического государства.

Третий уровень социально-культурного развития молодёжи связан с многообразием типов и видов социокультурного поведения, обеспечивающих индивидуализацию личности.

Четвёртый уровень социально-культурного развития молодёжи – это овладение навыками гражданско-правового поведения в условиях привлечения к различным гражданским акциям, мероприятиям, праздникам, фестивалям, культурно-массовым событиям.

Пятый уровень социокультурного развития молодёжи – личность выражает свою гражданскую позицию, опираясь на систему норм, ценностей, целей, стандартов, обычаев, образцов, технологий, регулирующих взаимоотношения индивида или социальной группы с обществом и властью и зафик-

сированных в виде социально-психологических стереотипов.

Также в рамках проектного компонента выделено три ступени социально-культурного развития молодёжи в процессе формирования её гражданско-правовой культуры.

Первая ступень связана с принципом *открытости*, призванным обеспечить молодёжи более широкий диапазон новых гражданско-правовых знаний, различных форм социального развития путём обогащения социокультурного пространства средствами различных образовательных и досуговых ресурсов. Эта ступень обеспечивает *полифункциональность* социально-культурной среды, которая направлена на развитие гражданско-правовых навыков, стимулирование гражданско-правовой деятельности и гражданско-правового поведения молодёжи. В условиях реализации принципа *мобильности* обеспечивается свободная трансформация гражданско-правового поведения личности, связанная с изменением окружающей действительности, динамикой развития в социуме, новизной и сложностью социального формирования.

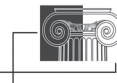
Вторая ступень социально-культурного развития молодёжи в процессе формирования её гражданско-правовой культуры связана с принципом *функционального зонирования*, который призван создать небольшие зоны определённой гражданско-правовой деятельности молодёжи в социокультурной среде, доступные для деятельности их освоения личностью, учитывающие наклонности и интересы к различным видам гражданско-правовой деятельности. На этой стадии происходит развитие социальной активности личности в условиях сознательной, целенаправленной деятельности, ориентированной на преобразование социальных условий, форми-

рование социальных качеств собственной личности, активной жизненной позиции, отражающей степень реализации и развития социальных стремлений.

Третья ступень связана с гражданско-правовой активностью молодёжи, которая может осуществляться в различных формах, не только как индивидуальная, но и как групповая, коллективная, организационная, направленная на реализацию возможностей и интересов. Гражданско-правовая активность определяется содержанием, направленностью и тем, насколько она отвечает объективным интересам, потребностям общества. Основными сферами гражданско-правовой активности являются общественно-политическая и гражданская деятельность, предоставляющая наиболее широкие возможности для формирования новых социальных норм и ценностей. Особое значение играет сфера социально-культурной деятельности, обеспечивающая приобщение молодёжи к общественным идеалам, что проявляется в повышении социальной удовлетворённости и социальной активности, равнодушии к общественно-политическим проблемам.

Результативный компонент центрικής модели связан с обоснованием уровней гражданско-правовой культуры молодёжи и критериев её эффективности. В рамках модели выделены *социально-ценностный, социально-деятельностный, локально-репродуктивный* уровни гражданско-правовой культуры молодёжи, а также критерии формирования гражданско-правовой культуры молодёжи в условиях социально-культурной деятельности: *операционно-мыслительный критерий; деятельностно-поведенческий критерий; социально-правовой критерий.*

Таким образом, центрическая модель формирования гражданско-правовой куль-

туры молодёжи в условиях социально-культурной деятельности направлена на осмысление проблем социально-культурного развития личности и использование досуговых и образовательных ресурсов социально-культурной деятельности. Её принципиальное отличие от других моделей заключается в том, что она предлагает исследуемый процесс рассматривать с позиции выявления:

- связующих компонентов-колец, обеспечивающих динамику исследуемых процессов с позиции функционального совершенствования качества социально-культурной деятельности, её системного структурирования и программного обоснования;
- сущностной взаимосвязи форм, методов, приёмов развития гражданско-правового менталитета молодёжи в условиях

ценностного и культурно-содержательного смыслового наполнения колец-компонентов.

Применение метода теоретического моделирования, рассмотренного в данной статье, показывает, что социально-культурная деятельность, как условие формирования гражданско-правовой культуры молодёжи, является сложным социальным феноменом, направленным на реализацию социальной и гражданской активности личности. При этом социально-культурная деятельность отражает всю совокупность применения инновационных технологий и структурирования небольших зон ближайшего развития, позволяющих личности усваивать гражданско-правовые ценности при наличии оптимального баланса индивидуального и социального уровней культуры личности молодого человека.

Примечания

1. Агапова Н. Г. Парадигма: культурологическое содержание понятия и особенности его применения к сфере образовательной деятельности // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. 2007. № 5 (сентябрь – октябрь). С. 114–120.
2. Ариарский М. А. Новый этап в развитии теории социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (51). С. 102–109.
3. Бондаревская Е. В., Кульневич С. В. Парадигмальный подход к разработке содержания ключевых педагогических компетенций // Педагогика. 2004. № 10. С. 23–31.
4. Лабушкина И. Е. Роль воспитательного пространства вуза в формировании гражданской позиции и политической культуры первокурсников в поликультурной среде: на примере Северо-Кавказского региона : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Лабушкина Инна Евгеньевна. Владикавказ, 2010. 22 с.
5. Маралова Е. А. Методология и технология проблемно-центрированного построения образовательного процесса в системе непрерывного профессионального обучения педагогов [Электронный ресурс] // Непрерывное образование: XXI век. 2013. Выпуск 1. URL: <http://lll21.petrsu.ru/journal/article.php?id=1948>. DOI: 10.15393/j5.art.2013.1948
6. Максютин Н. Ф. Педагогические ресурсы досуга. Казань : Медицина, 1996. 140 с.
7. Осипенкова Н. А. Социально-культурная деятельность как фактор социальной адаптации студентов : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05, 13.00.08 / Осипенкова Нина Авенировна. Санкт-Петербург, 2007. 193 с.
8. Радыгина Е. В. Методика моделирования стратегий социокультурного развития региона [Электронный ресурс] // Культура народов Причерноморья. 2006. № 79. С. 20–24. URL: <http://8800.org.ua/getlink.php?linkID=24050>
9. Раковская Е. Л. Формирование правовой культуры студенческой молодёжи в процессе взаимодействия вузов и учреждений культуры : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Раковская Елена Леонидовна. Тамбов, 2013. 156 с.: ил.

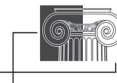

10. Свиридов А. А. Социально-культурная деятельность вузов по профилактике экстремизма в молодежной среде : дис. на соиск. учён. степ. кандидата педагогических наук : 13.00.05 / Свиридов Алексей Алексеевич. Тамбов, 2014. 225 с.

References

1. Agapova N. G. Paradigma: kul'turologicheskoe sodержanie ponyatiya i osobennosti ego primeneniya k sfere obrazovatel'noy deyatel'nosti [Paradigm: the cultural content of the concept and features of its application to the field of educational activity]. *Observatory of Culture*. 2007, no. 5, pp. 114–120.
2. Ariarsky M. A. Novyy etap v razvitiy teorii sotsial'no-kul'turnoy deyatel'nosti [New stage in the development of the theory of social and cultural activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2013, no. 1 (51), pp. 102–109.
3. Bondarevskaya E. V., Kulnevich S. V. Paradigmal'nyy podkhod k razrabotke sodержaniya klyuchevykh pedagogicheskikh kompetentsiy [Paradigm approach to the development of the content of key pedagogical competencies]. *Pedagogika. Scientific-theoretical journal of the Russian Academy of Education*. 2004, no. 10, pp. 23–31.
4. Labushkina I. E. Rol' vospitatel'nogo prostranstva vuza v formirovaniy grazhdanskoj pozitsii i politicheskoy kul'tury pervokursnikov v polikul'turnoy sfere: na primere Severo-Kavkazskogo regiona. *Avtoreferat diss. kand. ped. nauk [The role of the educational space of the university in the formation of citizenship and political culture of freshmen in a multicultural environment: the example of the North Caucasus region. Synopsis cand. ped. sci. diss.]*. Vladikavkaz, 2010. 22 p.
5. Maralova E. A. Metodologiya i tekhnologiya problemno-tsentrirovannogo postroeniya obrazovatel'nogo protsessa v sisteme nepreryvnogo professional'nogo obucheniya pedagogov [Methodology and technology of the problem-centered construction of the educational process in the system of continuous professional education of teachers]. *Lifelong Education: the XXI Century*. 2013. Issue 1. Available at: <http://lll21.petrus.ru/journal/article.php?id=1948>. DOI: 10.15393/j5.art.2013.1948
6. Maksyutin N. F. *Pedagogicheskie resursy dosuga [Pedagogical resources of the leisure]*. Kazan, 1996. 140 p.
7. Osipenko N. A. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' kak faktor sotsial'noy adaptatsii studentov. *Diss. kand. ped. nauk [Social and cultural activity as a factor of social adaptation of students. Cand. ped. sci. diss.]*. St. Petersburg, 2007. 193 p.
8. Radygina E. V. *Metodika modelirovaniya strategiy sotsiokul'turnogo razvitiya regiona [Methods of modeling strategies for social and cultural development of the region]*. Available at: <http://8800.org.ua/getlink.php?linkID=24050>
9. Rakovskaya E. L. *Formirovaniye pravovoy kul'tury studencheskoj molodozhi v protsesse vzaimodeystviya vuzov i uchrezhdeniy kul'tury. Diss. kand. ped. nauk [Formation of the legal culture of student youth in the process of interaction of universities and cultural institutions. Cand. ped. sci. diss.]*. Tambov, 2013. 156 p.
10. Sviridov A. A. Sotsial'no-kul'turnaya deyatel'nost' vuzov po profilaktike ekstremizma v molodozhnoy sfere. *Diss. kand. ped. nauk [Social and cultural activity of Universities for the prevention of extremism among young people. Cand. ped. sci. diss.]*. Tambov, 2014. 225 p.

*

ФОРМИРОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ СТУДЕНТОВ СРЕДСТВАМИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 37.017.4:378.18

О. А. Калимуллина¹, Н. Н. Гребенкина²

¹Казанский государственный институт культуры

²Академия социального образования

В статье анализируются основные условия и задачи образовательного учреждения высшего образования в сфере противодействия коррупции, рассматривается идея формирования антикоррупционной компетентности студентов средствами социально-культурной деятельности.

Ключевые слова: направления профилактики, образовательная среда, антикоррупционная компетентность, противодействие.

O. A. Kalimullina¹, N. N. Grebenkina²

¹Kazan State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny), Orenburgskiy tract, 3, 420059, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

²Academy of Social Education, Isaeva str., 12, Gorodskaya str., 13, 420039, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

FORMATION OF ANTI-CORRUPTION COMPETENCE OF STUDENTS BY MEANS OF SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY

This article describes conditions and objectives of the university in the field of combating corruption, discusses the idea of the formation of students' anti-corruption competence by means of socio-cultural activities.

Keywords: directions of prevention, educational environment, anti-corruption competence, counteraction.

Для цитирования: Калимуллина О. А., Гребенкина Н. Н. Формирование антикоррупционной компетентности современных студентов средствами социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 121–128.

---

¹КАЛИМУЛЛИНА ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор, проректор по творческой и воспитательной работе Казанского государственного института культуры

KALIMULLINA OLGA ANATOLYEVNA – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Vice Rector for Creative and Educational Work, the Kazan State Institute of Culture

²ГРЕБЕНКИНА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА – проректор по воспитательной работе Академии социального образования (г. Казань, Республика Татарстан)

GREBENKINA NATALYA NIKOLAEVNA – Vice Rector for Educational Work, the Academy of Social Education (Kazan, Republic of Tatarstan)

e-mail: olca.1970@mail.ru¹, ngrebenki@mail.ru²
© Калимуллина О. А., Гребенкина Н. Н., 2018

Современное российское гражданское общество стоит перед лицом серьёзных опасностей и угроз, одной из которых является высокий уровень коррупции. Коррупция в России всё больше становится явлением, которое определяет состояние и порядок развития государства во многих сферах общественной жизни. По результатам исследований “Transparency International” в Индексе восприятия коррупции (ИВК) Россия продолжает сохранять позицию во второй сотне государств и занимает 131-е из 176 мест. В то же время, по оценке социологов, большинство жителей России считает, что коррупция – типичное для страны явление и с этим ничего нельзя поделать. Коррупция – безусловное зло или органичная часть самой жизни? Ответить на этот вопрос предстоит современным студентам, ведь, собственно, им и принадлежит будущее, именно они всё чаще занимают разные высокие посты, а сегодняшние выпускники будут работать в органах государственной власти и управления, учреждениях науки, культуры, образования.

В мировом рейтинге высокая устойчивость к коррупции считается проявлением зрелости государства, его способности к саморефлексии. В определённом смысле именно наличие саморефлексии отличает зрелые социальные организмы от восторженно переживающих первые опыты самоидентичности молодых государств.

Сегодня тема противодействия коррупции становится одной из наиболее обсуждаемых руководителями России и Татарстана, но это не является показателем повышения коррупционной составляющей в обществе, а скорее, указывает на то, что власть пытается переосмыслить угрозу, стоящую на пути развития и продвижения страны. Государство пытается вовлечь в процесс формирования коррупционной устойчивости всё россий-

ское сообщество. «Ни одна страна не имеет шансов побороть коррупцию и эффективно развиваться, – подчеркнул Президент России В. В. Путин, – если она не может об этом прямо и открыто сказать и начать открытую борьбу [1]».

В самом деле, коррупция характерна едва ли не для любого государственного устройства практически с момента зарождения, и ещё ни одной стране не удалось полностью избавиться от неё. Результаты социологических исследований постоянно указывают на то, что среди наиболее подверженных коррупции сфер общественной жизни выделяются те, в которых активность государства объективно ограничена. Это формы социального бытия, в которых наиболее эффективно могли бы действовать институты гражданского общества, способствуя таким образом формированию его структуры – фундамента демократии в стране.

На первый план здесь выходят высшие учебные заведения, которые могут и должны решить ряд задач по формированию личности, устойчивой к коррупционной среде в современном обществе, прежде всего – к коррупционным правонарушениям в академической среде.

Систематические проявления коррупции в высшем учебном заведении способны негативно повлиять на престиж учебного заведения и стать препятствием для поддержания приемлемого уровня его конкурентоспособности. Для эффективной деятельности необходимо сформировать комплексное воздействие, которое объединит правовое воспитание, антикоррупционное просвещение и пропаганду, а также позволит создать стимулы для формирования устойчивого антикоррупционного поведения – словом, позволит создать антикоррупционную компетентность.

Следует обозначить обязательные условия эффективности работы в сфере противодействия коррупции в вузовском сообществе:

1) любая деятельность по противодействию коррупции в вузе не должна вести к ограничению академических свобод;

2) мероприятия должны иметь характер открытости, не вызывать опасений и недоверия.

Любые злоупотребления или тотальный контроль могут отразиться на имидже вуза, нанести серьёзный урон морально-психологической обстановке. Все мероприятия в сфере противодействия коррупции в высшей школе должны быть легитимными и информационно доступными. Основной целью проводимых мероприятий должно стать формирование антикоррупционной устойчивости обучающихся.

Антикоррупционная политика вуза базируется на положениях Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и других нормативных актах Российской Федерации и Республики Татарстан.

Антикоррупционная политика вуза представляет собой комплекс взаимосвязанных принципов, процедур, стандартов и мероприятий, направленных на профилактику и пресечение коррупционных правонарушений в вузе и воспитание коррупционной устойчивости. Ключевыми целями антикоррупционной политики вуза являются:

1) недопущение предпосылок, исключение возможности совершения коррупционных правонарушений в вузе;

2) обеспечение выполнения антикоррупционных мероприятий;

3) обеспечение защиты прав и законных интересов граждан от проявлений корруп-

ции, формирование эффективного имиджа вуза;

4) воспитание неприятия коррупции в сознании всех участников образовательного процесса.

К основным принципам деятельности по противодействию коррупции в вузе необходимо отнести:

1. Принцип соответствия антикоррупционной политики вуза законодательству Российской Федерации. Данный принцип реализуется путём обеспечения соответствия реализуемых антикоррупционных мероприятий Конституции РФ, законодательству Российской Федерации и иным нормативным правовым актам, применимым к вузу.

2. Принцип личной ответственности руководства вуза. Данный принцип играет организующую роль в формировании основ нетерпимости к любым проявлениям коррупции и в создании внутривузовской системы предупреждения и профилактики коррупции.

3. Принцип осознанной вовлечённости профессорско-преподавательского состава, сотрудников, аспирантов и студентов в реализацию антикоррупционной политики вуза.

4. Принцип соразмерности антикоррупционных процедур коррупциогенной ситуации в вузе. Содержание данного принципа включает в себя разработку и выполнение комплекса мероприятий, позволяющих снизить возможность вовлечения профессорско-преподавательского состава, сотрудников, аспирантов и студентов вуза в коррупционную деятельность. Данный принцип реализуется с учётом существующих в деятельности вуза коррупционных рисков.

5. Принцип эффективности антикоррупционных мероприятий. Реализация данно-

го принципа указывает на осуществление в вузе антикоррупционных мероприятий, способных заинтересовать вузовское сообщество и вовлечь в их реализацию наибольшее количество участников.

6. Принцип открытости. Реализация принципа открытости означает информирование общественности о принятых в вузе антикоррупционных стандартах и процедурах, а также о проводимых антикоррупционных мероприятиях.

7. Принцип поэтапного контроля и постоянного мониторинга. Содержанием данного принципа является реализация комплекса мер по мониторингу эффективности внедрённых антикоррупционных стандартов и процедур, а также по контролю за их исполнением.

Антикоррупционная политика вуза может быть реализована в рамках специального плана (программы) мероприятий по предупреждению коррупционных правонарушений. Например, в АНО ВО «Академия социального образования» действует «План мероприятий по профилактике коррупционных правонарушений». Перечень антикоррупционных мероприятий в Академии социального образования включает в себя мероприятия по нескольким направлениям: 1) по нормативному обеспечению антикоррупционной политики; 2) по разработке и введению в действие специальных антикоррупционных процедур; 3) по антикоррупционному просвещению и воспитанию; 4) по антикоррупционной пропаганде.

Основным инструментом достижения целей противодействия коррупции является студенческое сообщество вуза.

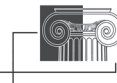
Мероприятия плана по противодействию коррупции в вузе среди студентов ориентированы: а) на предупреждение коррупционных проявлений; б) на формирова-

ние антикоррупционного имиджа; в) на совершенствование антикоррупционной базы вуза; г) на выявление и устранение причин и условий, способствующих коррупции; д) на обеспечение мониторинга коррупциогенной среды; е) на обеспечение эффективной работы по формированию кадрового состава вуза; ж) на развитие существующей системы противодействия коррупции; з) на профилактику конфликта интересов; и) на формирование личности, нетерпимой к коррупционным проявлениям.

По итогам года был проведён мониторинг, в котором обучающихся просили обозначить наиболее интересные и эффективные мероприятия года в сфере противодействия коррупции. Наиболее эффективными в рамках реализации «Плана мероприятий по предупреждению коррупционных правонарушений» в Академии социального образования, по результатам исследования, стали: Совет молодёжных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции; «Суд над госпожой Коррупцией»; деловая игра «Взятка: за и против»; традиционный конкурс стенгазет среди студентов «Мир без коррупции»; участие в республиканском конкурсе видеороликов, посвящённых борьбе с коррупцией; интеллектуальная игра-квест «Честные знания».

Таким образом, наибольший интерес и результативность показали мероприятия, выходящие за рамки классических вузовских лекций и семинаров и относящиеся, скорее, к культурно-досуговой деятельности вуза.

Поскольку культурно-досуговая деятельность представляет собой социально-педагогическую систему, связанную с другими сферами человеческой деятельности, ей принадлежит активная роль в формирова-

нии общественной практики, наряду с экономикой, политикой и идеологией [2]. Культурно-досуговому процессу должны быть присущи следующие свойства: целенаправленность – ведущая цель состоит в развитии личности и таких её качеств, которые будут способствовать продуктивной жизнедеятельности; творческий характер – эта характеристика по своей глубинной сути требует креативности, что проявляется в обновлении содержания, форм, методов культурно-досуговой деятельности [3].

Именно эти свойства могут помочь эффективно, открыто, соразмерно и в соответствии с законодательством решать задачи по противодействию коррупции среди студентов в вузе. При этом в решении задач антикоррупционного просвещения и пропаганды мероприятия культурно-досугового характера могли бы занять ведущую позицию.

Используя безграничные возможности форм и методов культурно-досуговой деятельности, можно достичь определённых результатов в формировании антикоррупционной компетентности студентов. Следует отметить, что работа в данном направлении уже ведётся в ряде вузов России и Татарстана, однако она ограничена проведением определённого спектра мероприятий.

Среди социально-культурных мероприятий, направленных на предупреждение коррупционных проявлений, можно выделить следующие:

1) проведение цикла специальных мероприятий среди студентов организаций высшего образования Татарстана, направленных на решение задач формирования антикоррупционного поведения, в том числе проведение конкурсов социальной рекламы антикоррупционной направленности: видеоконкурс, конкурс плакатов, фотокросс и другие;

2) организация и проведение в рамках Международного дня борьбы с коррупцией комплекса научно-дискуссионных, информационно-просветительных массовых акций с участием студентов образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования Республики Татарстан, направленных на решение задач формирования нетерпимого отношения к коррупции, на повышение уровня правосознания и правовой культуры, на организацию системы общественного контроля, на воспитание антикоррупционного поведения обучающихся;

3) включение в программы выступлений команд КВН миниатюр и скетчей на антикоррупционную тематику.

Мониторинг образовательной среды показал, что в решении задач формирования антикоррупционной компетентности студентов практически невостребованными остаются ресурсы социокультурного проектирования, имеющие высокий образовательный и воспитательный потенциал. Вместе с тем «осуществляемое как на занятиях, так и внеурочной деятельности социокультурное проектирование может явиться одной из наиболее интересных педагогических технологий формирования антикоррупционной позиции личности [4]». Социокультурное проектирование предполагает развитие и мультипликативность.

Примером успешной практики социокультурного проекта является разработка и реализация комплекса мероприятий «Дизайн антикоррупционного мышления», разработанного профессорско-преподавательским составом юридического факультета, Студенческим советом и студенческой комиссией Академии социального образования. Абсолютно не случайно, что название проекта имеет творческое звучание – «Ди-

зайн антикоррупционного мышления». В рамках реализации проекта проходит программа курсов профессиональной переподготовки в сфере противодействия коррупции для студентов старших курсов и аспирантов неюридических направлений для обеспечения данного вида деятельности, а также организация слушателями курсов культурно-досуговых мероприятий, выездных консультаций, бесплатного юридического консультирования населения. Результатом должно стать появление компетентных молодых специалистов, обеспечивающих антикоррупционное просвещение в своих вузах для студентов неюридических специальностей, способных организовать широкую палитру антикоррупционных мероприятий. Выпускной работой слушателей курсов станут проекты по противодействию коррупции, лучшие из которых будут представлены к награждению и переданы для ознакомления и реализации в органы государственной власти и управления. Проект «Дизайн антикоррупционного мышления» был одобрен экспертами и признан победителем Всероссийского конкурса молодёжных проектов среди образовательных организаций высшего образования в 2018 году.

Успешное внедрение проекта «Дизайн антикоррупционного мышления» стало источником для творческой деятельности студенческой антикоррупционной комиссии Академии социального образования, действующей на основании Положения о студенческой (молодёжной) антикоррупционной комиссии Академии социального образования (утверждённого протоколом № 9 Учёного совета 3 апреля 2018 года) и ориентированной на решение следующих задач: а) выявление условий и причин коррупции; б) создание единой системы мониторинга и информирования студентов по проблемам

коррупции; в) формирование нетерпимого отношения к коррупции; г) выработка навыков антикоррупционного поведения; д) разработка и внедрение новых форм мероприятий в сфере противодействия коррупции.

По инициативе студенческой антикоррупционной комиссии, по итогам успешной деятельности всех участников образовательного процесса Академии социального образования в сфере противодействия коррупции предложено сформировать и внедрить в вузе «Программу антикоррупционного воспитания» на 2019 год.

В ходе реализации задач предлагаемой программы необходимо расширить спектр направлений деятельности в сфере противодействия коррупции средствами социокультурной деятельности (направления: художественное, просветительское, культурно-массовое и другие). Культура создаёт для человека исходную проблемную ситуацию развития, ставит его перед необходимостью развиваться универсально [5]. Вовлечение студентов в работу над программой по противодействию коррупции позволит придать мероприятиям современное видение с учётом интересов молодёжного сообщества.

В направлении «художественное» предлагается провести открытый межвузовский конкурс карикатур и комиксов «Смех против коррупции».

Просветительский характер будет носить II Совет молодёжных общественных организаций и объединений в сфере противодействия коррупции. Первый совет был проведён год назад по инициативе студенческого совета Академии социального образования. Инициатива была поддержана Управлением Президента Республики Татарстан по антикоррупционной политике. Формат мероприятия – брифинг (с элементами ток-шоу), с участием представителей

органов власти и управления, выступивших в роли экспертов. При этом в качестве представителей СМИ, задававших «неудобные» вопросы, выступили студенты вузов Казани.

К Международному дню борьбы с коррупцией будет приурочен флешмоб «Стоп-коррупция!» на площади перед главным учебным зданием. Фотографии участников культурно-массового мероприятия будут размещены в социальной сети «Инстаграм» с соответствующими хештегами.

Одним из возможных направлений реализации программы может стать «театральное». Следует отметить, что борьба с мздоимством и казнокрадством в России ведётся не одну сотню лет. Представляется интересным постановка театральных пьес на тему противодействия коррупции студенческими театрами Казани. В связи с этим планируется провести открытый конкурс студенческих театров в сфере противодействия коррупции.

Историческое многообразие форм, проявлений и мотивов коррупционного поведения во всех странах мира, как отметил В. В. Путин, свидетельствует, что коррупция присуща любому современному обществу, но это не значит, что с ней не надо бороться.

При этом для достижения целей по формированию антикоррупционной компетентности студентов, устойчивой нетерпимости к ней в обществе следует использовать историческое многообразие форм, проявлений и идей социально-культурной деятельности.

Таким образом, в течение года будет проведено исследование с использованием теоретического, эмпирического и статистического методов исследования. На первом этапе уже начата работа по изучению проблемы противодействия коррупции в теории и практике вузов, в результате чего предполагается обобщить научные исследования

по данной проблематике, подготовить теоретические основания для формирования антикоррупционной компетентности студентов средствами социально-культурной деятельности. На втором этапе будет продолжена экспериментальная работа по апробации форм и методов социально-культурной деятельности в сфере противодействия коррупции, а также обоснование эффективности социально-культурной деятельности для формирования антикоррупционной компетентности студентов. В процессе работы будет изучаться влияние тех или иных форм культурно-досуговой деятельности на формирование антикоррупционного сознания студентов.

По итогам реализации программы будет проведён антикоррупционный мониторинг: наблюдение, анализ, оценка и прогноз коррупционных правонарушений, коррупциогенных факторов, а также мер реализации антикоррупционной политики. В результате такого мониторинга будет формироваться долгосрочная программа деятельности вуза в сфере противодействия коррупции, а также оценка её мультипликативности.

В рамках научного исследования по изучению социально-культурной природы отечественной (а также региональной) коррупции, посредством выявления операциональных характеристик этого социального зла и эффективной практики противодействия, планируется разработать стратегию его искоренения в студенческой среде. Учитывая масштаб и укоренённость коррупционных практик в глубинных слоях общественной культуры, процветание и социальная стабильность ещё долгое время будут оставаться лишь утопией для социума, неспособного использовать стратегию национальной антикоррупционной политики и заботиться о своём будущем.

Примечания

1. Владимир Путин встретился с молодыми сотрудниками правоохранительных органов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/29721/print>
2. Жарков А. Д. Теория и технология культурно-досуговой деятельности : учебник : для студентов высших учебных заведений по специальности «Социально-культурная деятельность». Москва : Изд. дом МГУКИ, 2007. 479 с. : табл.
3. Калимуллина О. А. Формирование творческой направленности студенческой молодёжи в условиях досуговой деятельности: синергетический подход : дис. на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.05 / Калимуллина Ольга Анатольевна. Казань, 2014. 488 с. : ил.
4. Рыбалкин Д. А. Социально-педагогические условия формирования антикоррупционной позиции курсантов вузов МВД России средствами социально-культурной деятельности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 4 – 2. С. 80 – 84.
5. Шамсутдинова Д. В. Компетентностный подход к формированию социально-культурного пространства вуза // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2012. № 1 (29). С. 151 – 154.

References

1. Vladimir Putin vstretil'sya s molodymi sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov [Vladimir Putin met with young law enforcement officers]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/29721/print>
2. Zharkov A. D. *Teoriya i tekhnologiya kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti* [Theory and technology of cultural and leisure activity]. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2007. 479 p.
3. Kalimullina O. A. *Formirovanie tvorcheskoy napravlenosti studencheskoy molodezhi v usloviyakh dosugovoy deyatel'nosti: sinergeticheskiy podkhod. Diss. dok. ped. nauk* [Formation of the creative focus of students in the conditions of leisure activities: a synergistic approach. Dr. ped. sci. diss.]. Kazan, 2014. 488 p.
4. Rybalkin D. A. Social and pedagogical conditions formation of the anti-corruption position of cadets of higher education institutions of the ministry of internal affairs of Russia means of welfare activity. *Bulletin of Kazan State University of Culture and Arts*. 2014, no. 4 – 2, pp. 80 – 84. (In Russian)
5. Shamsutdinova D. V. Competence-based approach to forming social-cultural space of higher educational institution. *Herald of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2012, no. 1 (29), pp. 151 – 154. (In Russian)

*

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РАЗВИТИЯ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ МОЛОДЁЖИ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОЛЕВЫХ ИГР

УДК 379.8

Н. А. Гекман

Алтайский государственный институт культуры

В статье исследуется проблема квалифицированной организации педагогического сопровождения развития лидерских качеств участников трёх различных типов объединений любителей ролевых игр. Поскольку объединения любителей ролевых игр относятся к неформальным объединениям, педагогическое сопровождение формирования лидерских качеств молодёжи важно для повышения эффективности воспитательного процесса для данных объединений, развивающихся стихийно, то есть вне зоны действия учреждений культуры, досуга, образования. В статье доказывается, что специфика педагогического сопровождения развития лидерских качеств молодёжи, участвующей в ролевых играх, зависит от разного типа игрового поведения участников игр «фэнтези», исторической реконструкции и игр активного действия.

Ключевые слова: типы игрового поведения, молодёжь, досуг, ролевые игры, педагогическое сопровождение, лидерские качества.

N. A. Heckmann

Altay State Institute of Culture, Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Yurina str., 277, 656055, Barnaul city, Altay region, Russian Federation

PEDAGOGICAL SUPPORT OF LEADERSHIP DEVELOPMENT OF YOUNG PEOPLE IN VARIOUS TYPES OF ASSOCIATIONS OF FANS OF ROLE-PLAYING GAMES

In article the problem of the qualified organization of pedagogical maintenance of development of leadership skills of participants of three various types of associations of fans of role-playing games is investigated. As associations of fans of role-playing games belong to informal associations, pedagogical maintenance of formation of leadership skills of youth is important for increase in efficiency of educational process for these associations developing spontaneously that is out of an area of coverage

ГЕКМАН НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА – аспирантка кафедры социально-культурной деятельности, преподаватель кафедры художественной культуры и декоративно-прикладного творчества факультета художественного творчества Алтайского государственного института культуры

HECKMANN NATALYA ANATOLYEVNA – doctoral student of the Department of social and cultural activity, teacher of the Department of Art Culture and Arts and Crafts Creativity, the Faculty of Art Creativity, the Altay State Institute of Culture

e-mail: ustlama@mail.ru

© Гекман Н. А., 2018

of cultural institutions, leisure, education. In article it is proved that the specifics of pedagogical maintenance of development of leadership skills of the youth participating in role-playing games depend on different type of game behavior of participants of the games “fantasy”, historical reconstruction and games of active action.

Keywords: types of game behavior, youth, leisure, role-playing games, pedagogical maintenance, leadership skills.

Для цитирования: Гекман Н. А. Педагогическое сопровождение развития лидерских качеств молодежи в различных типах объединений любителей ролевых игр // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 129–134.

Полипарадигмальный подход к анализу социально-культурной деятельности, предполагающий, что в современной ситуации в России сложилась парадигма социальной активности личности на основе формирования либеральных ценностей, обуславливает новый взгляд исследователей на досуговую активность различных категорий населения, включая молодёжь и её лидеров [9].

На современном этапе государству, обществу и культуре необходимы молодые лидеры. Это креативно мыслящие, инициативные молодые люди, умеющие не только успешно учиться и работать, но и организовать свой досуг, используя новые, современные его формы, особенно характерные для городской среды и связанные с интересом к игре. Именно на волне этого интереса в России возникло и распространилось до масштабов молодёжного движения увлечение ролевыми играми, корни которого находятся в зарубежной досуговой практике.

Российскую молодёжь привлекают ролевые игры направлений «фэнтези», исторической реконструкции и игры активного (живого) действия. Первые два типа ориентированы на воплощение роли своего персонажа согласно фантастическому или историческому сюжету игры. Третий – предполагает участие в командной игре приключенческо-соревновательного типа, но не в виртуальном, а в реальном формате. Игры «фэнте-

зи» и исторической реконструкции требуют фантазии, выдумки, достаточно сложных умений, связанных с навыками изготовления костюма, оружия своего персонажа. В играх активного действия важны навыки виртуозного владения автомобилем, средствами связи и навигации, интеллектуально-креативные умения по разгадыванию кодов, обнаружению тайников и т.д., дающие ключ к выполнению игровых заданий и победе над командой противника [3]. Это очень важно именно для городской среды, отличающейся «профессионализацией деятельности населения, малой подвижностью образа жизни, преобладанием информационного общения над эмоциональным [4]».

С одной стороны, ролевые игры, обеспечивая рекреацию и развлечение, радость и игровое творчество их участников, развивают также и лидерские качества руководителей игровых команд, игровых групп, которые входят в состав игровых объединений, клубов, поскольку все разновидности ролевых игр (каждая в своей степени) нуждаются в квалифицированной их организации. Это требует определённого количества успешных, демократически, а не авторитарно настроенных, умелых лидеров движения ролевиков. Позитивные лидерские качества, формируемые в ролевых играх, влияют на работу, учёбу, жизненный успех российской молодёжи. С другой стороны, анализ прак-

тики показывает, что ролевое движение и группы любителей-ролевиков – это достаточно закрытые для внешних влияний самоорганизующиеся структуры, которые, испытывая потребность в определённом количестве умелых и успешных лидеров (это показали социологические опросы движения ролевиков в Алтайском крае), не знают, как реализовать эту потребность в своём окружении, своими силами, а внешних вмешательств, в силу особенностей неформальной деятельности ролевых групп, ролевики не признают.

В связи с этим требуется адекватное педагогическое влияние на эту ситуацию в форме педагогического сопровождения, необходимого для развития лидерских качеств участников данных объединений. Но организация процесса педагогического сопровождения не будет квалифицированной, пока не будет выяснена сущность и специфика данного процесса в трёх различных типах ролевых игровых объединений. На основе педагогической классификации игр по поведенческим типам играющих, в которой выделяются: 1) игры-соревнования; 2) азартные игры с судьбой; 3) игры-иллюзии, игры-сказки; 4) игры-маскарады, – мы предлагаем классификацию наиболее популярных у современной молодёжи ролевых игр по их типам: 1) игры «фэнтези»; 2) игры исторической реконструкции; 3) игры активного действия [6]. У этих игр есть история возникновения и развития за рубежом и в России, их связь и отличия от схожих по сюжетам с ними компьютерных игр.

В наших исследованиях установлено, что сущностью педагогического сопровождения с целью развития лидерских качеств участников молодёжных объединений любителей ролевых игр является субъект-субъектный процесс, где сопровождение ведомых

субъектов (потенциальных лидеров игровых групп, которые пока не обладают качествами успешного лидера) осуществляется ведущим субъектом этого процесса, находящимся в статусе «мастера» игр ролевых групп. Он разрабатывает и реализует систему организационно-педагогических условий, способствующих развитию ведомых субъектов как успешных лидеров ролевой игры [2].

Но какова специфика педагогического сопровождения развития лидерских качеств молодёжи в трёх различных типах ролевых объединений, а именно – в группах любителей игр «фэнтези», исторической реконструкции и в группах любителей игр активного действия? Решению этой проблемы посвящена данная статья.

На основе историко-культурологического [7], философского [5] подходов к исследованию игры нами установлено, что ролевая игра – это вид деятельности и общения, содержащий релаксационное, развлекательное, творческое начала и имеющий событийную основу (сюжет, правила, в ходе которых игроки достаточно свободно импровизируют). Гедонистические, рекреационные, эвристические (творческие) функции игры [8], в том числе ролевой игры, крайне привлекательны для молодёжи в силу её возрастной настроенности на мажорный тон, радостное общение, творчество, поиск нового в досуговой деятельности. В связи с этим развёрнутые во времени и пространстве, то есть достаточно масштабные, ролевые игры уже сами по себе являются привлекательным для молодёжи событием, которое демократически настроенным лидерам игры надо умело организовать с целями гармонизации взаимоотношений игроков и укрепления контактов между играющими группами-командами, применяя умение добиваться победы, избегая конфликтов в общении. Для

этого, кроме высокого уровня мотивации к лидерству, лидер ролевой игры должен обладать комплексом коммуникативных, интеллектуально-креативных, деятельностно-волевых качеств, чтобы управлять игрой и группой-командой.

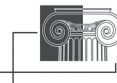
Классификация игр А. В. Соколова позволяет отследить различное содержание игровой деятельности в каждом из трёх типов объединений любителей ролевых игр [6]. Участники игр «фэнтези» воплощают типы игры-маскарада, игры-иллюзии, где игровое содержание выражается через художественный образ того персонажа, которого воплощает играющий (например, Гарри Поттер, персонажи произведения «Властелин колец» и т.д.). Это требует театрализации, костюмирования, маскарадности игрового поведения в рамках иллюзорного сюжета игры, который игрокам под руководством «мастера» игры надо придумать, используя своё доскональное знание литературного или кинематографического произведения, являющегося основой сюжета игры.

Игры исторической реконструкции имеют в своей основе восстановительно-демонстрационный тип игрового поведения, когда игроки, разыгрывая историческое (Бородинское сражение 1812 года и т.д.) или бытовое (балы, пиры определённого исторического периода) событие, стремятся к максимальной исторической достоверности в изготовлении костюма, оружия и других аксессуаров своих персонажей, погружаясь в мир исторического прошлого на основе его изучения и демонстрируя затем на публику это историческое событие (точнее его реконструкцию). Событийными формами деятельности в играх «фэнтези» и исторической реконструкции являются фестивали костюмов (фестивали косплея), реконструкции рыцарских турниров, военных и бытовых событий,

которые в определённой степени являются импровизированными театрализованными мероприятиями с приглашением публики. Организационная структура групп любителей «фэнтези» и исторической реконструкции мало проявлена, группы не сплочены, так как результат их игровой деятельности в основном не связан с выигрыванием, победой над соперниками.

Совсем иная ситуация наблюдается в играх активного действия. Здесь наблюдается соревновательно-приключенческий тип игровых действий участников групп-команд, связанных с функцией этого типа ролевых игр, обозначенной нами как функция проверки игроков в специально осложнённых сюжетом игры-квеста экстремальных ситуациях, осуществляющихся часто в ночное время, при условии умелого использования игроками автомобиля, современного электронного оборудования и т.д., в процессе соревнования с командами-соперниками за победу в игре, итог и сюжет которой определяется «мастерами» игры, игровым штабом.

В предыдущих исследованиях мы представили анализ разновидностей игровых заданий, выполняемых участниками игр активного действия, что позволило сделать вывод о том, что функции и качества лидеров игровых команд активного действия наиболее сложны по сравнению с лидерскими качествами, необходимыми для игр «фэнтези» и исторической реконструкции. Лидер игр активного действия управляет группой-командой и экстремальной игрой-квестом, где эффективный результат игры подразумевает победу над командами соперников; значительная закрытость таких игровых групп предполагает, что для формирования высокой мотивации и качеств успешных лидеров (коммуникативных, ин-

теллектуально-креативных, деятельностно-волевых) ведущий субъект должен находиться в статусе «мастера» таких игр, только тогда группа вступит с ним в партнёрское взаимодействие в процессе педагогического сопровождения развития качеств успешных лидеров игр.

Таким образом, исследование особенностей игрового поведения участников в трёх различных типах объединений любителей ролевых игр позволило сделать вывод

о том, что наиболее нуждающимися в педагогическом сопровождении с целью развития лидерских качеств участников являются группы любителей ролевых игр активного действия, представляющего собой наиболее сложный тип ролевых игр. Следовательно, это обстоятельство существенным образом повлияет на специфику организации процесса педагогического сопровождения развития лидерских качеств участников ролевых игр активного действия.

Примечания

1. Апинян Т. А. Игра как феномен культуры : автореферат дис. на соиск. учён. степ. доктора философских наук : 17.00.08 / Апинян Тамара Антоновна. Санкт-Петербург, 1994. 39 с.
2. Гекман Н. А. Развитие лидерского потенциала участников ролевого игрового движения молодёжи: педагогический подход // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 4 (59). С. 68–71.
3. Гекман Н. А., Оленина Г. В. Программы деятельности любителей ролевых игр: теоретико-практический анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 130–137.
4. Добринская Е. И., Соколов Э. В. Свободное время и развитие личности. Ленинград : Знание, 1983. 32 с.
5. Ретюнских Л. Т. Онтология игры : автореферат дис. на соиск. учён. степ. доктора философских наук : 17.00.08 / Ретюнских Лариса Тимофеевна. Москва, 1998. 40 с.
6. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации : учебное пособие. Санкт-Петербург : Изд-во Михайлова В. А., 2002. 461 с.
7. Соколов Э. В. Рациональное использование времени и культура досуга // Социология культуры. Методология и практика культурно-просветительной деятельности. Ленинград : ЛГИК, 1982. С. 15–25.
8. Столович Л. Н. Жизнь творчество человек: функции художественной деятельности. Москва : Политиздат, 1985. 415 с.
9. Ярошенко Н. Н. Воспитательный потенциал современной индустрии досуга // Вестник культуры и искусств. 2015. №4(44). С. 28--35.

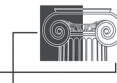
References

1. Apinyan T. A. *Igra kak fenomen kul'tury. Avtoreferat diss. dok. filos. nauk [Game as a cultural phenomenon. Synopsis dr. philos. sci. diss.]*. St. Petersburg, 1944. 39 p.
2. Heckmann N. A. The development of leadership potential in participants of a role-play youth movement: the pedagogical approach. *The world of science, culture and education*. 2016, no. 4 (59), pp. 68–71. (In Russian)
3. Heckmann N. A., Olenina G. V. Program of activities fans of role-playing games: theoretical and practical analysis. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts]*. 2015, no. 3 (65), pp. 130–137. (In Russian)
4. Dobrinskaya E. I., Sokolov E. V. *Svobodnoe vremya i razvitie lichnosti [Free time and personal development]*. Leningrad, 1983. 32 p.
5. Retyunskikh L. T. *Ontologiya igry. Avtoreferat diss. dok. filos. nauk [Ontology of the game. Synopsis dr. philos. sci. diss.]*. Moscow, 1998. 40 p.

6. Sokolov A. V. *Obshchaya teoriya sotsial'noy kommunikatsii [General theory of social communication]*. St. Petersburg, Publishing house of the V. A. Mikhaylov, 2002. 461 p.
7. Sokolov E. V. Ratsional'noe ispol'zovanie vremeni i kul'tura dosuga [Time management and leisure culture]. *Sotsiologiya kul'tury. Metodologiya i praktika kul'turno-prosvetitel'noy deyatel'nosti [Sociology of culture. Methodology and practice of cultural and educational activity]*. Leningrad, 1982. Pp. 15–25.
8. Stolovich L. N. *Zhizn' tvorchestvo chelovek: funktsii khudozhestvennoy deyatel'nosti [Life is a creative person: the function of artistic activity]*. Moscow, Political Literature Publishing House of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, 1985. 415 p.
9. Yaroshenko N. N. Educational potential of modern leisure industry. *Culture and Arts Herald*. 2015, no. 4 (44), pp. 28–35. (In Russian)

*

ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИГРОВОГО ДОСУГА МОЛОДОЙ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ ГОРОДА

УДК 379.8

Е. В. Дедюшина

Алтайский государственный институт культуры

Автор статьи поднимает вопросы организации досуга молодой семьи в условиях современного города, где перенасыщенность рынка досуга ведёт к потере ориентации в предлагаемых услугах и даже к потере желания разнообразно проводить свободное время. В статье рассматриваются модели современного игрового досуга и их характеристики в контексте позитивных и негативных тенденций глобализации и распространения продуктов и идеологии массовой культуры. Автор выделяет среди существующих инновационных форм досуговой деятельности роуп-джампинг и «квест в реальности» – как те современные формы молодёжного досуга, которые можно целенаправленно использовать в качестве семейного досуга молодой семьи для противостояния антиродительским и антисемейным установкам, распространяющимся в современном российском обществе.

Ключевые слова: молодая семья, семейный досуг, свободное время, досуг семьи в условиях города, организация досуга, инновационные формы досуга, роуп-джампинг, квест в реальности, антисемейные установки.

E. V. Dedyushina

Altay State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation
(Minkulturny), Yurina str., 277, 656055, Barnaul, Altayskiy Kray, Russian Federation

INNOVATIVE FORMS OF GAMING ENTERTAINMENT ORGANIZATION OF YOUNG FAMILIES IN THE URBAN ENVIRONMENT

The author of the article raises questions about the organization of leisure for a young family in the conditions of a modern city, where oversaturation of the leisure market leads to a loss of orientation in the services offered and even a loss of desire to spend free time in various ways. The article discusses the models of modern gaming leisure and their characteristics in the context of positive and negative trends of globalization and the spread of products and the ideology of popular culture. The author identifies among the existing innovative forms of leisure activities, rope jumping and “quest in reality” – as those modern forms of youth leisure that can be purposefully used as family leisure for a young family to counter the anti-government and anti-family attitudes spread in modern Russian society.

ДЕДЮШИНА ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА – преподаватель кафедры художественной культуры и декоративно-прикладного творчества Алтайского государственного института культуры

DEDYUSHINA ELENA VITALYEVNA – teacher of the Department of Artistic Culture and Decorative and Applied Arts, the Altai State Institute of Culture

e-mail: lena-dolphin@yandex.ru

© Дедюшина Е. В., 2018

Keywords: young family, family leisure, free time, family leisure in city conditions, leisure organization, innovative forms of leisure, road jumping, quest in reality, anti-family installations.

Для цитирования: Дедюшина Е. В. Инновационные формы организации игрового досуга молодой семьи в условиях города // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 135–140.

В начале XXI века, по мнению известного отечественного философа и культуролога В. С. Библера, наметилась смена ценностных ориентиров поколений, что может быть связано с высокими темпами научно-технического прогресса [1]. Развитие современных технологий и Интернета увеличивает поток информации, который способен быть неконтролируемым. Л. И. Дробышева отмечает, что это сопровождается снижением регулирующей роли национальных культурных ценностей, когда молодёжь всё больше ориентируется на продукты и идеологию западной массовой культуры, причём низкого качества, для восприятия которой не требуется больших усилий [3]. По мнению А. Р. Мурасова, результатом оказываются антисупружеские, антиродительские и антисемейные установки, происходит разрушение самого института семьи [4]. Но, по нашему мнению, семейные досуговые занятия способны изменить данную негативную тенденцию.

Досуговые занятия молодой семьи в условиях города, при наличии определённого бюджета свободного времени и материально-финансовых средств, могут быть достаточно разнообразны. Проблема заключается в том, насколько в семье воспитан интерес и привычка к совместному времяпрепровождению. У всех членов семьи в целом достаточно часто нет времени на то, чтобы проводить досуг совместно, поскольку режим труда и/или учёбы не совпадает с режимом совместного отдыха.

Кроме того, на совместную досуговую деятельность семьи влияет возраст всех чле-

нов семьи и другие обстоятельства, которые делают проблематичным совместное общение и досуговую деятельность. Технологии организации досуга в условиях города могут стать одним из наиболее актуальных способов развития как семейного досуга, так и самой молодой семьи.

Свободное время и способы его организации создают условия для развития личности. Умение проводить свой досуг с пользой и интересом не только способствует развитию личности, но и повышает досуговую квалификацию окружающих людей. Формы проведения досуга, которые оказывают влияние на все сферы жизнедеятельности человека, безусловно, зависят от возрастных особенностей человека. При этом, как отмечает О. А. Серкова, молодые люди, имея возможность выбирать досуговые занятия по собственному желанию при огромном разнообразии форм досуговой деятельности, часто не готовы к осознанному выбору её видов, которые бы способствовали полноценному формированию личности [6].

Сегодня набирает популярность комплексная модель досуга, которую предложил Ю. А. Стрельцов и которая направлена на оздоровление и рекреацию [7]. И. В. Саркисова относит сюда такие досуговые занятия, как одноразовое посещение или абонемент в фитнес-центр, бассейн, аквапарк, тренажёрный зал и т.д., что в последние годы стали особенно популярным [5]. Молодёжь уделяет всё больше внимания здоровому питанию и поддержанию своей физической формы. Так, для обмена соответствующей информацией

и опытом создаются многочисленные группы в социальных сетях.

Ещё одним популярным видом досуга стали игры в страйк-болл (игра в «войну», где в качестве оружия используются специальные пистолеты с пластиковыми пулями), в пейнт-болл (аналогичная игра, где оружием являются пистолеты с краской). Данные игры сочетают в себе коммуникативную и рекреационную функции, позволяя соединять активный отдых и общение. Подобный досуг довольно сложно организовать в городе из-за отсутствия подходящих площадок, но в туристско-рекреационных зонах и за чертой города это вполне осуществимо. Занятия, связанные с экстремальным досугом, в виде сплава по горной реке на катамаранах, скалолазания, преодоления полосы препятствий в условиях «веревочного» парка, который может быть расположен в городе, также могут относиться к комплексной модели досуга и, соответственно, представляют интерес для молодёжи [6].

В последние годы набирает популярность такой вид экстремального спорта, как *gore jumping* (роуп-джампинг), от английского: *gore* – ‘веревка’ и *jumping* – ‘прыжки’. Роуп-джампинг – прыжки с верёвкой с высокого объекта при помощи системы амортизации из альпинистских верёвок и снаряжения [9]. Родоначальником и первооткрывателем этого вида спорта, а позже и вида активного досуга, считается американский альпинист Дэн Осман.

Для роуп-джампинга не нужны специально оборудованные площадки, потому что объектами для прыжков чаще всего выбирают мосты, недостроенные здания, краны или скалы. Особенностью роуп-джампинга является то, что прыжок оканчивается выходом на «маятник», то есть прыгун повисает на верёвке, которая крепится в определённой

точке и раскачивается на ней до остановки или спуска на землю, как маятник в часах. Если траектория и натяжение верёвки рассчитаны правильно, то переход из свободного падения в маятник можно даже не почувствовать. Для прыжков с верёвкой не требуется дорогостоящее оборудование: краны, резинки и т.д. Из снаряжения используются лишь специальные динамические верёвки, пояса для страховки (они охватывают не только талию, но и обе ноги отдельно) и всевозможные крепежи-карабины. В качестве снаряжения для роуп-джампинга используют альпинистские системы промышленного типа. Сюда входят широкие ножные и поясные ремни, которые обеспечивают комфортное позиционирование тела и удобный «подхват» прыгуна после прыжка [9]. Прыжки бывают нескольких видов: со свободным падением и без свободного падения («маятник»). Во время прыжка опытные прыгуны часто выполняют зрелищные акробатические трюки [10].

Подобными досуговыми занятиями увлекается не только молодёжь, но и активные представители старшего поколения, а потому, соответственно, роуп-джампинг может считаться досугом семейным. Проведение свободного времени подобным образом с семьёй может способствовать объединению всех её членов на почве общих увлечений и интересов. Так как прыжки проводятся на открытых площадках, у участников есть возможность живого общения и активного отдыха на природе. Нередко организаторы проводят пикники и «посиделки» с гитарой у костра, устраивают подвижные командные игры, что способствует объединению и общению участников.

Роуп-джампинг является не единственным оригинальным и современным способом проведения семейного досуга. В Рос-

сии с 2013 года активно развивается такой вид досуга, как «квест в реальности» (англ. quest – ‘поиск’), который представляет собой совершенно новый и пока ещё малоизвестный способ проведения свободного времени – как в одиночку, так и с семьей или с друзьями.

«Квест в реальности» – это развлекательная игра для команды из нескольких человек (от 1 до 20), в специально подготовленном помещении, продолжительностью 60–90 минут. В подобной игре необходимо уметь работать в команде, а также применять логику, ловкость и координацию. Часто территория квеста оборудована красочными декорациями, механическими и электронными устройствами, также используются специальные эффекты для полного погружения в атмосферу игры. Сюжеты «квестов в реальности» могут быть различными, основанными на популярных фильмах и компьютерных играх или на уникальных авторских сценариях. Квесты представляют собой разновидность игр, в которых участники действуют в рамках запланированного сюжета, стремясь выполнить различные задания: убить дракона, спасти мир и т.д.

Для достижения главной цели участникам игры необходимо выполнить цепочку второстепенных заданий, в ходе чего участникам для достижения своих целей приходится должным образом использовать предметы игрового мира. Так, например, чтобы проскользнуть мимо «дракона», игрокам нужно подсыпать ему в пищу снотворное. Если же у участников нет необходимого предмета, то им потребуется придумать, где и как его раздобыть, чем его заменить или придумать альтернативный способ выполнения задания. Весь сюжет квеста наполнен различными подсказками, которые помогают участникам решить, как же

именно можно справиться с той или иной задачей. Таким образом, прохождение квеста чем-то напоминает решение логической головоломки [8].

Развитие этого направления привело к созданию игровых видов, которых на сегодняшний день можно выделить несколько:

1. «Эскейп Рум» («побег из комнаты»). Считается классическим жанром, поскольку является одним из первых видов подобных игр. В ходе игры команду игроков запирают в одной или нескольких комнатах. Задачей является найти способ выбраться до истечения отведённого времени. По ходу игры команда участников находит улики и подсказки, решает загадки, в зависимости от сюжета и сценария. Вся игра строится вокруг задачи выбраться из запертой комнаты.

2. Собственно «квест в реальности». В отличие от классического вида «Эскейп Рум», в этом виде квеста не обязательно ставится задача выбраться из комнаты. В «квесте в реальности» игрокам предлагается прожить определённую сюжетную линию: спасти одного персонажа или всё человечество, изготовить эликсир молодости или философский камень и т.д.

3. «Перформанс». В этой разновидности игры в игровом помещении, кроме участников, присутствуют актёры, которые оказывают влияние на игровой процесс или разыгрывают сцены: например, триллер или фильм ужасов. В центре этого оказываются участники, перед которыми по-прежнему стоит задача выполнить условия игры.

4. «Экшн Игра». Этот вид предполагает не только интеллектуальную, но и физическую активность. Полоса препятствий с голливудскими декорациями, прыжки на батуте, побег от мафии – всё это перемежается необходимостью быстро решать командные и логические задачи.

5. «Морфеус». Данный вид можно назвать «квест в нереальности», поскольку игра происходит как бы в воображении участников. Все игроки завязывают себе глаза до конца игры. При этом ведущий и актёры помогают лучше погрузиться в атмосферу игры. В этом виде квеста задействованы все органы чувств, кроме зрения. Игрокам предстоит слышать, чувствовать и осязать, чтобы выполнить игровое задание [2].

Совместное решение сложных задач и прохождение препятствий в рамках игры способствуют сплочению и развивают умение работать в команде, позволяют лучше узнать своих партнёров по игре, соответственно, способствуют укреплению семьи и развитию умения работать в команде. Подобным образом можно не только занять свободное время, но и отметить семейный праздник (день рождения, юбилей). Такой досуг способен стать альтернативой уже привычным походам в кафе, кино и тому подобное.

Таким образом, «квест в реальности» – вид досуга, который подходит не только для компании друзей, но и для семьи. Проводя время подобным образом, члены семьи имеют возможность лучше узнать друг друга, научиться общаться и взаимодействовать. Появляются интересы и ценности для

всей семьи, а не для каждого конкретного члена семьи.

Итак, при многообразии форм и способов проведения досуга в городах сегодня люди часто сталкиваются с проблемой выбора. Перенасыщенность рынка досуга ведёт к потере ориентации в предлагаемых услугах и зачастую к потере желания разнообразно проводить свободное время. В данной статье выделены и описаны именно те инновационные формы проведения досуга, которые подходят для молодой семьи по целому ряду причин: относительная финансовая доступность, удобное расположение (в черте города, в шаговой доступности), доступность в выходные дни, независимость от сезона и погодных условий (в основном используются крытые площадки). Для проведения времени подобным образом не требуется специальных навыков и знаний (рассчитано на всех), специального оборудования, экипировки или снаряжения. Всё это предоставляется организаторами.

Представленные выше виды досуга, с нашей точки зрения, наиболее эффективно способствуют сплочению молодой семьи, развивают чувство взаимной поддержки и, тем самым, работают на преодоление антиродительских и антисемейных установок в современном российском обществе.

Примечания

1. Библер В. С. Россия и Запад в канун XXI века // Мегполис-Экспресс. 1991. № 3.
2. Гильдия квестов [Электронный ресурс]. URL: <http://questguild.ru/company/what-is-reality-quest>.
3. Дробышева Л. И. Социология семьи : учебное пособие. Барнаул : Изд-во АГИИК, 2000. Часть 1. 103 с.
4. Мурасова А. Р. Педагогическое сопровождение культурного самоопределения студентов : монография. Ульяновск : Ульяновский государственный технический университет, 2009. 131 с.
5. Саркисова И. В. Свободное время и духовное развитие молодёжи (на материалах Туркменистана) : автореферат дис. на соиск. учён. степ. кандидата социологических наук : 22.00.04 / Саркисова Ирина Владимировна. Санкт-Петербург, 1992. 18 с.
6. Серкова О. А. Особенности организации культурно-досуговой деятельности подростков в условиях небольшого города [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bestreferat.ru/referat-160971.html>

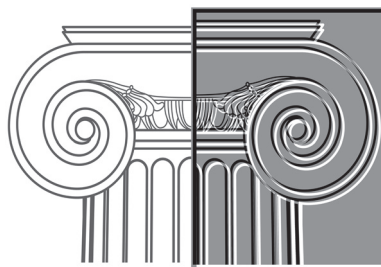

7. Стрельцов Ю. А. Культурология досуга : учебное пособие для студентов вузов культуры и искусств. Москва : МГУКИ, 2002.
8. Что такое квест [Электронный ресурс]. URL: <http://help.ordermira.ru/quests/about.htm>
9. RopeJumping – что это? [Электронный ресурс]. URL: <http://extremefamily.ru/ropejumping/about-ropejumping.html>
10. RopeJumping в России [Электронный ресурс]. URL: <https://rujump.ru/>

References

1. Bibler V. S. *Rossiya i Zapad v kanun XXI veka [Russia and the West on the eve of the 21st century]*. Megapolis-Express. 1991, no. 3.
2. *Gil'diya kvestov [Guild of quests]*. Available at <http://questguild.ru/company/what-is-reality-quest>
3. Drobysheva L. I. *Sotsiologiya sem'i. Chast' 1 [Sociology of the family. Part 1]*. Barnaul, Publishing house of the Altay State Institute of Arts and Culture, 2000. 103 c.
4. Murasova A. R. *Pedagogicheskoe soprovozhdenie kul'turnogo samoopredeleniya studentov [Pedagogical support of cultural self-determination of students]*. Ulyanovsk, Publishing house of the Ulyanovsk State Technical University, 2009. 131 p.
5. Sarkisova I. V. *Svobodnoe vremya i dukhovnoe razvitie molodezhi (na materialakh Turkmenistana). Avtoreferat diss. kand. sotsiolog. nauk [Free time and spiritual development of youth (on materials of Turkmenistan). Synopsis cand. sociolog. sci. diss.]*. St. Petersburg, 1992. 18 p.
6. Serkova O. A. *Osobennosti organizatsii kul'turno-dosugovoy deyatel'nosti podrostkov v usloviyakh nebol'shogo goroda [Features of the organization of cultural and leisure activities of adolescents in a small city]*. Available at <https://www.bestreferat.ru/referat-160971.html>
7. Streltsov Yu. A. *Kul'turologiya dosuga [Cultural studies of Leisure]*. Moscow, Publishing house of the Moscow State University of Culture and Arts, 2002.
8. *Chto takoe kvest [What is a quest]*. Available at: <http://help.ordermira.ru/quests/about.htm>
9. *RopeJumping – chto eto? [RopeJumping – what is it?]*. Available at: <http://extremefamily.ru/ropejumping/about-ropejumping.html> (accessed: 25.08.2018).
10. *RopeJumping v Rossii [RopeJumping in Russia]*. Available at: <https://rujump.ru/>

*

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

КОМПЛЕКСНАЯ ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КОНСЕРВАТОРИИ ИМЕНИ П. И. ЧАЙКОВСКОГО)

УДК 37.01

А. П. Альбов¹, И. И. Слуцкая²

¹МИРЭА – Российский технологический университет

²Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского

Для успешной профессиональной подготовки необходима выработка у студента двух взаимно дополняемых качеств – ценностной ориентации и навыков предметно-практической деятельности. При этом практико-ориентированный подход может быть выстроен только на основе единства материальных и духовных ценностей, чувственного и рационального в процессе обучения. В статье показано, что процесс обучения в творческих вузах, музыкальных вузах в частности, имеет собственную логику, собственные традиции, в которых в последние годы произошёл определённый сдвиг, связанный с наметившимся изменением методологического инструментария. Решение этой проблемы возможно в контексте подготовки творческого, мобильного, ценностно ориентированного профессионала, готового работать с новой информацией, выстраивать вектор самообразования, свободно себя чувствовать в новых социальных и экономических условиях. Но предпосылкой решения данной проблемы является органичное сочетание консервативного и инновационного моментов в педагогическом процессе.

Ключевые слова: Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского, комплексная подготовка специалиста, гуманитаризация образования, ценностная ориентация, предметно-практическая деятельность, консервативное и инновационное в образовании.

---

¹АЛЬБОВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ – доктор юридических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры интеллектуальных прав Института экономики и права МИРЭА – Российский технологический университет, профессор Академии живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова

ALBOV ALEKSEY PAVLOVICH – Full Doctor of Laws, Ph.D. (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Intellectual Rights, the Institute of Economics and Law, the MIREA – Russian Technological University, Professor of the Ilya Glazunov Academy of Painting of Sculpture and Architecture

²СЛУЦКАЯ ИРИНА ИЛЬИНИЧНА – кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

SLUTSKAYA IRINA ILINICHNA – Ph.D. (Cultural Studies), Associate Professor of the Russian Language Department, the Tchaikovsky Moscow State Conservatory

e-mail: aap62@yandex.ru¹, sluckevich85@mail.ru²

© Альбов А. П., Слуцкая И. И., 2018

A. P. Albov¹, I. I. Slutskaya²

¹MIREA – Russian Technological University, the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Prospect Vernadskogo, 78, 119454, Moscow, Russian Federation

²Tchaikovsky Moscow State Conservatory, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkul'tury), Bol'shaya Nikitskaya str., 13/6, 125009, Moscow, Russian Federation

**COMPREHENSIVE TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS
IN THE FIELD OF CULTURE AND ART (ON THE EXAMPLE
OF THE TCHAIKOVSKY MOSCOW STATE CONSERVATORY)**

For successful vocational training, it is necessary to develop a student of two mutually complementary qualities – value orientation and skills of subject-practical activity. At the same time, a practice-oriented approach can be built only on the basis of the unity of material and spiritual values, sensual and rational in the learning process. The article shows that the learning process in creative universities, music universities in particular, has its own logic, its own traditions, in which in recent years there has been a certain shift associated with the outlined changes in methodological tools. The solution to this problem is possible in the context of preparing a creative, mobile, value-oriented professional who is ready to work with new information, build a vector of self-education, and orient himself in new social and economic conditions. But the prerequisite for solving this problem is an organic combination of conservative and innovative moments in the pedagogical process.

Keywords: the Tchaikovsky Moscow State Conservatory, comprehensive specialist training, humanization of education, value orientation, subject-practical activity, conservative and innovative in education.

Для цитирования: Альбов А. П., Слуцкая И. И. Комплексная подготовка будущих специалистов в сфере культуры и искусства (на примере Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 142–151.

Вопрос о подготовке специалистов в музыкальной сфере является одним из ключевых в решении проблемы образования и сохранения ценностей российского общества, его единства [1; 5; 10]. Необходимость практико-ориентированной комплексной подготовки будущих специалистов в сфере культуры и искусства обусловлена тем, что «наша страна – страна великой культуры, огромного культурного наследия, многовековых культурных традиций и неиссякаемого творческого потенциала. Накоплен уникальный исторический опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур – на этом естественным образом веками строилась российская государственность [15]». Культура России – такое же её достояние, как и природные богатства; по-

знание, овладение культурными ценностями происходит в процессе гуманитаризации образования. Именно культура является той основой, платформой, фундаментом, на котором сохранялся, накапливался и передавался новым поколениям духовный опыт народа, обеспечивалось единство нации, укреплялся авторитет государства в цивилизационных процессах [13].

Актуальность сформулированной проблемы детерминирована комплексом современных тенденций в педагогическом образовании, связанных с разноплановыми условиями развития в культурной, социальной, политической жизни общества, и все эти факторы обусловили потребность подготовки специалистов как в сфере культуры и искусства в целом, так и в музыкальном

образовании в частности. Перед нами стоит задача формирования комплексных, интегральных механизмов обучения и профессиональной переподготовки на основе нового методологического инструментария, с учётом многообразия региональных культурных факторов [10].

Необходимо наполнить новым содержанием образовательный процесс, а значит, создать условия, позволяющие в рамках практико-ориентированного образования глубже понимать процессы в российском обществе и мире в целом, осознавать уникальную национальную специфику нашей культуры.

Сегодня в подготовке специалистов наблюдается явный перекося в выработке способности технически совершенных навыков исполнительского искусства, и вместе с тем упускается из виду другая социокультурная составляющая – концептуальная способность и умение реализовать полученные знания в более широком социокультурном пространстве [2]. Выработка концептуальной ценностной ориентации и навыков предметно-практической деятельности в процессе профессиональной подготовки и самоподготовки не просто актуальна. Её реализация создаст условия для гармоничного всестороннего развития творческой личности, что, в свою очередь, позволит быть мобильным и востребованным специалистом [4]. А для этого необходимо определить педагогические условия и механизмы эффективности подготовки, которые включают в себя ряд элементов: повышение профессиональной компетентности педагогов, формирование, внедрение и мониторинг педагогических технологий, гарантию компетентности в области медиатехнологий, включение в учебный процесс предметов, направленных на формирование кон-

курентоспособных качеств в сфере культуры и искусства [1].

Особенности профессиональной подготовки студентов в вузах культуры и искусства раскрыты в работах Е. М. Акишиной, Л. Л. Алексеевой, Л. Е. Слуцкой, Е. П. Олесиной, О. В. Стукаловой, где выявлена стратегия развития профессиональной музыкальной подготовки и самоподготовки. В этом плане актуальны исследования в области комплексной подготовки будущих специалистов в сфере культуры и искусства, демонстрирующие системообразующую роль социогуманитарного знания в профессиональном образовании, достоинства педагогического диалога в контексте такой профессиональной подготовки. А потому решение проблем, возникающих в системе подготовки указанных специалистов, необходимо целенаправленно направить в сторону духовного, самоценностного развития всех участников образовательного процесса и, соответственно, их креативных способностей [13; 14; 17].

В этом плане Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского является не только крупнейшим образовательным, научным и просветительским центром нашей страны, но и центром по творческому, музыкальному консультированию, повышению подготовки, переподготовки, дополнительного профессионального образования.

МГК имени П. И. Чайковского – одно из первых учебно-образовательных учреждений России, основанное выдающимся музыкантом и общественным деятелем Н. Г. Рубинштейном. В феврале 1866 года генерал-губернатор Москвы получил от председателя Российского музыкального общества великой княгини Елены Павловны «рескрипт», в котором Московскому отде-

лению Общества разрешалось учредить в Москве высшее музыкальное училище на основании Устава подобного же училища в Санкт-Петербурге.

С учреждением в Москве высшего музыкального училища указанному Обществу открывался более обширный круг деятельности; ему была дана возможность развивать те природные музыкальные дарования, которых так много в России и которые, к сожалению, доселе бесследно пропадали для искусства. В сентябре этого же года состоялось Торжественное открытие Московской консерватории. К концу XIX – началу XX века Московская консерватория продемонстрировала блестящие результаты: выросла русская композиторская школа (московская ветвь). Композиторы С. И. Танеев, С. В. Рахманинов, А. Н. Скрябин, Н. К. Метнер получили мировое признание. Русская фортепианная школа ярко себя проявила в лице А. И. Зилоти (ученик Н. Г. Рубинштейна), А. Н. Скрябина, И. и Р. Левиных (ученики В. И. Сафонова), С. В. Рахманинова (ученик А. И. Зилоти) и т.д. В 1940 году МГК получает имя П. И. Чайковского, работавшего в консерватории с первого дня её основания. 6 февраля 1993 года было издано Постановление Совета министров Правительства Российской Федерации «О Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского» – о присвоении статуса особо ценного объекта культурного наследия Российской Федерации. Московская консерватория – единственное музыкальное учебное заведение, которому был присвоен статус университета.

Каждый студент консерватории неразрывно связан с ней на протяжении всей своей творческой жизни. Московская консерватория олицетворяет собой не просто учебные дисциплины, но прежде всего людей

– мастеров высочайшего класса, разнообразную концертную деятельность, уникальные творческие проекты. Выпускники Московской консерватории – артисты симфонических оркестров, оперных театров, руководители хоровых коллективов, педагоги музыкальных школ, колледжей, вузов. Выпускники-музыковеды работают критиками, редакторами, лекторами, журналистами на радио, телевидении и в других СМИ. Высочайший уровень мастерства российского музыкального искусства демонстрируют такие выпускники МГК имени П. И. Чайковского, как М. Плетнев, Д. Мацуев, Н. Луганский, Е. Мечетина, Г. Казазян, Н. Борисоглебский, А. Бузлов, В. Урюпин, В. Валеев и другие. Являясь крупнейшим мировым центром музыкального искусства, консерватория имеет различные творческие коллективы: два симфонических студенческих оркестра: младших курсов, старших курсов, Камерный, «Московия»; два хора: студенческий и камерный; Фольклорный ансамбль; ансамбль японской музыки “Wa-on”; а также профессиональные коллективы – производственные: хор и оркестр Оперного театра; ансамбль «Студии новой музыки». Ежегодно в залах Московской консерватории организуется около 500 концертов. К участию в концертной работе привлекаются воспитанники консерватории прошлых лет, ставшие известными артистами, а также зарубежные музыканты – студенты и гости консерватории.

Консерватория является и крупным научным центром. Общее количество научно-творческих центров консерватории – 12, включая *Научно-музыкальную библиотеку имени С. И. Танеева* – крупнейшее в России хранилище нотных и музыкальных изданий, имеющее более 1 500 000 единиц хранения. Библиотека имени С. И. Танеева – один

из ведущих центров библиотечной научной работы, организатор и участник ряда международных конгрессов, в том числе IAML (Конгресс Международной ассоциации музыкальных библиотек, архивов и информационных центров), участник ряда международных справочных изданий.

В 2012 году был создан *Научно-творческий центр междисциплинарных исследований музыкального творчества*, в задачи которого входит объединение исследований музыки с применением самых современных математических и естественно-научных методов (биологии, психологии). Центр по праву является уникальной инновационной структурой не только в России, но и в мире, так как входит в состав вуза, традиционно занимающегося профессиональным музыкальным образованием.

Научно-творческий центр электроакустической музыки. Специалисты этой инновационной структуры занимаются исследованием новейших областей музыки, связанных с применением электронных и компьютерных средств, а также принимают участие в создании музыкальных произведений данной отрасли. Важной областью деятельности является преодоление исторически сложившегося отставания России в области музыкально-компьютерных технологий, для чего осваивается мировой опыт, переводятся на русский язык фундаментальные научные труды и учебные пособия. Центр входит в Международную ассоциацию электроакустических центров.

Научно-исследовательский центр музыкально-информационных технологий. В отличие от предыдущей структуры занимается изучением различных аспектов музыкального искусства, в том числе природы музыкального звука в архаических культурах, при помощи информационных технологий.

Научно-творческий центр «Музыкальные культуры мира» сочетает научную деятельность с творческо-исполнительской и организаторской. Под руководством центра ежегодно проводится ряд крупных фестивалей и конференций по внеевропейской музыке, выполняются диссертационные исследования, осуществляется широкий круг контактов со специалистами различных стран мира: мастер-классы, лекции и т.д.

Научный центр народной музыки имени К. В. Квитки. Центр осуществляет широко-масштабное изучение музыкального фольклора, в первую очередь русского. В силу специфики предмета изучения, как и центр «Музыкальные культуры мира», ведёт интенсивную исполнительскую и концертную деятельность в России и за рубежом. Центр народной музыки имени К. В. Квитки называют практически постоянным грантодержателем РГНФ.

Научно-творческий центр современной музыки, инновационность структуры которого состоит в объединении в его составе композиторов-практиков и учёных-музыковедов. Этого требует специфика современной ситуации в музыкальном искусстве. Ведёт обширную научную деятельность по освоению текстов (музыкальных и теоретических) российских и зарубежных композиторов. Постоянно организует исполнения произведений современных композиторов, сотрудничая с оркестром «Студия новой музыки», приглашает выдающихся композиторов мира для проведения мастер-классов.

Проблемная научно-исследовательская лаборатория музыки и музыкального образования – музыкальное образование, являясь одним из значимых элементов всей российской культуры, аккумулирует и приумножает мировые и национальные ценности, эсте-

тические идеалы, способствует креативному освоению личностью динамичного, мультикультурного мира, формированию ценностной ориентации и выработке навыков предметно-практической деятельности.

В процессе подготовки специалистов в стенах консерватории в основу понимания культуры и искусства кладётся активная ценностно-ориентированная деятельность как преподавателя, так и студента, вследствие чего осуществляется развитие будущего специалиста в качестве активного, деятельного субъекта. Новые подходы в музыкальном образовании – ответ новым социальным вызовам; при практико-ориентированном подходе они совпадают с успешным развитием будущего специалиста [16; 18].

В практике большинства западноевропейских государств в системе подготовки специалистов в сфере культуры и искусства сложилась устойчивая модель, которая соединяет в себе два аспекта: профессиональный и практико-ориентированный, позволяющий заниматься в будущем организацией и правовым сопровождением концертной деятельности, журналистикой, менеджментом, научно-педагогической деятельностью. Основной задачей такой подготовки является воспитание специалиста, владеющего всеми профессиональными компетенциями, заложенными государственным образовательным стандартом. В ряде работ современных исследователей показано, что целями практико-ориентированных дисциплин является формирование социально активной личности, при условии сохранения и адаптации национальных особенностей и традиций, формирование мыслящей личности, обладающей определённым уровнем владения знаниями мировой культуры, имеющей устойчивое мировоззрение, кото-

рое определяет её убеждения и нравственную позицию [7; 8; 9; 12].

Соответственно, педагоги в вузах культуры и искусства, включая Московскую консерваторию, в учебном процессе решают ряд важнейших задач, среди которых:

1. Сохранение и передача нормативных, общехудожественных и иных ценностей, значений и знаний через трансляцию социального опыта от поколения к поколению, синхронизацию диалога культур как внутри общества, так и между народами [14].

2. Фиксация целеполагания профессиональной деятельности выпускников, формирование новых ценностных парадигм, установление соотношения возможностей и перспектив развития культуры и искусства, формирование вектора развития на разных социальных уровнях: от бытовых, каждодневных задач до реализации творческого потенциала и формирования духовных ценностей всей культуры [13].

3. Формирование студенческой коммуникации и информационного обмена с использованием символов и образов. Таким образом достигаются следующие цели: интеграция различных социальных групп, личности и государства на основе общих ценностных установок; внутреннее структурирование социальных институтов на основе ценностных кодов общества [19].

4. Практико-ориентированная составляющая подготовки выпускников, способствующая социализации и адаптации будущих специалистов в современной среде постиндустриального общества.

5. Компенсаторная функция, призванная компенсировать проблемы и недостатки современной общеобразовательной школы [11]. В вузах культуры и искусства необходимо выявить творческий потенциал общеобразовательных дисциплин, предпо-

лагающий отказ от сциентистского подхода в гуманитарных дисциплинах, когда, например, преподавание философии превращается в изложение истории философии [4].

Отметим, что в ряде работ Е. М. Акишиной показано, что педагогическая установка должна сформировать устойчивое творческое самоопределение личности, а именно – понимание смысла профессии и своего профессионального роста. При этом практико-ориентированный потенциал реализуется не только в процессе обучения в учебном заведении, но и через личность педагога, который ежедневно своим опытом, знаниями формирует убеждения, установки, определяя тем самым устойчивую линию поведения, жизненную позицию будущих специалистов.

Анализ экспериментальных исследований показывает, что образовательная среда вуза в сфере культуры и искусства, при наличии системного педагогического сопровождения, способна создать эффективные условия для развития профессиональных установок студентов. Наиболее высокие коэффициенты корреляции были получены со следующими показателями профессиональных установок: уровнем сформированности целеполагания и жизнестроительных стратегий ($r = 0,6841$); стремлением к доминированию ($r = 0,3711$); способностью к принятию других и адаптивностью ($r = 0,3580$). Полученные корреляционные связи доказывают, насколько актуальным для профессионального становления будущего специалиста является наличие развитой образовательной среды [2].

Примечания

1. Акишина Е. М. Возможности современных педагогических технологий в непрерывном художественном образовании [Электронный ресурс] // Педагогика искусства : сетевой электронный научный журнал. 2018. № 2. С. 8–13. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/vozmozhnosti-sovremennyh-pedagogicheskikh-tehnologiy-v-nepreryvnom-hudozhestvennom>

Сегодня часто говорят о консерватизме в российском образовании, но скорее всего именно благодаря ему наша высшая школа оказалась способной сохранять нравственные идеалы, культурные ценности и национальные традиции, оставаясь при этом тем социальным институтом, где имеет место формирование представлений о ценности человеческой личности и её творческом развитии [20]. В российском образовании по-прежнему сохраняется традиция, связанная с лучшими классическими образцами воспитания и обучения студента: образованность, интеллигентность, универсальные знания. Эта традиция поддерживается большей частью научно-педагогического состава, так как личность педагога была сформирована в социокультурных реалиях, где коллективизм и духовные ценности рассматривались в качестве основ развития личности.

Таким образом, наиболее сложной задачей вузов культуры и искусства, что демонстрирует опыт Московской консерватории, становится необходимость обеспечить сочетание консервативной и инновационной сторон педагогического процесса. Поиск в этом направлении позволяет решать те задачи, которые стоят перед отечественной системой высшего образования и обществом в целом, а точнее, перед обществом в сфере образования. И при этом необходимо помнить, что ответ на современные вызовы не должен быть ограничен формальными рамками аккредитационных показателей [22].

2. Акишина Е. М. Развитие профессиональных установок студентов в образовательной среде вузов сферы культуры и искусства // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 2 (69). С. 169–170.
3. Алексеева Л. Л. Исследования в области художественного образования в контексте реформирования отечественной науки [Электронный ресурс] // Педагогика искусства. 2015. № 1. С. 262–266. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/issledovaniya-v-oblasti-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-kontekste-reformirovaniya>
4. Альбов А. П. Аксиологический потенциал гуманитаризации профессиональной подготовки будущих специалистов в сфере искусства и культуры // Перспективы науки. 2018. № 5 (104). С. 89–91.
5. Альбов А. П. Основы государственной культурной политики России. Курс лекций : учебное пособие. Ставрополь : Логос, 2018. 385 с.
6. Аристотель. Сочинения : в 4 томах. Москва : Мысль, 1983. Том 4. Никомахова этика / пер. и ред. А. И. Доватура. 1983. 830 с.
7. Зинченко В. П. Гуманитаризация образования // Российская педагогическая энциклопедия : в 2 томах / гл. ред. В. Г. Панов. Москва : Большая российская энциклопедия, 1993–1999. Том 1. 1993. С. 239–240.
8. Зинченко В. П. Ценности в структуре сознания // Вопросы философии. 2011. № 8. С. 85–97.
9. Ильинский И. М. О высшем образовании для XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 4. С. 8–15.
10. Концептуальные основы модернизации предметной области «Искусство» в современном информационном обществе : коллективная монография / под ред. Е. М. Акишиной, Е. П. Олесиной. Москва : ФГБНУ «ИХОиК РАО», 2016.
11. Любжин А. Гуманитарное образование в современной школе: как преодолеть его провинциализм? [Электронный ресурс] // Русский журнал : [веб-сайт]. Электрон. дан. 18.10.2006. URL: <http://www.russ.ru/pole/Gumanitarnoe-obrazovanie-v-sovremennoj-shkole-kak-preodolet-ego-provincializm>
12. Мейдер В. А. Концепция гуманизации и гуманитаризации образования: сущность, направления, проблемы / Министерство общего и профессионального образования Российской Федерации, Волгоградский государственный университет, Волжский гуманитарный институт. Препринт. Волгоград, 1998. 56 с.
13. Олесина Е. П., Стукалова О. В. Гуманитаризация образовательного процесса подготовки будущих педагогов: концептуальные положения и перспективы // Казанский педагогический журнал. 2015. № 3 (110). С. 124–129.
14. Олесина Е. П., Стукалова О. В., Радомская О. И. Гуманитаризация образования – Социокультурная среда города – Развитие современных школьников : монография. Москва : ИХОиК РАО, 2016.
15. Основы государственной культурной политики : утверждены Указом Президента РФ от 24.12.2014 N 808 [Электронный ресурс] : [веб-сайт]. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf
16. Петровский В. А. Человек над ситуацией. Москва : Смысл, 2010. 559 с.
17. Скуднова Т. Д., Егвозцова Е. И. Человековедение : учебно-методическое пособие / под ред. Т. Д. Молодцовой ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Таганрогский государственный педагогический институт». Таганрог : Изд-во Таганрогского государственного педагогического института, 2004. 207 с. : ил., табл.
18. Слуцкая И. И. Механизмы влияния художественной культуры на процесс формирования гуманистических идеалов личности [Электронный ресурс] // Педагогика искусства. 2014.

№ 2. С. 11–14. URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/mehanizmy-vliyaniya-hudozhestvennoy-kultury-na-process-formirovaniya>

19. Слуцкая Л. Е. Становление и трансформация педагогических и художественно-эстетических парадигм в системе современного музыкального образования : дис. на соиск. учён. степ. доктора педагогических наук : 13.00.02 / Слуцкая Лариса Евдокимовна ; Московский государственный открытый педагогический университет. Москва, 2013. 465 с. + ил.

20. Стукалова О. В. Гуманитаризация высшего профессионального образования в сфере культуры и искусства как актуальная проблема педагогики // Новое в психолого-педагогических исследованиях = Innovation in psychological and pedagogical research : теоретические и практические проблемы психологии и педагогики : научно-практический журнал. 2011. № 3 (23). С. 55–64.

21. Франкл В. Человек в поисках смысла : пер. с англ. и нем. Москва : Прогресс, 1990. 368 с.

22. Akishina E. M., Krasilnikov I. M., Medkova E. S. Interpretation of religious plots in the 20th century russian music and visual arts. *European Journal of Science and Theology*. 2017, vol. 13, no. 3, pp. 195–203.

References

1. Akishina E. M. Possibilities of modern pedagogical technologies in continuous art education. *Network electronic scientific journal "Pedagogy of Art"*. 2018, no. 2, pp. 8–13. Available at: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/vozmozhnosti-sovremennyh-pedagogicheskikh-tehnologiy-v-nepreryvnom-hudozhestvennom> (In Russian)

2. Akishina E. M. Development of students' professional attitudes in the high schools' educational environment of the cultural and arts area. *The world of science, culture and education*. 2018, no. 2 (69), pp. 169–170. (In Russian)

3. Alekseeva L. L. Research in the field of art education in the context of the reform of Russian science. *Network electronic scientific journal "Pedagogy of Art"*. 2018, no. 2, pp. 8–13. Available at: URL: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/issledovaniya-v-oblasti-hudozhestvennogo-obrazovaniya-v-kontekste-reformirovaniya> (In Russian)

4. Albov A. P. Axiological Potential of the Humanitarization of Professional Training of Future Specialists in the Field of Art and Culture. *The journal Science Prospects*. 2018, no. 5 (104), pp. 89–91. (In Russian)

5. Albov A. P. *Osnovy gosudarstvennoy kul'turnoy politiki Rossii. Kurs lektsiy [Fundamentals of the state cultural policy of Russia. Lecture course]*. Stavropol, Published by Center for Scientific Knowledge "Logos", 2018. 385 p.

6. Aristotel [Aristoteles] *Sochineniya. V 4 tomakh. Tom 4 [Works. V 4 vol. Vol. 4]*. Moscow, Mysl Publishers, 1983. 830 p.

7. Zinchenko V. P. Gumanitarizatsiya obrazovaniya [Humanization of education]. In: Panov V. G., ed. *Rossiyskaya pedagogicheskaya entsiklopediya. V 2 tomakh. Tom 1 [Russian Pedagogical Encyclopedia. In 2 vol. Vol. 1]*. Moscow, Publishing house of the Great Russian Encyclopedia, 1993. Pp. 239–240.

8. Zinchenko V. P. Values in Consciousness Structure. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2011, no. 8, pp. 85–97. (In Russian)

9. Ilyinsky I. M. O vysshem obrazovanii dlya XXI veka [On higher education for the 21st century]. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*. 2006, no. 4, pp. 8–15.

10. Akishina E. M., Olesina E. P., eds. *Kontseptual'nye osnovy modernizatsii predmetnoy oblasti "Iskusstvo" v sovremennom informatsionnom obshchestve. Kollektivnaya monografiya [Conceptual foundations of the modernization of the subject area "Art" in the modern information society. A collective monograph]*. Moscow, Publishing house of the Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education, 2016.

11. Lubzhin A. Gumanitarnoe obrazovanie v sovremennoy shkole: kak preodolet' ego provintsializm? [Humanitarian education in the modern school: how to overcome its provincialism?]. *Russian*

Journal. 2008. Available at: <http://www.russ.ru/pole/Gumanitarnoe-obrazovanie-v-sovremennoj-shkole-kak-preodolet-ego-provincializm>

12. Meyder V. A. *Kontsepsiya gumanizatsii i gumanitarizatsii obrazovaniya: sushchnost', napravleniya, problemy* [The concept of humanization and humanization of education: the nature, directions, problems]. Preprint. Volgograd, 1998. 56 p.

13. Olesina E. P., Stukalova O. V. Humanitarization of the future teachers' educational process: conceptual positions and perspectives. *The Kazan pedagogical journal*. 2015, no. 3 (110), pp. 124–129. (In Russian)

14. Olesina E. P., Stukalova O. V., Radomskaya O. I. *Gumanitarizatsiya obrazovaniya – Sotsiokul'turnaya sreda goroda – Razvitie sovremennykh shkol'nikov* [Humanitarization of education – Social and cultural environment of the city – Development of modern schoolchildren]. Moscow, Publishing house of the Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education, 2016.

15. *Osnovy gosudarstvennoi kul'turnoi politiki: utverzhdeny Ukazom Prezidenta RF ot 24.12.2014 N 808* [Fundamentals of state cultural policy approved by Presidential decree of 24.12.2014 N 808]. Available at: static.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf

16. Petrovsky V. A. *Chelovek nad situatsiyey* [Human over the situation]. Moscow, Publishing House “Smysl”, 2010. 559 p.

17. Skudnova T. D., Egovtseva E. I. *Chelovekovedenie* [Human studies]. Taganrog, Publishing house of the Taganrog State Pedagogical Institute, 2004. 207 p.

18. Slutsкая I. I. Mechanisms of influence artistic culture on the formation of humanistic ideals of personality. *Network electronic scientific journal “Pedagogy of Art”*. 2014, no. 2, pp. 11–14. Available at: <http://www.art-education.ru/electronic-journal/mehanizmy-vliyaniya-hudozhestvennoy-kultury-na-process-formirovaniya> (In Russian)

19. Slutsкая L. E. *Stanovlenie i transformatsiya pedagogicheskikh i khudozhestvenno-esteticheskikh paradigm v sisteme sovremennogo muzykal'nogo obrazovaniya. Diss. dok. ped. nauk* [Formation and transformation of pedagogical and artistic and aesthetic paradigms in the system of modern music education. Dr. ped. sci. diss.]. Moscow, 2013. 465 p.

20. Stukalova O. V. Gumanitarizatsiya vysshego professional'nogo obrazovaniya v sfere kul'tury i iskusstva kak aktual'naya problema pedagogiki [Humanitarization of higher professional education in the field of culture and art as an actual problem of pedagogy]. *Innovation in psychological and pedagogical research: theoretical and practical problems of psychology and pedagogy. Scientific and practical journal*. 2011, no. 3 (23), pp. 55–64.

21. Frankl V. [Frankl Viktor Emil] *Chelovek v poiskakh smysla* [Human searching for meaning]. Moscow, Progress Publishers. 1990. 368 p.

22. Akishina E. M., Krasilnikov I. M., Medkova E. S. Interpretation of religious plots in the 20th century russian music and visual arts. *European Journal of Science and Theology*. 2017, vol. 13, no. 3, pp. 195–203.

*

ПСИХОДИДАКТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ САМОПОДГОТОВКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 37.025

Н. В. Серегин

Алтайский государственный институт культуры

В работе анализируются аспекты самоподготовки в художественном творчестве, исследуется психодидактическая эффективность художественной деятельности с позиций исследователей, педагогов и практиков, выявляется специфика факторов самоподготовки, в процессе которой формируется систематизация и перспектива развития художественно-творческой одарённости. Автор исследования опирается на авторитетную базу естественно-научной, философской, психологической, педагогической, культурологической, искусствоведческой направленности и выявляет духовные, интеллектуальные и эмоциональные основания решения проблемы.

Ключевые слова: художественная деятельность, самоподготовка, психодидактика, исследование художественно-творческой одарённости.

N. V. Seregin

Altay State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Yurina str., 277, 656055, Barnaul, Altayskiy Kray, Russian Federation

PSYCHODIDACTIC FACTORS OF SELF-TRAINING IN ART ACTIVITY

The paper analyzes the aspects of self-training in artistic creativity, examines the psychodidactic effectiveness of artistic activity from the standpoint of researchers, teachers and practitioners, reveals the specifics of the factors of self-training, in the process of which the systematization and the prospect of development of artistic and creative talent. The author of the study relies on the authoritative base of natural science, philosophy, psychology, education, culture, art criticism and reveals the spiritual, intellectual and emotional basis of the problem.

Keywords: artistic activity, self-preparation, psychodidactics, study of artistic and creative talent.

Для цитирования: Серегин Н. В. Психодидактические факторы самоподготовки в художественной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 152–165.

СЕРЕГИН НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой народных инструментов и оркестрового дирижирования Алтайского государственного института культуры, заслуженный работник культуры Российской Федерации

SEREGIN NIKOLAY VASILYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Folk Instruments and Orchestral Conducting, the Altai State Institute of Culture, Honored worker of culture of the Russian Federation

e-mail: SereginNV@yandex.ru
© Серегин Н. В., 2018

Художественная деятельность порождает новые ценности, идеи, самого человека как творца. Современные научные исследования, уделяющие внимание этой проблеме, прослеживают очевидное стремление конкретизировать содержание этого процесса, виды, способы, инструментарий, технологии, элементы воздействия художественного творчества на человека. При этом важно воздействие как продукта творчества, так и процесса вхождения в него, собственно исполнения творческой деятельности в процессе самоподготовки художника.

На сегодняшний день наиболее продуктивной видится разработка психологических факторов, которые наиболее ярко высвечивают структуры художественной образовательно-воспитательной деятельности как с позиций творения, восприятия, так и с позиции воссоздания себя в творчестве. Глубоко и достаточно объёмно разработана и применяется соответствующая методология: естественно-научная, философская, психологическая, педагогическая, эстетическая, искусствоведческая. Нам видится огромный потенциал педагогики и психологии в оснащении всех заинтересованных научных направлений относительно понимания содержательного компонента художественного в образовании и самовоспитании человека, творца себя и окружающей культуры. В данном контексте мы можем конкретизировать и сформировать перспективные линии действенных и возможных моделей творчества в процессе самоподготовки развивающейся личности художника к исполнительской, просветительной, образовательной и воспитательной деятельности.

Психодидактика художественной деятельности является полидисциплинарной областью научного знания, интегрирующей психологические, дидактические, методиче-

ские знания, используемые в реальной практике развивающего художественного образования и самообразования, с целью личностно-ценностной направленности образовательно-воспитательного процесса.

Специфика сочетания психологических и дидактических факторов помогает сконцентрировать внимание на самообразовательном процессе. Здесь высвечиваются возможности постижения характера и содержания элементов, включённых в творчество самой личности, опосредованных работой в человеке психологических закономерностей, которые по-разному проявляются в творчестве различных исполнителей, отличаются индивидуальным своеобразием, коммуникативными обстоятельствами, факторами внешних и внутренних воздействий, но имеют общую природу и схожую шкалу оценки результатов в конкретном социально-культурном пространстве.

Интересующий нас аспект фокусирует задачи искусствоведческого исследования относительно средств выразительности, эмоционального содержания. Психолого-педагогическое направление концентрирует внимание на вопросах возделывания человека. Психодидактика художественного творчества конкретизирует содержание подготовки и самоподготовки обучающегося в совокупности с комплексом отдачи полученного им, самоотдачи в процессе деятельности и спектра возможностей воздействия на окружающую действительность и себя самого.

Все отмеченные выше направления науки в процессе своих исследований выявляют неповторимость содержания и результатов деятельности, характерных именно для творческого человека. Индивидуальность в искусстве, в процессе подготовки и самоподготовки художника, включая потребителя, без которого происходят коренные

изменения в содержании художественной деятельности, проявляется в каждом конкретном творческом акте по-особенному.

Задача исследователя психодидактического алгоритма деятельности в искусстве заключается в выявлении вариантов разрешения проблем художественного творчества. На этой основе выстраиваются условия эффективной подготовки и самоподготовки. Лонгитюдное исследование, сопровождающее учебный процесс в сфере искусства, выявляет закономерные акты, включающие многовариантность неповторимых действий художника. Выявляя достоинства и недостатки поведения индивидуальности, исследователь определяет психологические, педагогические, искусствоведческие факторы, способствующие решению их проблем. Формируется достаточно ёмкий круг вопросов, среди которых, наряду с естественно-научными, философскими, психологическими, педагогическими, эстетическими, искусствоведческими проблемами, стоят социально-психологические, наряду с психологией творческого процесса – психология восприятия. При этом важно проанализировать элементы, раскрываемые психологией искусства, в компетенцию которой входит выявление психологического и социально-психологического содержания самого художественного произведения, особенностей психологического воздействия искусства на человека, его эмоции, реакции, их последствия.

Результаты решения исследовательских задач художественной деятельности неотъемлемы от процесса подготовки и самоподготовки. Они становятся содержанием как объективированных результатов художественной деятельности, так и сущностью самой этой деятельности. В процесс самоподготовки включаются сложные, трудно-

уловимые компетенции, способствующие созданию и воссозданию художественных ценностей, начиная от разнообразных условий, причин возникновения и формирования замысла, возможных его трансформаций, особенностей личности художника. Многообразный спектр и заканчивается компетенциями, определяющими категории оценки результата творчества. При этом компетентностные показатели взаимосвязаны, как единство объективного и субъективного. Процесс овладения компетенциями в творчестве вызывает интерес для дальнейшего постижения собственно художественного замысла и активизацию перспективы самоподготовительной деятельности. Здесь возникает необходимость выявления не только психологического содержания самого произведения, но и материализованных результатов художественной мысли интерпретатора. Педагогика анализирует объективные данные востребованных творчеством знаниевых компонентов: оценочные суждения художников о своём творчестве, о подготовительных материалах, репетициях, эскизах, этюдах, черновиках и подходах к произведениям, технологиях решений исполнительских задач; свидетельства экспертов, очевидцев, критиков и, разумеется, результаты исследовательских показателей, содержания экспериментов.

Психодидактика самоподготовки в художественном творчестве включает все основные атрибуты понятийного и содержательного компонентов деятельности. Однако в художественной деятельности мы выходим на специфику человеческой, регулируемой сознанием внутренней психической и внешней двигательной активности, направленной на достижение сознательно поставленной цели в конкретном виде искусства. Для нас возникает необходимость выявить не толь-

ко механизмы сознания, управляющего художественной деятельностью, но и факторы воздействия художественного творчества на человека. Последнее особенно важно для построения учебно-воспитательного процесса в искусстве, для подготовки и самоподготовки художника. Здесь мы имеем дело не только с творцом, который создаёт и преобразуется, но и со слушателями, зрителями, огромным и разнообразным спектром восприятия, переработки, запоминания и воспроизведения художественной информации.

Для овладения обучающимися основными компонентами изучения и составления модели художественной деятельности приходится определить, проникнуть, воспринять, воспроизвести, запомнить, перевоплотить их сущность и содержание в соответствии со спецификой каждой личности. В процессе подготовки и самоподготовки художника, согласно выявленным и отражённым в теории деятельности положениям, необходимо всесторонне изучить деятельность. Только в этом случае можно судить о том, каким образом она будет осуществляться. При этом художественная деятельность востребует огромное количество условий, в которых возможна её оптимальная реализация. Не случайно художественная деятельность является предметом самостоятельного изучения. Она же является средством изучения человека, который входит в эту деятельность, становится её субъектом или объектом. Деятельность художника, творца, исполнителя, субъекта восприятия творчества имеет многокомпонентный состав: перцептивный, мнемический, мыслительный, имажинитивный, двигательный. Процесс подготовки и самоподготовки требует использования результатов исследований всех компонентов. Их необходимо как можно более глубоко, оптимально и рацио-

нально для обучающегося задействовать в содержании подготовки и самоподготовки.

Овладение художественным творчеством не может замыкаться на каком-то ремесленном или потребительском уровне. Сложность художественной деятельности должна быть представлена в учебном процессе во всем её структурном разнообразии: в макро-, мезо- и микроструктурном смысловых содержаниях. Такой подход помогает сформировать опору на принцип открытости – весьма важный для трудных социальных обстоятельств профессиональной художественной деятельности. При этом особая важность структурного разнообразия для художественной деятельности выражается в том, что решения исследуемой проблемы в производстве искусства, исполнительском, творческом процессе никогда не бывают исчерпывающими. В художественном содержании всегда остаются грани, требующие нового осмысления и разрешения противоречий. В связи с этим художник всегда психолог, педагог, создатель, исполнитель, который разрешает проблемы. Он постоянно исследует содержание, замысел, а по сути – загадки художественного творения. И мастером становится человек, который такую многообразную деятельность познаёт с радостью, работает с любовью, вкусом и вдохновением. По сути, происходит самообразование личности, движение к гениальности посредством внутреннего творчества. Такое самотворчество неотъемлемо и присуще человеческой природе. Оно заложено в задатках личности и легко раскрывается в творчестве ребёнка в проявлениях его памяти, воображения, непосредственной реакции впечатлений.

Отходя от художественного творчества, не воссоздавая его содержания со всей откровенностью и самоотдачей, человек теря-

ет стремление к проникновению, восприятию, воспроизведению, запоминанию, перевоплощению в художественной деятельности. Даже находясь в творческом процессе, содержание самоподготовки становится для него лишь технологической обязанностью. Теряя детское начало самовоспроизводство художника нивелируется до уровня ремесленного воспроизводства, а мастер превращается в заурядную личность. Творческое начало в человеке не адекватно тенденциям цивилизации, требованиям прогресса и технологизации. Скорее – наоборот, художественная деятельность сподвигает человека на самоподготовку лишь тогда, когда он вовлекается в естественные для его природы процессы самотворчества [5].

Именно в искусстве профессиональная успешность является прежде всего творческой, причём в большей степени, чем в любой другой области человеческой деятельности она основана здесь на самоподготовке. Именно творчество отличает художника от высококвалифицированного ремесленника. Основную трудность проблематики творчества для индивидуальности составляют проблемы психологической самоподготовки в процессе художественного творчества [5]. И основные познания здесь связаны со спецификой динамики индивидуальной психики в процессе самообразования. Например, исследователи, исполнители и педагоги подчёркивают, что работа над технической стороной исполнения должна быть подчинена общей идее произведения. Иногда даже нахождение способа преодоления сложностей зависит от понимания композиторского замысла. Этим же объясняется наиболее убедительное исполнение своих произведений композитором, который понимает содержание своей музыки «изнутри». В зоне особой трудности оказывается

исполнитель, воссоздающий свой вариант интерпретации. При этом его образовательный и культурный уровень по общим показателям находится на оптимальном уровне. Несоответствие можно наблюдать на тонких элементах природы человека, его особо выразительных чертах, приобретённых в процессе самотворчества автора и возможных для обретения интерпретатором при воссоздании естественных авторских чувств, ощущений, вариантов интонирования. Такая возможность достигается при самоподготовке, в процессе многовариантных поисков, проб, сравнений, аналитической исследовательской работы художника.

Анализируя творческий характер деятельности музыканта-исполнителя, нельзя не найти целого ряда схожих с научным творчеством и с деятельностью композитора самоподготовительных элементов. На этапе возникновения замысла общим для них является то, что в основе стремления написать музыку или исполнить произведение лежит немзыкальная идея, образ, мысль, психический импульс, распределённый и преобразённый в процессе осознания в звуковые модальности. И хотя для музыканта немаловажным является увлечение произведением, его музыкальной формой, главную роль играет соответствие музыки его состоянию, тем эмоциям, которые возникли под влиянием событий общественной и личной жизни, которые воссоздаёт исполнитель в процессе самоподготовки к концертному выступлению.

Художник формирует волю и содержание психики к творческому импульсу и его реализации по дидактическим принципам. Процесс созревания замысла – длительная внутренняя работа по переводу немзыкальных идей в музыкальные. Далее формируются средства такого перевода, пси-

хический, психофизический, физический инструментарий по приданию им законченной формы. Для исполнителя, в продолжение работы композитора, процесс реализации композиторской идеи ознаменовывается озвучиванием произведения. И процесс самоподготовки музыканта на каждом этапе насыщается важными содержательными средствами, способными наиболее полно раскрыть замысел композитора.

Для художника, как и для учёного, важна постоянная работа над произведением и сущностью воплощённой идеи. Это психодидактическая самоподготовка в плане развития и коррекции первоначального замысла, поскольку мировоззрение художника, как и учёного, меняется в течение его жизни. Художнику, равно как учёному, в своём исследовании просто невозможно реализовать всё богатство творческих замыслов, отсюда множество трактовок при последующих исполнениях. Исполнитель на эстраде, в творческой атмосфере концерта, рождает новые образы, которые не могли родиться во время репетиции [1]. И это происходит тоже в результате его психодидактической самоподготовки.

Деятельность исполнителя направлена на наиболее полное раскрытие замысла композитора, создание художественного образа, но в то же время интерпретация произведения тесно связана с внутренним миром исполнителя, его мировоззрением, мыслями, чувствами. Такое многообразие не может вписаться в рамки общепринятого образовательно-воспитательного процесса. Только многоуровневая и многосторонняя психодидактическая самоподготовка способна вывести художника на оптимальный уровень.

Некоторые авторы отмечают, что сложность работы по раскрытию замысла композитора определяется тем, что в нотном тек-

сте невозможно с одинаковой полнотой обозначить все стороны звуковой ткани. Тем не менее нотная запись является единственным мостом между композитором и исполнителем. И это – путь самоподготовки исполнителя, ведь композитор сообщает исполнителю не непосредственно сами звуковые образы, а в процессе подготовки в исполнительском классе невозможно сформировать весь художественно-технологический комплекс восприятия, переработки, запоминания и творческого воспроизведения информации.

Субъект художественного творчества самостоятельно переводит доступную ему информацию в известное для него самого словесно-символическое обозначение. Одновременно формируется психическое чувство, которое, в свою очередь, необходимо переформатировать в психофизическую модальность и соответственное замыслу воспроизведение для аудитории посредством овладения инструментарием. Для художника в состав инструментария входит целый ряд мало зависящих от него предметов, явлений, состояний органов чувств аудитории, акустических, временных, цветовых, дизайнерских и прочих соотношений. Например, для музыканта огромное значение имеет временной фактор, в рамках которого протекает данное музыкальное произведение. Это лишь один из огромного спектра параметров, которые каждый раз являются чрезвычайно ответственным творческим актом исполнителя, потому что здесь легко вместо цельной музыкальной формы создать нечто «растрёпанное, разорванное, не соответствующее намерениям автора и не удовлетворяющее слушателя [2]».

Средства художественного творчества чрезвычайно опосредованы относительно возможностей передачи чувств, образов, красок, эмоций, интонаций, динамики, тем-

пов и т.п. Так, в силу условности нотных обозначений точное исполнение текста не приводит к художественному исполнению, хотя и является предпосылкой к нему. Исполнитель прежде всего должен разгадать всю глубину содержащейся в произведении мысли, его внутреннее содержание, его строй, внутреннюю закономерность. Чем глубже и проникновеннее прочтён замысел композитора в нотном тексте, тем исполнение богаче и содержательнее. Значительность музыкальных идей, которые в своей игре передаёт исполнитель, зависит от тщательности прочтения и внимания к нотному тексту. Поэтому не производит художественного впечатления исполнение произведения на эстраде с целью демонстрации виртуозных технических приёмов. Часто приходится слышать высказывания искушённого слушателя: «При всем моём уважении к техническому совершенству, когда я слышу игру некоторых пианистов, мне всегда хочется, чтобы он технически играл немного хуже, потому что техническое мастерство у них переходит из количества в качество [1]». Таким образом, мы можем говорить о том, что самый высокий уровень подготовки в своём содержании может не достичь должного и увести художника к стилистически неточному исполнению.

Поэтому и авторские указания для исполнения не могут быть приняты как директивные, а должны быть использованы для раскрытия основной идеи произведения, реконструированы в процессе самоподготовки. Необходима психодидактическая коррекция относительно стиля, эпохи, формы и многих других параметров исполнения. Потому что «часто тщательно выставленные композитором оттенки исполнения, акценты, усиления и ослабления звука, изменения темпа выдаются скорее недосказанные стороны замысла, чем позитивную характеристику звучания.

Сколько у композиторов таких указаний, которые музыкант должен выполнить не столько в реальном звучании, но обращаясь в тончайших намёках к фантазии и воображению слушателя [1]».

Каждое художественное произведение можно интерпретировать, подходя к нему с разных точек зрения, возможны различные трактовки. Поэтому, конечно, необходимо исполнять авторские указания и оттенки. Но они должны преломиться в индивидуальном сознании, в процессе самоподготовки исполнителя. Каждый оттенок должен стать неотъемлемой частью данной, органически единой интерпретации. Авторское указание не должно превратиться в чуждый импульс.

Несмотря на стремление исполнителей наиболее полно раскрыть авторский замысел, «всякая интерпретация раскрывает в первую очередь индивидуальность интерпретатора». Потому что «каков человек – таковы и его дела. И не нужно специально заботиться о том, чтобы ваша индивидуальность проявилась – это неминуемо. Поэтому надо работать не над ноктюрном Шопена, а над самим собой. Надо расширять свой кругозор, воспитывать себя как человека. Нельзя думать, что человек, будучи ничтожеством, может хорошо играть Бетховена, что он может “глаголом жечь сердца людей”. Ничего из этого получиться не может. Музыкант-исполнитель должен стремиться к тому, чтобы стать на уровень духовной культуры и внутренней значительности автора [6]».

Г. Нейгауз писал, что когда какой-то студент или пианист играет сонату Бетховена, он видит, слышит, какие картины этот студент видел, какие книги прочёл. Богатство внутреннего мира личности исполнителя позволяет ему находить наиболее глубокие и тонкие оттенки авторского замысла. Од-

нако не менее важно, чтобы музыка находила внутренний отклик у исполнителя, чтобы он был захвачен ею. Только тогда в музыке будет «петь его душа», а произведение не останется тем же в различные периоды его жизни. Оно будет жить вместе с интерпретатором, загораясь новым жизненным содержанием, входя в соприкосновение с чувствами, думами и переживаниями исполнителя. Каждый значительный момент в жизни артиста оставит свою печать на исполнении [3].

«Выдающийся артист-исполнитель встает перед слушателем как значительная, многосторонне одаренная, цельная индивидуальность, с темпераментной волей, богатым внутренним миром и тем особым мастерством раскрытия музыкальной формы, которое можно назвать даром художественного предвидения [8]».

Таким образом, анализ искусствоведческой, мемуарной литературы, педагогических заметок художников и исполнителей позволяет сделать вывод о том, что в оценке природы художественно-творческой деятельности все авторы сходятся в основном – в признании необходимости глубины анализа произведения, раскрытия художественного замысла и духовного богатства личности интерпретатора.

Спецификой учебной деятельности обучающихся художественному творчеству студентов колледжей, консерватории, институтов является то, что она направлена на овладение процессом самоподготовки. Сложность и творческий характер этого процесса подчёркивает С. Е. Фейнберг: «Всё, что в игре артиста слишком явно и заметно, может стать объектом подражания и может относиться к целой группе пианистов, к целой школе. Наоборот, скрытые, незаметные свойства игры, тончайшие оттенки ритма и звука, то, что нельзя передать и чему трудно

научить, – всё это составляет тайну обаяния артиста-исполнителя и заставляет бесконечно вслушиваться в его игру, открывая в ней глубокие источники подлинно творческого претворения композиторского замысла [8]».

Исследования сущности творческих способностей приводят к необходимости анализа немзыкальных компонентов, связанных с интеллектуальной, психоаналитической активностью [1]. Далее исследователи конкретизируют эвристический, стимульно-продуктивный уровни, категориальный аппарат, в котором приходится шкалировать качественные уровни интеллектуальной активности.

При этом исследователей прежде всего интересуют такие моменты, как наличие творческой инициативы, глубина трактовки художественного произведения, способность к самостоятельному проникновению вглубь материала. Кроме того, делаются попытки выяснить, в какой мере можно считать интеллект компонентом художественной одаренности: «мешает» он, «подавляя, выхолащивая эмоции», или, наоборот, помогает глубже понять смысл художественного произведения и донести его до аудитории. Важное место в оценке музыкальных способностей занимает характеристика основных компонентов художественных способностей. Для музыкантов, например, их можно свести к трём основным, выделенным Б. М. Тепловым: ладовому чувству, способности к слуховому представлению и ритмическому чувству [7].

Большинство исследователей анализирует мнения экспертов относительно особенностей природных (в частности, морфологических) компонентов художественных способностей (например, строение рук, амбушюра, стайерская либо спринтерская предрасположенность мышц, конституция

тела и т.п.). В результате корреляции целого ряда показателей исследователи выводят параметры совпадения и несовпадения художественной одарённости с конкретными исполнительскими способностями, специальными физическими и психическими данными, общим культурным и интеллектуальным уровнем и многими другими.

Выявляется целый ряд несоответствий оценки специальных художественных способностей по характеристикам и успеваемости.

Первый вид несовпадения: ранг по характеристикам выше, чем по успеваемости. Это может быть обусловлено причинами, не имеющими непосредственного отношения к художественной одарённости. Например, на отметках может сказаться повышенная нервозность ученика, образовавшиеся пробелы в знаниях вследствие несистематических занятий, полная концентрация усилий на подготовке к конкурсам, резкое расхождение между художественной одарённостью с конкретными художественными способностями, специальными художественными данными, общими культурными и интеллектуальными показателями.

Многие испытуемые имеют более высокие ранги по характеристикам педагога, чем по успеваемости. Исследователи констатируют, что это является следствием относительно более низкого уровня общих способностей.

Анализируя полученные экспериментальные данные по интеллектуальной активности, исследователи прослеживают как минимум два этапа увеличения рангов по обоим показателям как на стимульно-продуктивном, так и на эвристическом уровне. Среди участников эвристической группы обычно выделяется несколько очень сильных испытуемых, достигших буквально вер-

шин одарённости. Одновременно образуется подгруппа с менее выраженными показателями активности в различных предметных разделах.

Испытуемые стимульно-продуктивного уровня также оказываются неоднородными по своему качественному составу. Здесь особо выделяются представители так называемого переходного типа. К таковым, например, относятся испытуемые, у которых проявление инициативы носит эпизодический характер, в отличие от испытуемых с полным отсутствием проявлений интеллектуальной инициативы.

Исследователи констатируют наибольший успех в профессиональной области обучающихся с сильными эвристическими достижениями, а также испытуемых, относящихся к переходному типу. Но природа профессиональной успешности у тех и других совершенно различна.

В действительности испытуемые стимульно-продуктивного уровня имеют высокие ранги по всем исследуемым показателям художественной одарённости. Говоря об их исполнительском мастерстве, преподаватели преимущественно отмечали техническое мастерство, высокий профессионализм, огромную трудоспособность и, наряду с этим, некоторую эмоциональную скупость и поверхностность в интерпретации художественных произведений.

Яркие личности эвристического уровня при столь же высоких рангах по характеристикам преподавателей и успеваемости обладают совершенно другими художественно-творческими особенностями, за счёт которых их творчество приобретает индивидуальность и неповторимость.

Так, один из испытуемых музыкантов может обладать великолепным слухом, но хорошим музыкантом эксперты его назы-

вают не столько из-за отличных природных данных, сколько благодаря его особой музыкальной устремлённости, динамичности интерпретации. Эксперты констатируют у таких художников очень тонкое внимание, умение к обобщению и навыки выразительности в творчестве. Талантливость целого ряда испытуемых отличает не столько виртуозность и блестящая техника, сколько лишь им одним присущая поэтичность.

Такое качественное отличие требует остановиться более подробно на вопросе о регулирующей роли интеллектуальной активности в структуре художественного творчества. Для этого исследователи анализируют характер деятельности достаточно талантливых исполнителей в креативном поле по сравнению с особенностями их творческой деятельности. Чаще всего в процессе такого экспериментального исследования испытуемые, относящиеся по показателям интеллектуальной активности к стимульно-продуктивному уровню, показывают исключительно высокие результаты. Основным способом их работы в креативном поле становятся методы, элементы которых закладываются ещё в обучающем эксперименте. Более того, в их деятельности отмечаются прорывы в целый ряд так называемых частных эвристик. Однако чаще всего испытуемые не пытаются обобщить эти достижения и пользуются ими лишь ситуативно. Их мыслительная деятельность не выходит за рамки поставленной конкретной задачи, каждый раз она стимулируется предъявлением новой задачи и угасает после того, как решение бывает найдено. В профессиональной области такие испытуемые достигают заслуженных высот, но чаще всего не могут использовать всю систему своих возможностей. Можно также сказать, что они задействуют эффективные методы, а не всю методику. Часто

им приходится затрачивать дополнительные усилия на систематизацию. В большинстве случаев самоподготовка приводит их к достижению безукоризненной техники, являющейся результатом многочасовых ежедневных занятий, ко вполне зрелому профессионализму. Эксперты разных предметных направлений отмечают в творческом процессе таких людей хорошие задатки и способности, рефлексивные и мнемические компоненты, которые дополняются высокими двигательными способностями и даже виртуозностью. Однако при этом страдает эмоциональная сторона исполнения, склонность к виртуозности не подкрепляется имажинитивным компонентом, тезаурусом собственных суждений. В то же время большинство художников весьма нервны, что приводит к болезненному отношению по поводу высказанных в их адрес замечаний и простых отзывов о себе. Они стремятся всегда и во всем быть первыми, их волнуют оценки. И всё же в заключительных оценках такого рода людей эксперты совпадают, констатируя исключительные художественные способности и потрясающую трудолюбивость. К удивлению большинства исследователей подобные сочетания входят в качестве основных компонентов в понятия, связанные с талантливостью.

В резюме исследователи констатируют, что в работе такие испытуемые очень быстро всё схватывают и прочно фиксируют, сразу же исправляют указанные ошибки, то есть чётко выполняют все задания преподавателя. Они могут глубоко чувствовать исполняемое произведение, но их нужно на это натолкнуть. Им легко даются различные виртуозные вещи, но там, где требуется глубокая трактовка содержания, приходится больше подсказывать, художественная одарённость испытуемых раскрывается

в полной мере там, где для них чётко определены задачи, – здесь они достигают восхитительных результатов. Художественные школы гордятся их достижениями, но у некоторых экспертов такие люди вызывают чувство жалости относительно многочасовых занятий и ограниченности кругозора. Какова их жизненная перспектива, не потеряют ли они вкус к жизни как источнику вдохновения?

Блестящими профессионалами, но относимыми исследователями к стимульно-продуктивному уровню являются художники, оценка творчества которых заключается в эмоциональности, чувственности, надёжности в работе с аудиторией, абсолютным морфологическим совпадением и гибкостью физической конституции, трудоспособностью. И здесь в конечном счёте отмечается чрезмерная впечатлительность, ограниченность мышления на инструментарии и художественном произведении, поглощённость своей профессией.

Выводя испытуемых на необходимый интеллектуальный уровень, исследователи анализировали ярких представителей эвристического уровня. Согласно их резюме, такие художники поразительно быстро обучаются новой деятельности, первую задачу в основном эксперименте решают всего за десятки секунд. Уже при решении второй задачи они обнаруживают одну из высших скрытых в экспериментальном материале закономерностей. Однако в процессе дальнейшей работы пользуются не только ею. На протяжении эксперимента предлагают всё новые и новые способы решения, словно играя ими. Однако испытуемые рассматривают свои эвристики лишь как способ усовершенствования заданной деятельности. Ни скрытые подсказки, ни прямые вопросы экспериментатора не могут натолкнуть их на мысль

о возможности теоретического обобщения, обоснования результатов мыслительной работы. Анализ характера деятельности данных испытуемых в эксперименте с очевидностью показывает принадлежность их к эвристическому уровню.

Обратившись к анализу их профессионального мастерства, исследователи получили характеристику со стороны экспертов относительно талантности, восприимчивости, блеска во всём многообразии творческих характеров, изобретательности. Они индивидуальны в исполнении: здесь проявляется их искренность, гибкость, поэтичность, теплота, непосредственность. Замечания они принимают, но проявляют при этом и некоторую самостоятельность. По образному выражению экспертов, «даёшь ему одно, а получаешь уже нечто другое, преобразованное». Но всё же по-настоящему «содержательным, глубоким музыкантом его не назовёшь»: вещи, где требуется особая глубина трактовки содержания, его не увлекают и не считаются его репертуаром [1].

Часто такие художники уходят из профессии, будучи востребованными в целом ряде современных профессий технического, изобретательского характера, где по достоинству оценивается их творческий потенциал.

Накопленный исследовательский материал показывает практические возможности психодидактической диагностики, прогнозирования и мониторинга процесса самоподготовки. В связи с этим интересно рассмотрение исследователями представителей креативного уровня. Характер их деятельности в эксперименте, а также творческая художественная деятельность этих испытуемых значительно отличаются от описанных выше. Все эксперты единодушно отмечают великолепные художественные данные та-

ких испытуемых. Но дело в том, как такие художники используют свой технический потенциал.

Исследователи представителей креативного уровня прежде всего характеризуют их как талантливых художников, искусных интерпретаторов. Они очень широко и глубоко эрудированны: много читают, собирают художественно-творческие материалы. Обладают блестящими умственными способностями, которые помогают им в анализе произведения, особенно на первых этапах работы с ним. Это очень глубокие, своеобразные натуры. Обращают на себя замечания экспертов, которые характеризуют их как людей, которые очень любят и умеют думать.

Естественно, что все эти качества личности и интеллекта находят своё выражение в художественном творчестве. При опросе эксперты отмечают, что такие исполнители даже играют не так, как все, а очень по-своему, вдумчиво, нестандартно. Таким образом, испытуемые креативного уровня, наряду с прекрасными художественными данными, обладают высоким интеллектом, проявляют творческую инициативу в своей профессиональной области. Несмотря на молодость, они уже имеют художественный почерк, что делает их не просто исполнителями, а творцами.

Весьма интересны результаты анализа профессиональной характеристики испытуемых исполнителей, которые ярко демонстрируют специфические особенности художественных способностей, лежащих в основе их исключительной одарённости, несмотря на ограниченность некоторых технических данных. Их отличает тяга охватить буквально всё, чтобы ничего не прошло мимо. Они очень много читают, коллекционируют редкие книги, записи, увлекаются живописью, поэзией, всегда в курсе всех музыкальных

новинок. Поэтому неудивительно, что при работе над произведением такие исполнители привлекают знания из различных областей искусства. Они поражают глубиной и тонкостью интеллекта. Это уникальные кадры, которые с блеском занимаются впоследствии научно-исследовательской работой. И мы в полной мере можем определить на их примере как содержание, так и основные адресаты направленности самоподготовки.

Именно самоподготовка художника способна приблизить его к статусу одарённости. При этом исследователи констатируют у одарённых людей различные уровни интеллектуальной активности [1]. Например, художники со стимульно-продуктивным уровнем интеллектуальной активности могут быть блестящими исполнителями в рамках чётко определённых задач. Особенности художников с эвристическим уровнем наиболее ярко проявляются в своеобразии интерпретации произведений. Наконец, художники креативного уровня характеризуются нестандартностью, вдумчивостью, самостоятельностью, инициативностью в интерпретации произведений, здесь начинается творчество в высшем смысле этого слова.

Для наполнения психолого-дидактического фактора самоподготовки важно выделить, по крайней мере, два основных компонента одарённости. Первый составляют специальные способности. Они определяют вид одарённости и её градацию по шкале специальных способностей. Вторым компонентом одарённости является интеллектуальная активность, от уровня которой зависит общий качественный уровень проявления одарённости. Таким образом, проблема выяснения содержания самоподготовки может быть решена лишь в рамках системного подхода. Такой подход представлен в исследованиях Б. М. Теплова и требует

своего дальнейшего развития. Исследователи исходят из высказанной им мысли, согласно которой нельзя понять одарённость, если ограничиваться лишь анализом специальных способностей и связанных с ними особенностей творчества. Он подчёркивает, что «личность крупного музыканта не исчерпывается “музыкальными” в собственном смысле слова свойствами [7]». Разбирая приёмы творчества гениальных музыкантов, он указывает на ряд особенностей их личности, которые выходят за пределы собственно музыкальности. Так, говоря о Н. А. Римском-Корсакове, он выделяет присущую ему силу, богатство и инициативность выражения, неудержимую потребность сочинять, изобретать, строить, комбинировать, силу зрительного воображения, развитое чувство природы. Значительным музыкантом, как подчёркивает Теплов, может быть только человек с большим духовным – интеллектуальным и эмоциональным – содержанием.

Проанализированные исследования конкретизируют основные психодидактические факторы самоподготовки, реализующие требования, предъявляемые многообразным спектром продуктивной художествен-

ной деятельности. Они заключаются в сущности постижения характера и содержания художественного творчества в процессе самоподготовки, раскрывающей глубину художественных ценностей, условия формирования и трансформаций замысла, особенности личности художника-создателя, художника-исполнителя, художника-интерпретатора. Условия самоподготовки активизируют как механизмы сознания, управляющего художественной деятельностью, так и факторы воздействия художественного творчества на человека. Для овладения обучающимися основными компонентами изучения и составления модели художественной деятельности важно освоить её многовариантность. В связи с этим востребует фактор самостоятельного осмысления изученного и освоенного, когда художник способен определить, проникнуть, воспринять, воспроизвести, запомнить, многовариантно перевоплотить сущность и содержание произведения. Содержание психодидактических факторов наполняется в соответствии со спецификой каждой личности, диагностируемыми показателями творческой сущности и профессионального мастерства.

Примечания

1. *Богоявленская Д. Б.* Психология творческих способностей : учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Москва : Издательский центр «Академия», 2002. 320 с.
2. *Бочкарёв Л. Л.* Психология музыкальной деятельности. Москва : Институт психологии РАН, 2008. 532 с.
3. *Нейгауз Г. Г.* Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога. Изд. 5-е. Москва : Музыка, 1988. 240 с.
4. *Ражников В. Г.* Диалоги о музыке. Москва : Музыка, 1989. 139 с.
5. *Серегин Н. В.* Психодидактика музыкальной деятельности : монография / Алтайская государственная академия культуры и искусств. Барнаул : Изд-во Алтайской государственной академии культуры и искусств, 2014. 180 с.
6. *Стравинский И.* Хроника моей жизни / перевод с французского Л. В. Яковлевой-Шапориной. Ленинград : Музгиз, 1963. 276 с.
7. *Теплов Б. М.* Психология музыкальных способностей. Москва : Наука, 2003. 368 с.
8. *Фейнберг С. Е.* Пианизм как искусство. Москва : Музыка, 1969. 599 с.

References

1. Bogoyavlenskaya D. B. *Psikhologiya tvorcheskikh sposobnostey [Psychology of creative abilities]*. Moscow, Publishing house "Academia", 2002. 320 p.
2. Bochkarev L. L. *Psikhologiya muzykal'noy deyatel'nosti [Psychology of musical activity]*. Moscow, Publishing house of the Institute of Psychology RAS, 2008. 532 p.
3. Neygauz G. G. *Ob iskusstve fortepiannoy igry: Zapiski pedagoga [On the art of the piano game: Notes teacher]*. 5nd edition. Moscow, Publishing House "Music", 1988. 240 p.
4. Razhnikov V. G. *Dialogi o muzyke [Conversations about music]*. Moscow, Publishing House "Music", 1989. 139 p.
5. Seregin N. V. *Psikhodidaktika muzykal'noy deyatel'nosti [Psychodidactic of musical activity]*. Barnaul, Publishing house of the Altai State Academy of Culture and Arts, 2014. 180 p.
6. Stravinsky I. *Khronika moey zhizni [Chronicle of my life]*. Translation from French by L. V. Yakovlevoy-Shaporinoy. Leningrad, Musical State Publishing House, 1963. 276 p.
7. Teplov B. M. *Psikhologiya muzykal'nykh sposobnostey [Psychology of musical abilities]*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 2003. 369 p.
8. Feynberg S. E. *Pianizm kak iskusstvo [Pianism as art]*. Moscow, Publishing House "Music", 1969. 599 p.

*

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НОРМАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

УДК 37.01:792.8

И. В. Гинкевич

Московский государственный институт культуры

В настоящей статье проведён анализ современного состояния хореографического образования в России с точки зрения законодательства Российской Федерации, основной акцент сделан на выявлении возможностей подготовки педагогов, осуществляющих обучение артистов балета, балетмейстеров и других, в том числе спортсменов, занимающихся фигурным катанием, синхронным плаванием и другими сложнокоординационными видами спорта (далее – педагоги-хореографы). Приведён подробный перечень нормативных правовых актов, регулирующих эту сферу деятельности. В частности, сделан вывод, что в настоящее время подготовка педагогов-хореографов в нашей стране осуществляется в системе среднего профессионального хореографического образования (для детских школ искусств и других образовательных организаций дополнительного образования, для общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций) и в системах высшего и дополнительного профессионального хореографического образования (для всех типов образовательных организаций). Отмечено, что система российского хореографического образования является непрерывной. С точки зрения законодательства Российской Федерации рассмотрены результаты хореографического образования, к достижению которых должен стремиться педагог-хореограф.

Ключевые слова: хореография, российское хореографическое образование, педагог-хореограф, федеральные государственные требования, федеральные государственные образовательные стандарты, компетенции, квалификационные характеристики.

I. V. Ginkevich

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkultury),
Bibliotechnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

CURRENT STATE OF CHOREOGRAPHIC EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: NORMATIVE ASPECTS

The article analyzes the current state of choreographic education in Russia from the point of view of the legislation of the Russian Federation. The main emphasis being placed on identifying the possibilities of

---

ГИНКЕВИЧ ИННА ВЛАДИМИРОВНА – соискатель кафедры педагогики и психологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, заслуженная артистка России, главный хореограф Москомспорта, директор Спортивной школы олимпийского резерва № 25 Департамента спорта и туризма Москомспорта

GINKEVICH INNA VLADIMIROVNA – doctoral student of the Department of pedagogy and psychology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Honored artist of the Russian Federation, Chief choreographer of the Moscow sports Committee, Director of the Sports school of Olympic reserve No. 25, the Department of sport and tourism of the Moscow sports Committee

e-mail: ginkevichi@mail.ru

© Гинкевич И. В., 2018

training pedagogues engaged in the training of ballet dancers, choreographers, etc., including athletes involved in figure skating, synchronized swimming and other difficult-coordinated sports (hereinafter referred to as pedagogue-choreographers). A detailed list of normative acts regulating this field of activity is given. In particular it was concluded that currently the training of pedagogue-choreographers in our country is carried out in the system of secondary professional choreographic education (for children's art schools and other educational organizations of additional education, for general and professional educational organizations) and in higher and additional professional systems choreographic education (for all types of educational organizations). It is noted that the system of Russian choreographic education is uninterrupted. Also from the point of view of the legislation of the Russian Federation the results of choreographic education to which the pedagogue-choreographer should strive are considered.

Keywords: choreography, Russian choreography education, pedagogue-choreographer, Federal State Requirements, Federal State educational Standards, competence, qualification characteristics.

Для цитирования: Гинкевич И. В. Современное состояние хореографического образования в Российской Федерации: нормативные аспекты // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 166–178.

Основоположником хореографического образования в России можно считать французского балетмейстера Жан-Батиста Ланде, который возглавил Танцевальную Её Императорского Величества школу, созданную 4 мая 1738 года по Указу императрицы Анны Иоанновны в Санкт-Петербурге. За почти трёхсотлетнюю историю своего развития система российского хореографического образования, впитав в себя традиции и достижения зарубежных хореографических образовательных школ¹, стала одной из сильнейших в мире [16] и по праву является одним из значительных достижений отечественной культуры.

В настоящее время система российского хореографического образования, как следует из содержания Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании), включает в себя:

- систему дополнительного хореографического образования;

¹ На первом этапе становления (около 150 лет) огромное влияние на развитие системы хореографического образования в России оказали итальянская и французская исполнительские школы.

- систему среднего профессионального хореографического образования;
- систему высшего хореографического образования;
- систему дополнительного профессионального хореографического образования.

В системе дополнительного хореографического образования реализуются дополнительные общеразвивающие программы и дополнительные предпрофессиональные программы, при этом дополнительные общеразвивающие программы могут реализовываться как для детей, так и для взрослых, а вот дополнительные предпрофессиональные программы реализуются только для детей (часть 2 статьи 75 и пункт 1 части 2 статьи 83 Закона об образовании). Далее в этой системе рассмотрим только предпрофессиональные программы, поскольку их освоение готовит ребёнка к профессиональной деятельности в области хореографического искусства.

Предпрофессиональные программы в области хореографического искусства реализуются в детских школах искусств, а также в организациях среднего профессионального и высшего образования при наличии со-

ответствующей лицензии (часть 3 статьи 83 Закона об образовании).

Перечень дополнительных предпрофессиональных программ в области искусств утверждён приказом Минкультуры России от 16 июля 2013 года № 998 [3]. Таких программ в области хореографического искусства всего две – «Хореографическое творчество» и «Искусство балета». Эти программы разрабатываются в соответствии с федеральными государственными требованиями (часть 4 статьи 75 Закона об образовании), которые учитывают возрастные и индивидуальные особенности обучающихся и направлены:

- на выявление одарённых детей в области хореографического искусства в раннем возрасте (с целью разработки индивидуальных программ их обучения, воспитания и развития);
- на создание условий для их художественного образования и эстетического воспитания (для чего необходимо активно учитывать такие дидактические условия в образовательном процессе, как активное погружение в практическую деятельность, субъект-субъектные отношения, развитие у одарённых детей познавательных способностей, творческого мышления);
- на приобретение ими знаний, умений и навыков в области хореографического искусства, опыта творческой деятельности;
- на овладение детьми духовными и культурными ценностями народов мира;
- на осуществление подготовки одарённых детей к получению профессионального образования в области хореографического искусства [8; 9, пункт 1.2].

Срок освоения программы «Хореографическое творчество» для детей, поступивших в образовательную организацию в первый класс в возрасте с шести лет шести ме-

сяцев до девяти лет, составляет 8 лет, а для детей, поступивших в образовательную организацию в первый класс в возрасте от десяти до двенадцати лет, составляет 5 лет [8, пункт 1.5]. Срок освоения программы «Искусство балета» для детей, поступивших в образовательную организацию в первый класс в возрасте с шести лет шести месяцев, составляет 4 года [9, пункт 1.5].

Следует подчеркнуть, что поскольку это дополнительное образование, то освоение предпрофессиональных программ происходит параллельно с получением общего образования. Отбор детей проводится в форме творческих заданий, позволяющих определить музыкально-ритмические и координационные способности ребёнка (музыкальность, артистичность, танцевальность), а также его физические, пластические данные [8; 9, пункт 1.7]. Во время обучения дети осваивают такие дисциплины, как хореографическое исполнительство, танец (классический, народно-сценический, современный), гимнастика, ритмика, теория и история искусств и другие (в зависимости от программы), при этом, помимо обязательной части программы, имеется вариативная часть (до 20% от объёма времени предметных областей обязательной части, предусмотренного на аудиторные занятия [8; 9, пункт 4.2]), позволяющая расширить и углубить подготовку обучающихся. Освоение этих программ завершается итоговой аттестацией и выдачей соответствующего документа, позволяющего в дальнейшем продолжить свою профессиональную хореографическую подготовку.

В области хореографического искусства для детей, помимо дополнительных предпрофессиональных программ, существуют образовательные программы по специальностям среднего профессионального образова-

ния, перечень которых утверждён приказом Минобрнауки России от 29 октября 2013 года № 1199 [5]. Их также всего две:

52.02.01 – Искусство балета (квалификация специалиста среднего звена «Артист балета», «Артист балета, преподаватель»);

52.02.02 – Искусство танца (по видам) (квалификация специалиста среднего звена «Артист балета, ансамбля песни и танца, танцевального коллектива, преподаватель»).

Эти программы интегрированы с образовательными программами основного общего и среднего общего образования (так называемые интегрированные образовательные программы) и направлены на создание условий для художественного образования и эстетического воспитания лиц, обладающих выдающимися творческими способностями в области хореографического искусства (часть 8 статьи 83 Закона об образовании). Они реализуются в профессиональных образовательных организациях и образовательных организациях высшего образования в очной форме при наличии соответствующей лицензии.

Необходимо отметить, что согласно требованиям Федеральных государственных образовательных стандартов (далее – ФГОСы) среднего профессионального образования по указанным специальностям при получении квалификации «Артист балета, преподаватель» и квалификации «Артист балета ансамбля песни и танца, танцевального коллектива, преподаватель» обучающиеся, осваивающие программы, разработанные в соответствии с этими стандартами, готовятся одновременно и к творческо-исполнительской, и к педагогической деятельности в детских школах искусств, других образовательных организациях дополнительного образования, общеобразовательных органи-

зациях, профессиональных образовательных организациях (последние не относятся к квалификации «Артист балета, преподаватель»). При этом для осуществления педагогической деятельности после освоения указанных программ они должны обладать следующими профессиональными компетенциями [14, пункт 5.4.2; 15, пункт 5.2.2]:

- использовать знания в области психологии и педагогики, специальных и теоретических дисциплин в преподавательской деятельности;

- использовать базовые знания и практический опыт по организации и анализу учебного процесса, методике подготовки и проведения урока;

- применять классические и современные методы преподавания, анализировать особенности отечественных и зарубежных хореографических школ;

- использовать индивидуальные методы и приёмы работы с учётом возрастных, психологических и физиологических особенностей обучающихся;

- планировать развитие профессиональных умений обучающихся.

Таким образом, в российской системе среднего профессионального хореографического образования готовятся как артисты-исполнители среднего звена (артист балета, артист ансамбля песни и танца, артист танцевального коллектива), так и педагоги-хореографы для детских школ искусств и образовательных организаций дополнительного образования, а также для общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций.

Следует отметить, что на обучение по интегрированным образовательным программам в области хореографического искусства принимаются лица, имеющие начальное общее образование (для получения

квалификации «Артист балета», «Артист балета, преподаватель»), и учащиеся, окончившие 7-й класс в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательной программы основного общего образования (для получения квалификации «Артист балета ансамбля песни и танца, танцевального коллектива, преподаватель»). Срок их обучения по этим программам составляет 7 лет 10 месяцев для получения квалификации «Артист балета, преподаватель», 6 лет 10 месяцев для получения квалификации «Артист балета» и 4 года 10 месяцев для получения квалификации «Артист балета ансамбля песни и танца, танцевального коллектива, преподаватель». То есть обучение по интегрированным образовательным программам в области хореографического искусства является фактически продолжением хореографического обучения детей по дополнительным предпрофессиональным программам.

Освоение этих программ завершается Государственной итоговой аттестацией по программе основного общего образования и по программе среднего профессионального образования [14; 15, пункт 8.7], при этом аттестация включает в себя в том числе государственный экзамен по профессиональному модулю «Педагогическая деятельность» [14; 15, пункт 8.6]. После успешного освоения интегрированных образовательных программ выпускники могут либо сразу устроиться на работу артистом-исполнителем (среднего звена) или педагогом-хореографом (или тем и другим одновременно), либо продолжить своё обучение в системе высшего образования.

В соответствии с Законом об образовании в нашей стране установлено три уровня высшего образования:

- бакалавриат;

- специалитет, магистратура;
- аспирантура, адъюнктура, ординатура, ассистентура-стажировка.

В системе высшего хореографического образования приказом Минобрнауки России от 12 сентября 2013 года № 1061 [4] установлены следующие направления подготовки высшего образования:

52.03.01 – Хореографическое искусство (бакалавриат);

52.03.02 – Хореографическое исполнительство (бакалавриат);

52.04.01 – Хореографическое искусство (магистратура);

52.09.01 – Искусство хореографии (по видам) (ассистентура-стажировка) (квалификация «Преподаватель творческих дисциплин в высшей школе. Хореограф»).

Подготовка педагогов-хореографов может осуществляться в бакалавриате, магистратуре, ассистентуре-стажировке и в аспирантуре, при этом следует отметить, что только в ассистентуре-стажировке, в соответствии с ФГОСом высшего образования по специальности 52.09.01 Искусство хореографии (по видам) [13], программа ассистентуры-стажировки направлена на освоение всех видов профессиональной деятельности, к которым готовится выпускник, а именно: педагогической, творческо-исполнительской и художественно-просветительской [13, пункт 4.3].

Согласно указанному ФГОСу, выпускник, освоивший программу ассистентуры-стажировки, должен обладать 5 универсальными и 12 профессиональными компетенциями, в том числе в области педагогической деятельности должен уметь:

- преподавать творческие дисциплины на уровне, соответствующем требованиям ФГОСов в области хореографического искусства;

- анализировать актуальные проблемы и процессы в области хореографического образования, применять методы психолого-педагогических наук и результаты исследований в области хореографического искусства в своей педагогической деятельности;

- разрабатывать и применять современные образовательные технологии, выбирать оптимальную цель и стратегию обучения, создавать творческую атмосферу образовательного процесса;

- формировать профессиональное мышление, внутреннюю мотивацию обучаемого, систему ценностей, направленных на гуманизацию общества; осваивать разнообразный по эпохам, стилям, жанрам, художественным направлениям педагогический репертуар [13, пункт 5.3].

В бакалавриате (магистратуре) программа бакалавриата (магистратуры) имеет направленность (профиль) и формируется в зависимости от области (областей) и сферы (сфер) профессиональной деятельности, в которых выпускники бакалавриата (магистратуры) могут осуществлять профессиональную деятельность, и типов задач профессиональной деятельности, к решению которых они готовятся. Следует отметить, что ФГОСы 2017 года по направлению подготовки 52.03.02 – Хореографическое исполнительство (бакалавриат) [10] и по направлению подготовки 52.04.01 – Хореографическое искусство (магистратура) [11] несколько отличаются по структуре и содержанию от ФГОСа 2016 года по направлению подготовки 52.03.01 – Хореографическое искусство (бакалавриат) [12]. Во ФГОСах 2017 года предусмотрено, что после успешного освоения соответствующей программы выпускник в обязательном порядке должен обладать общепрофессиональной компетенцией ОПК-4 «Педагогическая деятель-

ность», в частности, должен уметь планировать образовательный процесс, разрабатывать методические материалы, анализировать различные педагогические методы в области культуры и искусства (бакалавриат, магистратура), формулировать на их основе собственные педагогические принципы и методы обучения (магистратура) [10; 11, пункт 3.3]. Во ФГОСе 2016 года указано, что соответствующая программа разрабатывается в зависимости от видов учебной деятельности и требований к результатам её освоения [12, пункт 4.3], при этом она может быть ориентирована либо на научно-исследовательский и (или) педагогический вид (виды) профессиональной деятельности как основной (основные) (программа академического бакалавриата), либо на практико-ориентированный, прикладной вид (виды) профессиональной деятельности как основной (основные) (программа прикладного бакалавриата), то есть программа, разработанная в соответствии с этим ФГОСом, может не предусматривать получение выпускником педагогических компетенций. Следует отметить, что во ФГОСе 2016 года педагогические компетенции описаны достаточно подробно [12, пункт 4.4], а ФГОСы 2017 года предлагают разработчикам соответствующих программ определять устанавливаемые этими программами профессиональные компетенции (в том числе педагогические) самостоятельно с учётом профессиональных стандартов, соответствующих профессиональной деятельности выпускников, при этом ФГОСы 2017 года в качестве примера приводят два профессиональных стандарта: «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» [6] и «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [7].

Педагог-хореограф может быть подготовлен в аспирантуре. В номенклатуре научных специальностей имеется научная специальность 17.00.05 – Хореографическое искусство, однако следует отметить, что в настоящее время диссертационных советов по этой специальности в стране нет. Вместе с тем в аспирантуре по направлению 50.06.01 – Искусствоведение (которое соответствует группе научных специальностей 17.00.00 – Искусствоведение) по профилю «Хореографическое искусство» (который соответствует научной специальности 17.00.05) образовательные программы имеются (например, в Академии русского балета имени А. Я. Вагановой), хотя, по-видимому, по ним никто в настоящее время не обучается. Необходимо отметить, что педагоги-хореографы могут проходить обучение в аспирантуре по направлению подготовки 44.06.01 – Образование и педагогические науки (уровень подготовки кадров высшей квалификации), которое соответствует группе научных специальностей 13.00.00 – Педагогика, например, по профилям «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)» (соответствует научной специальности 13.00.02), «Теория и методика профессионального образования» (соответствует научной специальности 13.00.08) и другие. По окончании аспирантуры, как известно, присваивается квалификация «Исследователь. Преподаватель-исследователь», что позволяет осуществлять педагогическую деятельность в области хореографии (если, конечно, тема научно-квалификационной работы (диссертации) была связана с хореографией).

Таким образом, в системе высшего хореографического образования готовятся как артисты-исполнители с квалификациями «бакалавр» (хореографическое искусство, хореографическое исполнительство),

«магистр» (хореографическое искусство) и артисты-исполнители высшей квалификации «хореограф», так и педагоги-хореографы для всех типов образовательных организаций, а также педагоги-хореографы высшей квалификации – «преподаватель творческих дисциплин в высшей школе», «преподаватель-исследователь».

В соответствии со статьей 76 Закона об образовании:

- дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды;

- дополнительное профессиональное образование осуществляется посредством реализации дополнительных профессиональных программ (программ повышения квалификации и программ профессиональной переподготовки);

- к освоению дополнительных профессиональных программ допускаются лица, имеющие или получающие среднее профессиональное образование, и лица, имеющие или получающие высшее образование;

- программа повышения квалификации направлена на совершенствование и (или) получение новой компетенции, необходимой для профессиональной деятельности, и (или) повышение профессионального уровня в рамках имеющейся квалификации;

- программа профессиональной переподготовки направлена на получение компетенции, необходимой для выполнения нового вида профессиональной деятельности, приобретение новой квалификации.

Дополнительные профессиональные программы могут реализовываться в об-

разовательных организациях высшего образования, в организациях дополнительного профессионального образования и в профессиональных образовательных организациях (часть 3 статьи 23 Закона об образовании).

Дополнительные профессиональные программы хореографической направленности, в том числе программы, направленные на повышение квалификации педагогов-хореографов, и программы профессиональной переподготовки, направленные на получение компетенции, необходимой для осуществления педагогической деятельности в сфере хореографического искусства, реализуются, как правило, в образовательных организациях высшего образования культуры и искусств и в организациях дополнительного профессионального образования, специализирующихся на осуществлении образовательной деятельности в сфере культуры и искусств. Таким образом, возможность преподавания хореографических учебных дисциплин имеется даже у лиц, не получивших специального педагогико-хореографического образования, но обладающих достаточным опытом и хореографической подготовкой и освоивших соответствующие программы профессиональной переподготовки.

Представляется интересным рассмотреть с точки зрения российского законодательства результаты хореографического образования, к достижению которых должен стремиться педагог-хореограф.

Результат хореографического образования – это профессионал хореографической деятельности – танцор, хореограф, балетмейстер и т.д.

В соответствии с Общероссийским классификатором занятий [2] танцоры и хореографы относятся к начальной группе 2653 –

«Танцоры и хореографы». Согласно описанию этой группы танцоры и хореографы задумывают, создают или исполняют танцы, и их основными обязанностями являются: замысел и создание танцев; исполнение танцев в качестве солиста, с партнёром или в качестве участника танцевального коллектива; тренировки; руководство и участие в репетициях; просмотр кандидатов на танцевальные роли; координирование производства музыкальных произведений с музыкальными руководителями.

Следует отметить, что в Общероссийском классификаторе занятий не выделены отдельно занятия, связанные с педагогической деятельностью в области искусства (тем более в области хореографического искусства). Занятия, связанные с педагогической деятельностью в области высшего, среднего, начального и дошкольного образования, распределены по следующим начальным группам:

- 2310 – профессорско-преподавательский персонал университетов и других организаций высшего образования;
- 2320 – преподаватели средних профессиональных образовательных организаций;
- 2330 – педагогические работники в средней школе;
- 2341 – педагогические работники в начальном образовании;
- 2342 – педагогические работники в дошкольном образовании.

В описании этих групп обязанности работников представлены в общем виде, например, в обязанности профессорско-преподавательского персонала университетов и других организаций высшего образования входит:

- разработка и изменение учебных программ и подготовка учебных курсов в соответствии с требованиями;

- подготовка, чтение лекций и проведение учебных занятий, семинаров и лабораторных работ;
- побуждение студентов к дискуссиям и независимым размышлениям;
- наблюдение за экспериментальной и практической работой студентов;
- проведение, проверка и оценка контрольных работ и экзаменов;
- руководство научными исследованиями аспирантов или других соискателей;
- проведение научных исследований и развитие концепций, теорий и методов для применения в промышленности и других областях;
- подготовка учебных изданий, пособий и статей;
- участие в заседаниях кафедры и факультета, а также в конференциях и семинарах.

Вместе с тем имеется начальная группа 2355 – «Преподаватели в области изобразительных и иных искусств», в которую включены занятия, связанные с преподавательской деятельностью в области искусств, в частности танцевального искусства, но вне системы начального, среднего и высшего образования.

Согласно описанию этой группы преподаватели обучают студентов практике, теории и исполнению танцев вне системы начального, среднего и высшего образования, однако могут давать частные уроки для небольших групп учащихся в качестве факультативного курса в рамках системы основного образования.

В их обязанности входит:

- оценка уровня способностей студентов и определение учебных целей;
- планирование, подготовка и претворение в жизнь программ обучения, уроков и семинаров для отдельных студентов и групп;

- подготовка материалов о теории изучаемого предмета;
- обучение и демонстрация практических аспектов танцев;
- распределение заданий и работ в соответствии с уровнем способностей, интересов и таланта студентов;
- оценка студентов и предоставление советов, критика и поощрение;
- пересмотр учебных программ, содержания курса, учебных материалов и методов преподавания;
- подготовка студентов к экзаменам, выступлениям и оцениванию;
- организация визитов и поездок на выставки и представления;
- организация и содействие при проведении представлений или выставок работ студентов.

Система ФГОСов предусматривает формирование определённых компетенций специалистов в области хореографического искусства, которые должны быть в дальнейшем реализованы в их профессиональной деятельности.

В разделе «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии» Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих [1] можно выделить следующие должности работников хореографического искусства:

- главный балетмейстер;
- балетмейстер-постановщик;
- балетмейстер;
- репетитор по балету;
- ассистент балетмейстера;
- артист балета;
- артист балета, ансамбля песни и танца, танцевального коллектива;
- балетмейстер хореографического коллектива (студии), ансамбля песни и танца.

Например, в соответствии с квалификационными характеристиками балетмейстер-постановщик [1, пункт 2.3 раздела II «Квалификационные характеристики должностей работников, занятых в организациях исполнительских искусств (театрах, музыкальных и танцевальных коллективах, концертных организациях, концертных залах, цирках)»]:

- создаёт авторские произведения хореографического искусства, осуществляет выпуск новых и капитально возобновляемых балетных спектаклей, хореографических сцен в представлениях других жанров, обеспечивает их художественный уровень;
- представляет руководству организации исполнительских искусств предложения о составах постановочных групп в осуществляемых им постановках;
- представляет совместно с художником-постановщиком на утверждение руководству или художественному совету организации эскизы и макеты сценического оформления осуществляемой им постановки;
- проводит репетиции, руководит работой постановочной группы и работниками художественно-постановочной части, участвующими в репетициях;
- осуществляет плановые, срочные и экстренные вводы новых исполнителей в поставленные ранее балетные спектакли (номера);
- обеспечивает соблюдение производственной и творческой дисциплины во время проведения балетных спектаклей, репетиций, занятий;
- дежурит на спектаклях (концертах, представлениях);
- принимает непосредственное участие в организации и проведении мероприятий по повышению профессионального мастерства

творческих работников организации, в работе по пропаганде хореографического, исполнительских искусств, направленной на расширение зрительской аудитории.

Согласно этому же пункту балетмейстер-постановщик должен знать:

- законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации, касающиеся деятельности организаций исполнительских искусств;
- теорию и практику хореографического искусства;
- основы сценического оформления постановок, музыкального искусства; историю отечественного и мирового балета, музыкального, театрального, циркового, других видов искусств и литературы;
- состояние современной отечественной и зарубежной хореографии, других видов исполнительских искусств;
- основы менеджмента, психологии управления, социологии искусства, сценической технологии, экономики и управления в сфере исполнительских искусств, трудового законодательства;
- авторское право;
- правила внутреннего трудового распорядка;
- правила по охране труда и пожарной безопасности.

Именно такие кадры должен готовить педагог-хореограф.

Необходимо отметить, что, хотя Общероссийский классификатор занятий предусматривает группу занятий «Хореографы», Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих таких должностей (хореограф, а уж тем более педагог-хореограф) не предусматривает.

Таким образом, анализ современной российской системы хореографического об-

разования показывает, что она является системой непрерывного образования и включает в себя систему дополнительного образования детей, системы среднего профессионального, высшего и дополнительного профессионального образования.

Также можно констатировать, что в настоящее время подготовка педагогов-хореографов в нашей стране осуществляется в системе среднего профессионального хореографического образования (для детских школ искусств и других образовательных организаций дополнительного образования, для общеобразовательных и профессиональных образовательных организаций) и в системах высшего хореографического образо-

вания и дополнительного профессионального хореографического образования (для всех типов образовательных организаций).

Следует отметить, что в настоящее время в законодательстве Российской Федерации существует некоторое противоречие между Общероссийским классификатором занятий, предусматривающим группу занятий «Хореографы», и Единым квалификационным справочником должностей руководителей, специалистов и служащих, который таких должностей, как хореограф, педагог-хореограф, не предусматривает, что, на наш взгляд, требует внесения соответствующих изменений в эти нормативные правовые акты.

Примечания

1. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников культуры, искусства и кинематографии»: утверждён приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 30 марта 2011 года № 251н.
2. Общероссийский классификатор занятий (ОКЗ) ОК 010-2014 (МСКЗ – 08): утверждён приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 года № 2020-ст.
3. Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 16 июля 2013 года № 998 «Об утверждении перечня дополнительных предпрофессиональных программ в области искусств».
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 сентября 2013 года № 1061 «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования».
5. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 октября 2013 года № 1199 «Об утверждении перечней профессий и специальностей среднего профессионального образования».
6. Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых»: утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 сентября 2015 года № 613н.
7. Профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»: утверждён приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 8 сентября 2015 года № 608н.
8. Федеральные государственные требования к минимуму содержания, структуре и условиям реализации дополнительной предпрофессиональной общеобразовательной программы в области хореографического искусства «Хореографическое творчество» и сроки обучения по этой программе: утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 12 марта 2012 года № 158.
9. Федеральные государственные требования к минимуму содержания, структуре и условиям реализации дополнительной предпрофессиональной программы в области хореографического

искусства «Искусство балета» и сроки обучения по этой программе : утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 29 октября 2015 года № 2709.

10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 52.03.02 Хореографическое исполнительство : утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 ноября 2017 года № 1131.

11. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 52.04.01 Хореографическое искусство : утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 16 ноября 2017 года № 1125.

12. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 52.03.01 Хореографическое искусство (уровень бакалавриата) : утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 января 2016 года № 6.

13. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 52.09.01 Искусство хореографии (по видам) (уровень подготовки кадров высшей квалификации) : утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 августа 2015 года № 828.

14. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 52.02.01 Искусство балета : утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 января 2015 года № 35.

15. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего профессионального образования по специальности 52.02.02 Искусство танца (по видам) : утверждён приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 30 января 2015 года № 33.

16. *Филановская Т. А.* Роль межкультурного взаимодействия в становлении хореографического образования в России // Проблемы педагогики и психологии. 2011. № 1. С. 203–208.

References

1. *Unified Qualification Directory of Managers, Specialists, and Employees, Section “Qualification Characteristics of Cultural, Art and Cinematography Workers”, approved by order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated March 30, 2011 No. 251n.* (In Russian, unpublished)
2. *All-Russian Classification of Occupations (OKZ) OK 010-2014 (ISCO-08), approved by order of Rosstandart dated December 12, 2014 No. 2020-st.* (In Russian, unpublished)
3. *Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated July 16, 2013 No. 998 “On approval of the list of additional pre-professional programs in the field of arts”.* (In Russian, unpublished)
4. *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated September 12, 2013 No. 1061 “On approval of the lists of specialties and areas of higher education preparation”.* (In Russian, unpublished)
5. *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of October 29, 2013 No. 1199 “On approval of the lists of professions and specialties of secondary vocational education”.* (In Russian, unpublished)
6. *Professional standard “Teacher of additional education for children and adults”, approved by order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated September 8, 2015 No. 613n.* (In Russian, unpublished)
7. *Professional standard “Teacher of vocational training, vocational education and additional vocational education”, approved by order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of September 8, 2015 No. 608n.* (In Russian, unpublished)
8. *Federal government requirements for the minimum content, structure and conditions for the implementation of additional preprofessional educational program in the field of choreographic art*

“Choreographic creativity” and the terms of training for this program, approved by order of the Ministry of Culture of the Russian Federation dated March 12, 2012 No. 158. (In Russian, unpublished)

9. *Federal state requirements for the minimum content, structure and conditions for the implementation of the additional pre-professional program in the field of choreographic art “Art of Ballet” and the terms of training for this program, approved by order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of October 29, 2015 No. 2709. (In Russian, unpublished)*

10. *Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor in the field of training 52.03.02 Choreographic performance, approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated November 16, 2017 No. 1131. (In Russian, unpublished)*

11. *Federal State Educational Standard of Higher Education – Master’s Degree in Training 52.04.01 Choreographic art, approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 16, 2017 No. 1125. (In Russian, unpublished)*

12. *Federal State Educational Standard of Higher Education in the Direction of Training 52.03.01 Choreographic art (undergraduate level), approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of January 12, 2016 No. 6. (In Russian, unpublished)*

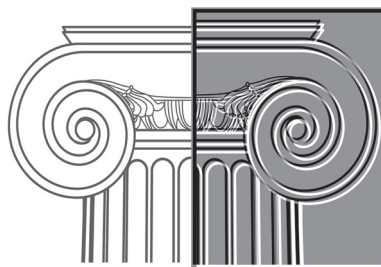
13. *Federal State Educational Standard of Higher Education in the specialty 52.09.01 The Art of Choreography (by type) (level of training of highly qualified personnel), approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of August 17, 2015 No. 828. (In Russian, unpublished)*

14. *Federal State Educational Standard of Secondary Professional Education in the specialty 52.02.01 The Art of Ballet, approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated January 30, 2015 No. 35. (In Russian, unpublished)*

15. *Federal State Educational Standard of Secondary Vocational Education in the specialty 52.02.02 Art of Dance (by type), approved by order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated January 30, 2015 No. 33]. (In Russian, unpublished)*

16. *Filanovskaya T. A. Rol' mezhkul'turnogo vzaimodeystviya v stanovlenii khoreograficheskogo obrazovaniya v Rossii [The role of intercultural interaction in the formation of choreographic education in Russia]. Problemy pedagogiki i psikhologii [Problems of Pedagogy and Psychology]. 2011, no. 1, pp. 203–208.*

*

НОВЫЕ КНИГИ

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ:
ТЕНДЕНЦИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В XXI ВЕКЕ
– НОВАЯ КНИГА ИЗДАТЕЛЬСТВА ОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

УДК 379.8:001.891

Н. Н. Ярошенко

Московский государственный институт культуры

Рецензия на книгу: Социально-культурная деятельность: тенденции и модели развития в XXI веке: коллективная монография / [коллектив авторов]; отв. ред. Л. В. Секретова ; Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского ; Кафедра социально-культурной деятельности. Омск, Издательство ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, 2018.

Ключевые слова: Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, кафедра социально-культурной деятельности, основы российской культурной политики, динамика аксиологических моделей социально-культурной деятельности, индустрия досуга.

N. N. Yaroshenko

Moscow State Institute of Culture, the Ministry of Culture of the Russian Federation (Minkulturny),
Bibliotchnaya str., 7, 141406, Khimki city, Moscow region, Russian Federation

SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY: TRENDS AND
DEVELOPMENT MODELS IN THE 21st CENTURY – THE NEW BOOK
OF THE PUBLISHING HOUSE OF THE OMSK STATE UNIVERSITY

Review of the edition: Sekretova L. V., esp. ed. Social and Cultural Activity: Trends and Development Models in the 21st Century. Collective monograph. Omsk, Publishing house of the Dostoevsky Omsk State University, 2018.

Keywords: Dostoevsky Omsk State University, Department of Social and Cultural Activity, basics of Russian cultural policy, dynamics of axiological models of social and cultural activity, leisure industry.

Для цитирования: Ярошенко Н. Н. Социально-культурная деятельность: тенденции и модели развития в XXI веке – новая книга издательства Омского государственного университета // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 5 (85). С. 180–183.

ЯРОШЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и технологий социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

YAROSHENKO NIKOLAY NIKOLAYEVICH – Full Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Management and Technologies of Social and Cultural Activity, Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

e-mail: yaroch@mail.ru
© Ярошенко Н. Н., 2018

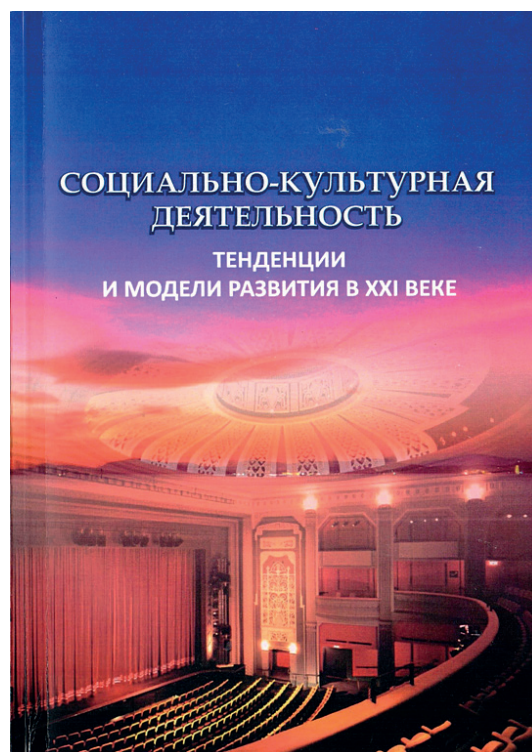

В монографии представлены результаты научных исследований коллектива кафедры социально-культурной деятельности Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, объединённых общей целью – выявить и проанализировать современные тенденции и модели развития социально-культурной деятельности как важнейшего феномена отечественной культуры, переживающей в XXI веке мощное влияние западной цивилизации и научно-технической революции.

Импульсом к работе над монографией послужила знаменательная веха в истории кафедры – её 30-летний юбилей, отметить который коллектив впервые решил созданием настоящей монографии, осмысливавшейся не просто как отчёт о проделанной за годы работы, но как тема и предмет для научного диалога с коллегами родственных кафедр университета и вузов культуры других городов.

Действительно, в настоящее время остро ощущается потребность в научном понимании современных социальных проблем, поиске их возможных решений с опорой на великие достижения отечественной культуры и с учётом актуальных направлений её развития в XXI веке. На это нацеливает и Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина 2014 года «Основные направления государственной культурной политики». А потому написание и публикация монографии «Социально-культурная деятельность: тенденции и модели развития в XXI веке» отвечает насущным требованиям времени, и можно сказать, что научная книга такого рода, кто бы её ни создал, была ожидаема научно-педагогическим сообществом.

Сам факт ознаменования юбилея кафедры написанием коллективной монографии представляется весьма положительным. Тем

более интересным является знакомство со структурой и содержанием монографии, отражающей научно-педагогический путь небольшой по числу сотрудников кафедры, функционирующей в настоящее время в рамках классического университета. Однако здесь не могло не сыграть роль и то обстоятельство, что первоначально кафедра создавалась и развивалась в составе Омского филиала Алтайского государственного института культуры.

Многие авторы монографии достаточно известны в кругах социально-культурной науки. Их научные статьи и учебные пособия за годы профессиональной практической и преподавательской работы подготовили опытно-экспериментальную базу для обобщения научных результатов в классическом труде – монографии.

В коллективную монографию вошли труды преподавателей нынешнего состава кафедры, а также Н. М. Геновой, которая начала свой научно-педагогический путь на кафедре социально-культурной деятельности, а ныне возглавляет кафедру театрального искусства и актёрского мастерства и одновременно является на факультете культуры и искусств ОмГУ научным руководителем магистратуры по направлению «Социально-культурная деятельность».

Идейно-смысловая основа монографии определила её содержание и структуру, в которой разделы и параграфы логично и последовательно раскрывают наиболее значимые тенденции развития социально-культурной деятельности в наступившем веке. Монография содержит три главы. В первой главе «Правовые и аксиологические основы социально-культурной деятельности» раскрываются гуманитарные и ценностные основы российской культурной политики (автор – профессор, доктор культурологии, заслуженный работник культуры РФ Н. М. Генова); показана динамика аксиологических моделей социально-культурной деятельности (автор – доцент, кандидат искусствоведения В. В. Стебляк); осуществляется анализ законодательства Российской Федерации о правах граждан в сфере культуры (автор – доцент, кандидат юридических наук А. А. Афанасьев).

Вторая глава посвящена в основном исследованию современной индустрии досуга, её развитию в социально-культурном аспекте (автор – доцент, кандидат педагогических наук Л. В. Секретова); подробно описаны современные тенденции развития киноиндустрии в России (автор – доцент, заслуженный работник культуры Российской Федерации Л. И. Саблукова). Третья, завершающая глава показывает динамику коммуникатив-

ных процессов в социально-культурной деятельности: уровни и модели (автор – доцент, кандидат философских наук М. Ю. Трофимов); влияние СМИ на развитие социально-культурной деятельности (автор – доцент, кандидат культурологии О. Н. Громов).

Большой преподавательский и научный опыт авторов монографии, а также опыт непосредственной работы в учреждениях социально-культурной сферы Л. И. Саблуковой, Л. В. Секретовой, а у Н. М. Геновой – руководства всей отрасли культуры Омской области позволили авторам выявить ряд актуальных тенденций развития социально-культурной деятельности, подвергнуть их детальной разработке и предложить достаточно продуманные пути и модели их учёта в дальнейшем развитии социально-культурной деятельности.

Роль научного и ответственного редактора монографии исполнила заведующая кафедрой социально-культурной деятельности ОмГУ Л. В. Секретова. В качестве рецензентов коллективной монографии выступили доктор педагогических наук, профессор Н. Н. Ярошенко (Московский государственный институт культуры) и доктор педагогических наук, профессор Г. В. Оленина (Алтайский государственный институт культуры).

Можно сказать, что коллективная монография «Социально-культурная деятельность: тенденции и модели развития в XXI веке» представляет собой оригинальную работу с весьма актуальной проблематикой и достаточно глубоким осмыслением целого ряда теоретических положений, ранее в такой постановке не освещавшихся. Безусловно, проблемное поле социально-культурной деятельности настолько обширно, тенденции многообразны, а модели вариативны, что в рамках одной небольшой по объёму моно-

графии не могут быть описаны. Однако тот научный вклад, который постарались внести коллеги, посвятив его 30-летию родной кафедры, достаточно ценен.

Монография может представлять интерес для учёных, преподавателей учреждений высшего и среднего профессионального образования, вузов культуры и искусства, руководителей и специалистов учреждений культуры, органов управления. Она может

быть полезной для слушателей системы повышения квалификации, переподготовки и дополнительного профессионального образования. Монография соответствует научной специальности 13.00.05 – «Теория, методика и организация социально-культурная деятельность» и может быть использована при подготовке аспирантов, а также магистров по направлению подготовки 51.04.03 – «Социально-культурная деятельность».

*

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Журнал принимает к публикации статьи, которые ранее не были опубликованы. Статья должна обладать научной новизной, отражать основные результаты диссертационных исследований автора, соответствовать общему направлению журнала и быть интересной широкому кругу российской научной общественности.

Статья может содержать (при необходимости) минимум таблиц, формул и графических зависимостей. Статью необходимо завершить выводом (выводами). Все аббревиатуры и научные термины следует раскрывать. Не стоит злоупотреблять интернет-источниками, при их использовании необходимо давать ссылки в соответствии с правилами оформления библиографического аппарата научных статей.

Требования к публикации

1. Текст набирают в редакторе Microsoft Office Word, шрифт – Times New Roman, кегль 14, интервал – 1,5.
  2. Объём статьи на соискание кандидатской степени не должен превышать 15 тыс. печатных знаков, включая пробелы; на соискание докторской степени – не менее 16 тыс. печатных знаков, включая пробелы, но не более 20 тыс. знаков, включая пробелы.
  3. Список литературы располагается в конце статьи в алфавитном порядке, библиографические описания в списке оформляются по ГОСТ 7.05-2008, отсылки по тексту статьи даются в квадратных скобках.
  4. К статье на отдельных листах прилагаются:
    - а) аннотация (до 800 знаков) на русском и английском языках, а также ключевые слова к статье на русском и английском языках;
    - б) сведения об авторе:
      - ФИО полностью, на русском и английском языках (на английском языке ФИО авторов представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, желательно использовать Систему транслитерации Американской ассоциации библиотек и Библиотеки Конгресса (ALA-LC), или так, как в загранпаспорте или водительских правах;
      - место учёбы и работы, занимаемая должность, контактный телефон (желательно и мобильный), обязательно – электронный адрес;
    - в) рецензия научного руководителя и рекомендация кафедры, где выполняется работа, на бланке учреждения, с заверенной подписью; к статье на соискание докторской степени предоставляются 2 рецензии специалистов в данной области.
  5. Статьи принимаются в двух экземплярах — печатном и электронном. Распечатанный на бумаге текст должен быть идентичен тексту электронного варианта.
  6. В соответствии с требованиями ВАК МОН Российской Федерации статьи аспирантов публикуются бесплатно.
- Другие услуги по допечатной подготовке и редактированию статей оплачиваются на основании договоров вуза с авторами.

ВНИМАНИЕ!

Ответственность за содержание публикаций несут авторы.

При представлении основных результатов своего научного исследования автор обязан находиться в правовом поле, то есть его публикация не должна каким-либо образом нарушать Закон РФ «О средствах массовой информации» (Закон о СМИ) от 27.12.1991 N 2124-1 (действующая редакция от 24.11.2014).

Редакция научного журнала «Вестник МГУКИ» обращает внимание на то, что в своей редакционной политике руководствуется принципами публикационной этики, разработанными на основе российских и международных стандартов:

- положений, принятых на 2-ой Всемирной конференции по вопросам соблюдения добросовестности научных исследований (Сингапур, 22–24 июля 2010 г.);
- положений, разработанных Комитетом по этике научных публикаций (The Committee on Publication Ethics – COPE).
- норм главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса Российской Федерации.